

БИБЛИОТЕКА ФИЛОЛОГА

Проф. В. А. БОГОРОДИЦКИЙ
член-корреспондент Академии Наук СССР

ВВЕДЕНИЕ
В ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

2-е издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
Москва 1959

380385

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор публикуемого в данном выпуске Библиотеки филолога очерка фонетики и грамматического строя романских и германских языков — член-корреспондент Академии Наук СССР, профессор Казанского государственного университета имени В. И. Ленина, Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941) — широко известен в истории русской науки своими трудами по русскому языку, сравнительной грамматике индоевропейских языков, экспериментальной фонетике и общему языкознанию.

Рукопись «Введение в изучение современных романских и германских языков» была представлена в Издательство еще при жизни автора, но своевременно не была напечатана.

В настоящее время она не во всем соответствует требованиям современной романистики и германистики. Однако как научно-популярный очерк книга будет полезна для студентов и преподавателей, занимающихся или интересующихся вопросами романского и германского языкознания.

Публикуя этот труд как посмертное издание, редакция целиком сохранила текст В. А. Богородицкого, хотя в ряде случаев автор непоследовательно пользуется транскрипцией.

Редакцией не учтены также имевшие место после написания настоящей работы изменения в орфографии отдельных языков, примеры и тексты из которых приводятся в книге.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская лингвистика еще очень бедна научными сочинениями по грамматике западноевропейских языков. Это побудило меня приняться за настоящее популярно-научное сочинение по романскому и германскому языкознанию, ставящее целью ознакомить читателя в общедоступной форме с грамматическими особенностями наиболее распространенных современных романских (французский, итальянский, испанский и румынский) и германских (английский, немецкий, голландский, датский и шведский) языков. Мне кажется, что в этом виде мой труд может пригодиться для слушателей вузов, преподавателей-языковедов и литературных работников.

Мой труд распадается на две части — романскую и германскую, каждая из которых имеет отделы подготовительный и специально-грамматический. В первом отделе той и другой части я беру один и тот же небольшой текст, проведенный по всем представленным в книге языкам, в орфографической передаче и научно-фонетической транскрипции, с присоединением пояснительных примечаний или комментария, с предварительной характеристикой звуковой системы каждого из этих языков; во втором отделе я даю краткий сравнительно-исторический обзор фонетики и некоторые замечания по морфологии и синтаксису соответствующих языков. Текст для первого отдела я позаимствовал из книги P. P a s s y «Petite phonétique comparée des principales langues européennes» (Leipzig-Berlin, 1912); но так как в ней все тексты даны лишь в фонетической транскрипции (что, конечно, представляет огромное затруднение для лиц, не знакомых с данным языком и часто не могущих по фонетической транскрипции подыскать в словаре соответствующее слово), то мне пришлось дать те же тексты и в орфографическом виде. То обстоятельство, что текст взят один и тот же по содержанию для всех языков, будет способствовать облегчению первого знакомства с ними. В книге P a s s y отсутствовал румынский текст, но при содействии проф. М. В. Сергиевского мне удалось ввести и его. Все тексты отвечают по содержанию русскому:

Солнце говорит: «Меня зовут солнцем. Я свечу очень ярко. Я встаю на востоке, и когда я встаю, наступает день. Я смотрю к тебе в окно моим блестящим, как золото, оком и говорю тебе, когда пора вставать. Я говорю: вставай, лентяй, я свечу не для того, чтобы ты валялся в кровати, а для того, чтобы ты вставал, работал, читал, гулял».

Я не даю в книге предварительного общего очерка физиологии звуков, так как он имеется в моих прежних сочинениях¹ с указанием на литературу предмета, и ограничиваюсь краткой характеристикой звуковой системы каждого из названных языков с прибавлением соответствующего комментированного текста.

Эта первая часть является подготовительной ко второй, собственно грамматической.

Замечу, что *Passy* ставил главной целью своей книги точную фонетическую транскрипцию и потому внес в нее обозначение и таких тонкостей произношения, которые для моего сочинения являются излишними, могущими затруднить его изучение (как, например, вариации гласного [a], согласного [r]). Хотя транскрипция *Passy* не является единственной², я все же в общем в текстах сохранил ее.

¹ Назову: «Очерки по языковедению и русскому языку» (Казань, 1901; изд. 2-е, 1909; изд. 3-е, 1910) и «Лекции по общему языковедению» (Казань, 1913; изд. 2-е, 1915), а также статью «Очерк физиологии произношения языков французского, английского и немецкого сравнительно с русским» (Казань, 1903, отд. оттиски из «Ученых записок Казанского университета»), вошедшую в мои «Очерки», изд. 2-е, 1909, и изд. 3-е, 1910. Укажу еще на следующие работы: проф. Н. В. Крушевский «Антропофоника», «Русский филологический вестник», 1892, № 4 и 1894, №№ 1—2, и С. И. Ершов, Экспериментальная фонетика, «Ученые записки Казанского университета», 1903.

² Так, проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ («Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков», Варшава, 1881, отд. оттиски из «Русского филологического вестника») принял для аффрикат и спирантов другие обозначения:

Б. д. К.	<i>Passy</i>	Б. д. К.	<i>Passy</i>
с	ts	s	s
з	dz	z	z
щ	tʃ	ʃ	ʃ
ж	dʒ	ʒ	ʒ

Способ обозначения проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ применил затем проф. Н. В. Крушевский к романским языкам («Очерки по языковедению. III. Важнейшие данные фонетики романских языков», Казань, 1894, отд. оттиски из «Ученых записок Казанского университета», посмертное издание).

предпочтя лишь буквы [γ] для заднеязычного звонкого спиранта и [β] для губно-губного полусмычного и некоторые другие; согласно **Passy**, я применяю начертание [ε] для широкого (открытого) *e*, [e] — для узкого (закрытого) *e*, [ɔ] — для широкого (открытого) *o*, [o] — для узкого (закрытого) *o*, [œ] — для широкого (открытого) *ø*, [ø] — для узкого (закрытого) *ø*, [y] для *ÿ*, [ʃ] — для *š*, [ʒ] — для *ž*, [tʃ] для *č* и [dʒ] — для соответствующей звонкой аффрикаты. Двоеточие после начертания гласного звука обозначает долготу; одна точка — полудолготу. Так как, далее, во время моих нередких поездок в Западную Европу я не упустил случаев записывать фонетически слышимое, причем пользовался буквами русского алфавита с необходимыми дополнительными значками, то в настоящей работе, при характеристиках звуковых систем изучаемых языков, я воспроизвожу и этот материал, для которого применяю в печати русский шрифт, что позволяет легко отделять мои записи от транскрипции **Passy**.

Краткие сведения о географическом распределении языков даны по материалам до 1939 года.

ОБЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ И ЗНАКОВ

1. Названия языков: ие. = индоевропейский, санскр. = санскрит, греч. = греческий, лат. = латинский, франц. = французский, рум. = румынский, герм. = германский, нем. = немецкий, др.-вхн. = древневерхненемецкий, ср.-вхн. = средневерхненемецкий, англ. = английский, агс. = англо-саксонский и т. д.

2. Грамматические названия: сущ. = существительное, прил. = прилагательное, м. р. = мужской род, ед. ч. = единственное число, прош. вр. = прошедшее время, страд. зал. = страдательный залог, прич. = причастие, и другие, обычно употребляющиеся в грамматике.

3. Знаки: ≠ знак соответствия между языками, напр., франц. *couleur* 'цвет' ≠ итал. *colore*; || знак чередования в том или другом языке, напр. франц. *tenir* 'держат' || *tient* 'держит'; > знак звукового изменения, напр. лат. *facere* > франц. *faire*; ↙ знак словопроизводства, напр. нем. *Glück* 'счастье' ↙ *glücklich* 'счастливый'; < знак происхождения; L — *Liquida* (плавный согласный); N — *Nasalis* (носовой согласный); V — *Vocalis* (гласный звук); C — *Consonans* (согласный звук); * значок перед звуком или формою, воссоздаваемыми гипотетически, ° кружок под буквою для обозначения слогового характера, напр., L — слоговое l.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЗОР РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

К романским языкам относятся : французский, итальянский, испанский, каталанский, румынский, молдавский, провансальский, португальский, рето-романский и сардинский. Все романские языки восходят к латинскому, являющемуся одним из так называемых индоевропейских языков. Первоначальная область распространения латинского языка была очень небольшая — область Лациума с Римом в центре ; но Рим (Рома) постепенно заволадевает всем Апеннинским полуостровом, а затем расширяет свои владения далеко за пределы Италии : покоряет Испанию, Галлию, Дакию и др. Среди покоренных римлянами народностей в Европе происходит процесс романизации и постепенного образования романских языков на почве народной латыни, при упадке латинского литературного языка и образования, особенно с V века нашей эры — эпохи падения римской империи. Так как побежденные народности не могли сразу забыть свой родной язык и научиться языку завоевателей, то в первое время побежденные продолжали пользоваться родным языком наряду с языком победителей, усвоение которого, при низком уровне образованности его носителей, могло совершаться и совершалось лишь путем практическим, путем общения побежденных с победителями, т. е. на почве разговорной речи. Побежденные, усваивая народную латынь, естественно, подчиняли ее в большей или меньшей степени произношению, морфологии и синтаксису своего родного языка. При таких условиях латинский язык постепенно все более и более переходит из своего синтетического состояния в аналитическое состояние романских языков. Процесс этот состоит в разложении цельного склоняемого

и спрягаемого слова (с основой и окончанием) на относительно независимые морфологические элементы (описательные или перифрастические формы глаголов, существительных и т. п.). Это выражается, например, в развитии артикля как указательной префиксальной частицы при существительных (напр., франц. *la table* вместо лат. *tabula*), показателей лиц (глагольных префиксальных частиц, показывающих лицо, напр., франц.: *je, tu, il*) и т. д.¹

По видимому, данный процесс, наблюдаемый не только в разных языках индоевропейской семьи, но и в других языковых группах, связан с определенными процессами в сознании и, в частности, со схематизацией их речевого выражения. Так, многочисленные латинские формы, — например, родительного падежа (с окончаниями *-i, -ae, -is, -orum, -ium, -um* и т. д.), заменяются единой конструкцией с предлогом-префиксом (напр. *de* в составной, «аналитической» французской форме *de la table* 'стола'), точно соответствующей логическому единству данных отношений². Первые следы аналитических особенностей мы находим уже в самих латинских текстах (грамматах и пр.), но в разных частях романского мира они относятся к разным эпохам.

В настоящее время к числу романских языков относятся следующие :

1. И с п а н с к и й язык, распространенный на Пиренейском полуострове на территории Испании, на котором говорит все население страны (кроме басков в Бискайе, галисийцев в провинции Галисии и каталонцев). Важнейшие его диалекты : астурийский, леонский, арагоно-наваррский, кастильский и андалузский. Кроме Испании, испанский язык распространен во всех государ-

¹ Обычные термины при характеристике этого процесса «синтетический» и «аналитический», может быть, не вполне соответствуют предмету (см. следующую сноску).

² И. А. Бодуэн де Куртенэ в «Заметках на полях сочинения В. В. Радлова» (в журнале «Живая Старина», вып. II—III, 1909) советовал говорить о «централизованном» (вместо «синтетического») или же «децентрализованном» (вместо «аналитического») построении слов. И тут же он прибавлял: «В истории племенных и национальных языков централизация переходит постепенно в децентрализацию, и наоборот».

ства Центральной и Южной Америки (кроме Бразилии) : Мексике, Аргентине, Перу, Чили, Парагвае, Уругвае и др. и на Антильских островах. Первые памятники его относятся к XI веку. В основу государственного и литературного испанского языка легло кастильское наречие.

2. К а т а л а н с к и й язык в испанских провинциях Каталонии и Валенсии, а также на Балеарских островах и в прилегающем к Каталонии французском департаменте Восточных Пиренеев. Памятники на каталанском языке известны с конца XII века.

3. П р о в а н с а л ь с к и й язык на юге Франции, где он известен еще со средних веков как язык поэзии трубадуров. Важнейшие его диалекты : гасконский, лангедокский, прованский, овернский и лимузинский. Древнейшие памятники относятся к XI веку.

4. Ф р а н ц у з с к и й язык, являющийся государственным и литературным языком Франции, французской (валлонской) Бельгии и Швейцарии. Его диалекты теперь сохранились преимущественно на периферии : нормандский, пикардский, валлонский (в Бельгии), лотарингский, бургундский и группа франко-провансальских говоров во французской Швейцарии и прилегающих областях Франции : Франш-Конте, Дофинэ, Савоие. Памятники языка известны с IX века. В основе литературного языка лежит центрально-французское наречие области Иль-де-Франс.

5. И т а л ь я н с к и й язык — в Италии, сохраняющий наибольшую диалектальную раздробленность. В Италии насчитывается свыше 20 диалектов, из которых важнейшими являются : пьемонтский, ломбардский, венецкий, генуэзский, эмилианский, тосканский, умбро-римский, неаполитанский, абруццкий, апулийский, калабрийский, сицилианский и корсиканский. В основу литературного языка лег тосканский диалект. Памятники начинаются с XIII века, если не считать отдельных фраз, зафиксированных в латинских документах начиная с X века.

6. С а р д и н с к и й язык — на острове Сардинии с двумя главными диалектами : логудорским и кампиданским. Ранее причислявшийся к диалектам итальянского языка, сардинский в последнее время выделяется как

особый романский язык, благодаря своим специфическим чертам, резко отличным от собственно итальянских, и сохранению наиболее архаичных черт народной латыни. Памятники его известны с XII века.

7. Рето-романский язык (ладинский), распространенный в южных и юго-восточных кантонах Швейцарии и северо-восточной Италии с важнейшими диалектами: граубюнденским, энгадинским, фриульским и трентинским. Памятники его начинаются с XVI века, если не считать нескольких незначительных документов более раннего времени.

8. Румынский язык в Румынии (так наз. дако-румынский), в северо-западной Греции и Албании (так наз. македоно-румынский) и в нескольких селениях на полуострове Истрии (так наз. истро-румынский). Памятники румынского языка начинаются с XVI века, поскольку до этого времени официальным языком румынских «господарств» (княжеств) был старославянский.

9. Молдавский язык — национальный язык Молдавской ССР.

10. Португальский язык, распространенный на территории Португалии, на Азорских островах и Мадере, а также являющийся государственным и литературным языком в Бразилии. Его важнейшими диалектами являются: северо-португальский, южно-португальский, Азорских островов и Мадеры. Первые памятники португальского языка относятся к XIII веку. К нему близок и галисийский диалект (gallego) населения испанской провинции Галисии.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК: ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТЕКСТ С КОММЕНТАРИЕМ

Звуковая система¹

Ударные гласные. Система ударных гласных во французском языке представляет ряд особенностей по сравнению с русским.

1. В связи с постоянным местом ударения во французском языке (на конечном произносимом слоге), ударные гласные всегда принадлежат этому слогу, тогда как в русском языке ударные гласные встречаются в разных положениях в слове: в начале, середине и конце.

2. Французские ударные гласные являются с различием по долготе и краткости, причем в открытых конечных слогах они кратки, а в закрытых слогах получают долготу, если слог закрыт согласным звонким фрикативным [v], [z], [ʒ], [j], или [r], напр. [ru:ʒ] (орф. rouge) 'красный', [pɛ:r] (орф. père) 'отец'², между тем как наблюдаемые в русской речи физические различия в длительности гласных (полудолгота в ударных открытых слогах, напр. «дóма»; краткость в ударных закрытых слогах, напр. «дóm») и сверхкраткость во всех неударных слогах, не имеют смыслового различительного значения.

3. Артикуляционные уклады полости рта при французских гласных являются более передними сравнительно с русскими, напр. гласный [a] в слове quatre 'четыре', и т. п.; с другой стороны, при гласных губного сужения

¹ Для подробностей см. мои «Очерки», изд. 3-е, стр. 100—112.

² Аналогичная разница по долготе и краткости гласных перед звонкими и глухими фрикативными в закрытых слогах наблюдается также в английском языке, как бы след былого французского влияния на английский язык. Ср. Passy §§ 131, 142.

[o] и [u] (орф. *ou*) лабиализующая работа губ является более энергичною, чем в русском языке.

4. Средние гласные [e] и [o] являются во французском языке как открытые, напр. [pɛ : r] (орф. *père*) 'отец', [sɔt] (орф. *sotte*) 'глупая', и как закрытые, напр. [ne] (орф. *nez*) 'нос', [so] (орф. *sot*) 'глупый'; в русском же языке открытым и закрытым может быть лишь гласный [e] и притом при иных фонетических условиях.

5. Французский язык имеет особые губные гласные: *ö* [œ] открытое, напр. [pœ : r] (орф. *peur*) 'боязнь' и закрытое [ø], напр. [pø] (орф. *peu*) 'мало', и [y] (орф. *u*), напр. [yn] (орф. *une*) 'одна'. В русском языке эти гласные отсутствуют.

6. Существуют носовые гласные: [ã], [ɛ̃], [õ], [œ̃], напр. [tã] (орф. *temps*) 'время', [mɛ̃] (орф. *main*) 'рука', [mõ] (орф. *mon*) 'мой'; в положении не на конце слова они обычно долги, напр. [ʃã·ʒe] (орф. *changer*) 'менять', [ã·fã] (орф. *enfant*) 'дитя'.

7. Отметим, наконец, расширяющиеся дифтонги: [je], напр. [pje] (орф. *piéd*) 'нога', и [ua], напр. [tɾua] (орф. *trois*) 'три'¹.

Безударные гласные. Так как ударение во французском языке постоянно находится на конце слова, то при сопоставлении с русским языком приходится брать в последнем лишь слоги предударные, как, например, в двусложном слове «годá» (предударный слог произносится довольно сильно) или трёхсложном «годовóй» (первый слог перед ударением имеет довольно сильное произношение, а второй предударный — слабое). Во французском языке в двусложных словах в предударном слоге получают вариации: долгий гласный становится полудолгим, напр., *gâter* [ga·te] 'портить', — сравнительную силу слогов можно условно² изобразить цифрами ($1\frac{1}{2}$ —2), — краткий неиндифферентный гласный удерживает краткость, напр., *lapin* 'заяц' (1 — $2\frac{1}{2}$), и, наконец, слабый индифферентный

¹ В сущности, неслоговые элементы этих дифтонгов являются теперь согласными [j] и [w].

² Экспериментальная фонетика позволяет получать точные числовые данные и притом по разным сторонам произношения; см. мое сочинение «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных» (Казань, 1930), Введение, стр. 3—60.

гласный [э], обозначаемый в орфографии через \bar{e} , легко улетучивается, напр. в слове chemin 'дорога' ($1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$). Подобным образом и для слов трех слогных во французском языке одной определенной формулы нет. При этом можно отметить типы: оба предударных слога имеют узкий гласный, напр. ridicule 'смешной' (1 — 1 — $2\frac{1}{2}$); в первом предударном слоге стоит средний или широкий гласный при узком или же индифферентном гласном во втором слоге, напр. nouveauté 'новость' (1 — $1\frac{1}{2}$ — 2), demeurer 'жить', 'обитать' ($1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ — 2); обратно — в первом предударном узкий или индифферентный гласный при широком или среднем гласном во втором слоге перед ударением, напр. président 'председатель' ($1\frac{1}{2}$ — 1 — $2\frac{1}{2}$), changement 'перемена' ($1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$)¹. И здесь слабый индифферентный гласный, обозначаемый в фонетической транскрипции через [э], при подходящих фонетических условиях легко исчезает, как можно видеть, сравнивая в прилагаемом тексте фонетическую транскрипцию с орфографией.

Согласные. Особенности французской системы согласных сводятся к следующему:

1. Во французском языке возможны звонкие согласные в конце слов, напр. [rɔb] (орф. robe) 'платье', [ro:z] (орф. rose) 'роза', [rɛd] (орф. raide) 'тугой' и пр.; в русском языке конечные звонкие согласные в ходе исторического движения языка утратили свою звонкость и стали глухими.

2. Конечный согласный, замыкающий собою предшествующий ударный гласный (ибо во французском языке ударение всегда приходится на конечный слог слова), несколько варьирует в длительности, являясь слегка длительным после кратких гласных и кратким после долгих гласных; напр. [rɛn:] (орф. renne) 'северный олень' || [rɛ:n] (орф. reine) 'королева'.

¹ Обстоятельное экспериментальное исследование сонорной длительности в слогах во французском языке гласных ударных и неударных по графическому методу дал А. Grégoire под заглавием «Variations de durée de la syllabe française suivant la place dans les groupements phonétiques» в журнале «La Parole» 1899, стр. 161—176, 263—280, 418—433. Там же (стр. 483—549) помещено исследование Rousselot артикуляций гласных и согласных в слогах по парижскому произношению с помощью искусственного неба под заглавием «Etudes de prononciations parisiennes. I. Les articulations étudiées à l'aide du palais artificiel».

3. Нет мягких (палатализованных) согласных, которыми так богат русский язык ; зато во французском языке имеется один среднеязычный (палатальный) согласный [п'] (орф. *gn*) ; нет твердого [л] (русск. [л]), а только [l] среднее между твердым и мягким, но ближе стоящее к русскому мягкому [л] ; прочие согласные перед гласными переднего ряда остаются твердыми, лишь слегка подвергаясь палатализации.

4. Имеются фрикативные согласные — свистящий и шипящий — в глухой и звонкой разновидностях: [s], [z], [ʃ], [ʒ], при отсутствии соответствующих аффрикат.

5. Согласный [r] в двух разновидностях — переднеязычной ([r]) и увулярной или язычковой ([ʀ]), производимой дрожанием язычка и напоминающей картавое [r] ; вторая разновидность преобладает в произношении больших городов.

6. Существуют взрывные согласные [k] и [g] при отсутствии соответствующих фрикативных ; орфографическое так называемое «*h aspiré*» не произносится, а лишь указывает на раздельное произношение предшествующего ему гласного и следующего за ним, производимого атаковано, напр. [la'aʃ] (орф. *la hache*) 'топор'.

В общем система французских согласных может быть представлена в следующем виде :

По месту образования	Губные	p h	f v	m
	Переднеязычные	t d	s z ʃ ʒ	l n r
	Среднеязычные		j	n'
	Заднеязычные	k g		
	Увулярные (язычковые)			ʀ
	Гортанные	Знак '(атакирования)		

Текст

Le soleil dit: « Je m'appelle soleil, je suis
 [lə sɔlə:j di || zə m apɛl sɔlə:j | zə sɔi
 Солнце говорит: «Я называюсь солнцем, я (есмы)

très brillant, je me lève à l'est et quand
 trɛ brijã | zə m lɛ:v a lɛst e kã
 очень блестяще, я поднимаюсь на востоке, и когда

je me lève, il fait jour ; je regarde par ta
 zə m lɛ:v | il fɛ zu:r | zə rgardə par ta
 я восхожу, становится день; я смотрю чрез твою

fenêtre avec mon œil brillant comme l'or
 fne:tr avɛk mɔn œ:j brijã kɔm lɔ:r
 окно моим глазом, блестящим как золото,

et je te dis, quand il est temps de te lever,
 e z tə di kãt il ɛ tã də tə lve |
 и я тебе говорю, когда (есть) время тебе вставать,

et je te dis: paresseux, lève-toi, je ne brille pas
 e z tə di || parɛsø lɛv twa | zə nə brij pa
 и я тебе говорю: лентяй, поднимайся, я не свечу,

pour que tu restes au lit à dormir, mais je brille
 pur kə ty rɛst o li a dɔrmi:r | mɛ zə brij
 чтобы ты оставался в постели спать, но я свечу,

pour que tu te lèves et que tu travailles,
 pur kə ty t lɛv e k ty trava:j |
 чтобы ты поднялся и чтобы ты работал,

que tu lises et que tu te promènes. »
 kə ty li:z e k ty tə prɔmɛn]
 чтобы ты читал и чтобы ты гулял».

Комментарий

1. *le* — определенный артикль м. р., восходит к латинскому указательному местоимению *ille* 'он', 'тот', отражая его конечный слог, тогда как в личном местоимении 3-го л. м. р. франц. *il* сохранился начальный ударный слог того же латинского слова, утраченный в артикле вследствие безударности. В других романских языках также получилось неодинаковое отражение лат. *ille* в личном местоимении 3-го л. и в артикле.

2. *soleil* 'солнце' восходит к латинскому существительному *sollcūlus*, являющемуся уменьшительным к *sol* 'солнце'. Еще в народной латыни подобные уменьшительные получили обычное значение, утратив уменьшительный оттенок (явление нередкое в жизни языков).

3. *dit* (конечное *t* не произносится) 'говорит' — 3-е л. ед. ч. наст. вр. (лат. *dicit*); во 2-м л. ед. ч. *dis* не произносится конечное *s* (лат. *dīcis*), как и в 1-м л. ед. ч. *dis* (лат. *dīco*); инфинитив *dire* отражает лат. *dīcēre*, в котором прежде всего исчезло внутреннее послеударное [ɛ], а в получившейся группе *cre c* [k] видоизменилось в [j], причем это [j] слилось с предшествующим однородным с ним гласным [i]. Аналогичный путь изменения проходили также внутренние группы *ct* и *cs*, напр., лат. *factum* 'дело' > франц. *fait*, ахем (вин. пад.) 'доска' > *ais*, причем [j] соединялся с предшествующим неоднородным гласным [a] в дифтонг [ai], давший затем средний гласный.

4. *je* 'я' соответствует лат. *ēgo* (им. пад.) и употребляется только перед глагольной формой того же (первого) лица; прочие падежи ед. ч. в латинском происходят от другого корневого комплекса (ср. вин. пад. *mē* = франц. *me* [mɛ]); обе формы — *je* и *me* — сохраняют свой слабый гласный перед следующим согласным, а перед гласным теряют его, причем орфография отмечает его место знаком апострофа; так, здесь имеем *je* с сохранением гласного, но *m'* — уже без гласного.

5. *j'appelle* 'называю' — 1-е л. ед. ч. наст. вр.; *je m'appelle* 'называюсь', дословно 'я меня называю' (возвр. залог); во французском языке спрягаемые глагольные формы 1-го и 2-го лица всегда употребляются с предшествую-

щим личным местоимением, а в 3-м лице с личным местоимением в том случае, если подлежащее не выражено существительным (напр. *je dis* — 1-е л., *tu dis* — 2-е л., *Il dit* — 3-е л.; *le soleil dit*)¹. При возвр. залоге между личным местоимением, как подлежащим, и глаголом помещается соответствующая форма винительного падежа от того же местоимения (ср. *je m'appelle*). Другими словами, местоимения, сопровождающие французские возвратные глаголы, изменяются, в отличие от русского неизменного окончания *-ся* (после согласного) или *-сь* (после гласного). Форма лат. *mē*, получая во фразе усиливающее ударение, дала другое отражение во французском в виде *moi* [mwa] уже как самостоятельное, а не энклитическое приглагольное местоимение, напр. *à moi* 'мне' = лат. *ad me*; *c'est moi* 'это я' и т. п., но *je m'appelle* 'я называюсь'. Заметим еще, что здесь существительное *soleil*, входящее в состав сказуемого, уже не имеет определенного артикля.

6. *je suis* (лат. *ego sum*) 'я есмь' произносится [зэ сүи]. Орфографическое окончание *-is* (*suis*), отсутствующее в латинской форме, представляет собою позднейшее присоединение по аналогии с другими глаголами.

7. *très* 'очень' восходит к лат. *trans* 'через', 'по ту сторону', откуда получился позднейший смысл франц. *très*, являющегося уже не предлогом, а усилительным наречием. Через изменение [ns] > [s] (уже в народной латыни [n] перешло в носовой пазвук предшествующего гласного, затем исчезнувший) из *trans* получилось *tras*, давшее далее франц. *très* (в испанском еще удерживается *tras*, а в итальянском и румынском *tra*, отвечающее латинской вариации *tra*, напр. *trādo* 'передаю').

8. *brillant* 'блестящий' — форма причастия от глагола *briller*, предполагающего лат. *beryllare* 'блестеть' как *beryllus* 'бирюль' (драгоценный камень), откуда также ит. *brillare*, исп. *brillar*, португ. *brilhar* (исп. *ll* и португ. *lh* обозначают [l'] (смягченное [л])).

¹ 2-е лицо повел. наклонения выражается одною глагольною формою без местоимения, напр. *dis* 'говори', 'скажи'. Формы глагола 1-го и 2-го л. могут быть названы формами разговаривающих, в отличие от 3-го л. (стороннего).

9. je lève 'я поднимаю' (лат. *lĕvo*), je me lève 'я поднимаюсь', 'всхожу' (о солнце); отсюда франц. причастное существительное *levant*, ит. *levante* 'восток' (страна света — место, где восходит солнце). Из двух предударных словечек [зэ тэ] в беглой разговорной речи гласный [э] в ближайшем к ударению положении может ослабляться вплоть до исчезновения: [зэmlɛv].

10. à l'est 'на востоке'. Предлог *à* восходит к лат. *ad*, причем утрата [d] встречается уже в латинском языке поздней эпохи; l' — определенный артикль вместо *le* перед гласным следующего слова (ср. пункты 1 и 4); *est* 'восток' — слово германского происхождения, перешедшее через Англию (анг. *east* 'восток') с произносившимися конечными согласными *st*; существует наряду со словами *l'orient* и *levant*, романского происхождения, менее употребительными.

11. *et quand* = лат. *et quando*. В союзе *et* 'и' утратился конечный согласный, в *quando* исчез из произношения сперва конечный неударный гласный [o] и потом согласный [d], а лабиализованное *qu* [kw] превратилось в простое [k] в результате потери лабиализации.

12. *il fait* — 3-е л. наст. вр. в безличном употреблении 'бывает', 'становится', причем *il* здесь отражает собою уже средний род (лат. *illud*), совпавший во французском языке с мужским родом; что здесь при безличном употреблении глагола местоименное слово должно трактоваться как отражение среднего рода, следует из применения *il fait* безразлично к существительным мужского и женского рода, напр. *il fait jour* (м.) '(настает) день', *il fait nuit* (ж.) '(настает) ночь'. Глагол *faire* 'делать' восходит к лат. *facĕre*, в котором прежде всего утратилось [ĕ] во внутреннем послеударном слоге: *facĕre* > *facre*, откуда современное орфографическое *faire* (см. пункт 3). Спрягается глагол в ед. ч. наст. вр. так: *je fais* (лат. *facio*), *tu fais* (лат. *facis*), *il fait* (лат. *facit*); различие с латинским: в 1-м л. ед. ч. в латинском на конце имеется -o, а во франц. — -s, одинаково со 2-м л., по аналогии с глагольными формами типа *je finis*; во французском конечные -s и -t, сохраняющиеся в орфографии, не произносятся.

13. *jour* 'день' восходит к лат. прилагательному *diurnus* 'дневной', а это последнее к слову *dies* или *dius* 'день';

способность прилагательных переходить в категорию существительных весьма обычна. От того же слова *diurnus* происходят во французском языке существительные *jour-née* 'день', *journal* 'газета', 'журнал' (поденная книга, дневник) с изменением начального [di] перед гласным в [dʒ] > [ʒ] (орф. j); слово же *jour* получилось на почве концевого укорочения слова¹.

14. *je regarde* 'я смотрю', 'посматриваю' — простой глагол *je garde* 'присматриваю' и префикс *re* (лат. *re*) с оттенком повторяемости; глагол *garder* 'присматривать' германского происхождения и находится в соотношении с англ. *to ward* 'присматривать', нем. *warten*; слово существует также в итальянском — *guardare*.

15. *par* 'через', 'через' = лат. *per*.

16. *ta* 'твоя' (при *ton* 'твой') = лат. *tua* (им. пад.) и *tuam* (вин. пад.) с редукцией [ua] > [a]. Конечное [m] стало утрачиваться через посредство носового пазвука еще в латинском, как видно из надписей, что вело к совпадению форм с конечными [-a] и [-am]. Форма м. р. *ton* из лат. *tuum* (вин. пад.) сохранила конечный [m] как односложное слово (ср. *rien* из лат. *rem*).

17. *fenêtre* — лат. *fenestra* 'окно' при более ранней форме *fenestre* с удержанием внутреннего [s] перед группой [tr], позднее исчезнувшего, след которого остался в орфографии в виде значка ^ (*circumflexe*) над предшествующим *e*; в итальянском [s] в тех же условиях сохранилось — *finestra*, как и в испанском: *finiestra* > *hiniestra* (уже устарело, сменившись на *ventana*) и румынском: *fereastră*.

18. *avec* имеет значение нашего предлога 'с' с творит. падежом в смысле сопровождения, — 'с кем-либо, с чем-либо', — а также, как здесь, придает существительному значение нашего творительного орудия (тот и другой смысл стоят в связи между собою). Предлог *avec* получился из латинского сочетания *apud hoc* (*apud* — предлог с вин. 'у', *hoc* — местоимение 'это') > *avues* > *avec*,

¹ Первичное слово *dies* (*dius*) с потерей конечных звуков удержалось в виде пережитка в конце названий дней, напр., *lundi* (лат. *lunae dies* 'день луны') и пр.

причем [p] в положении между гласными озвончилось в [b], изменившееся далее в фрикативное [v]. Весь путь звукового и смыслового преобразований данного сочетания из предлога и указательного местоимения (*apud hoc*) 'у этого', 'совместно с этим', 'с' в предлог *aves* совершился на французской почве при участии «опрощения», так что для языкового чутья слово *aves* является уже простым и не разлагается на первоначальные составные части.

19. *mon œil* — местоимение притяжательное 1-го л. ед. ч. м. р.; *mon* отражает лат. *meum* (вин. пад.), а ж. р. та соответствует лат. *mea*, *meam* (ср. пункт 16). Существительное *œil* 'глаз' восходит к лат. *ocūlus*, в котором [й] во внутреннем послеударном слоге, по общему правилу, исчезло, а получившаяся группа [kl] (орф. *cl*) изменилась в [il], вызвав тем самым изменение предшествующего гласного [o].

20. *comme* 'как' = лат. *quōmodo* 'каким образом': опрощение с переходом словосочетания, состоявшего из относительного местоимения + существительное в творит. падеже образа действия, в одно неразложимое наречие. Относительно [kw] (орф. *qu*) > [k] (орф. *c*) см. пункт 11.

21. *l'or* — начальное l' из *le* перед гласным началом следующего существительного (см. пункт 10). Существительное *or* м. р. 'золото' = лат. *aurum* ср. р., причем начальный латинский дифтонг [au] стянулся в простой гласный [o]. Это весьма обычное фонетическое изменение началось еще в самом латинском (в народной речи), как видно из свидетельства Феста: «крестьяне вместо *aurum* говорили *ogum*»; особая категория среднего рода на почве романских языков утратилась, и в данном примере латинское слово среднего рода перешло во французском языке в категорию мужского рода.

22. *et je te dis*: [ʒ tɛ] вместо [ʒə tɛ] — из двух одинаковых кратких индифферентных гласных перед главным ударением на слове [di] (орф. *dis*), принадлежащих личным местоимениям 1-го л. в роли подлежащего и 2-го л. в роли дополнения, опущен гласный в местоимении *je* во втором предударном слоге, которое при этом в слоговом отношении примкнуло к предшествующему *et* как опорному

пункту. Безударное местоимение *te*, стоящее непосредственно перед глаголом *dis*, имеет смысл не винительного, а дательного падежа; в положении же после глагола безударное *te* сменилось бы на ударное *à toi* [a tua] уже с явно выступающим префиксом (*à*) дательного падежа.

23. Выражение *il est* 'есть' в смысле 'настало' употреблено безлично, подобно выражению *il fait* в пункте 12.

Слово *temps* [tã] = лат. *tēmpus* с редукцией конца слова и с образованием носового гласного из [ë] + NC.

В выражении *de te lever* мы видим предлог *de* при неопр. форме, чем эта форма резко отличается от спрягаемых форм глагола, сближаясь с категорией существительного.

24. Прилагательное *paresseux* 'ленивый' — производное от существительного *la paresse* 'лень', 'леность' = лат. существительному *pigritia*, откуда прилагательное *pigritiosus* (само же *pigritia* происходит, в свою очередь, от первичного прилагательного *piger*, не имеющего отражения во французском); латинский конец слова *-itia* дал франц. *-esse*, начальное предупредительное *pigr-* перешло в *per-* и затем в *par-*, *gr > r* (ср. ит. *pigro* и *pigrose*¹ 'ленивый', *pigrezza*² 'леность', исп. существительное *pereza* и прилагательное *perezoso*³).

25. *lève-toi* 'поднимайся', 'вставай'. Местоимение ударное 2-го л. ед. ч. *toi* (одинаково мужского и женского рода), в отличие от *te*, стоит после глагола в повелительном наклонении как его прямое дополнение; ср. далее *et je te dis*, где неударяемые местоимения (*je* и *te*) предшествуют глаголу, причем *te*, в зависимости от того, имеет ли глагол переходное или непереходное значение, получает смысл винительного или же, как здесь, дательного падежа, между тем как *toi* в дат. падеже получает предлог *à* (*je dis à toi*), т. е. подобно существительным; аналогично: *il me dit* 'он говорит мне' или *il dit à moi*. Двойные формы для вин. и дат. падежей личных местоимений встречаются также в испанском, напр. 'я тебе это скажу' = *te lo diré* или *lo diré a ti*.

¹ s = русск. [с].

² zz = русск. [цц].

³ z в исп. = [θ], s—приблизительно русск. [с].

26. *je ne brille pas* ‘я не свечу’; *le, je, ne, me, te* в орфографии теряют *e* в положении перед гласным, но в живом произношении в современном языке могут утрачивать свой гласный и перед согласным в зависимости от положения во фразе: *je ne brille pas*, причем [п] в слоговом отношении примыкает к предшествующему *je*. Отметим особенность французского отрицания при глаголе, состоящего из двух частиц *ne* и *pas*, между которыми помещается глагольная форма; при неопр. форме обе частицы ставятся рядом, предшествуя неопр. форме, напр. *ne pas regarder* ‘не смотреть’. Частичка *pas* восходит к лат. существительному *passus* ‘шаг’ и первоначально применялась в собственном своем смысле в таких выражениях, как *je ne marche pas* ‘я шагу не ступаю’ и т. п.

27. *Pour que tu restes* — составной союз *pour que* ‘для того чтобы’ получился из латинского предлога *pro* ‘для’, ‘за’, ‘в пользу’ и относительного местоимения *quod* ‘что’ и употребляется с сослагательным наклонением. Глагол *rester* восходит к лат. *restare* ‘оставаться’, состоящему из глагола *stare* ‘стоять’ и префикса *re*, выражающего повторяемость, продолжаемость.

28. *au lit à dormir* — выражение *au lit* ‘в кровати’ содержит *au* = предлог *à* в соединении с артиклем *le* (*à le > al > au*¹); *lit* ‘кровать’ = лат. *lĕctus*, причем *ect* [ĕkt] > *it*, в итальянском из того же латинского слова получилось *letto* (*ct > tt*), исп. *lecho* (*ch* = русск. [ч]), португ. *leito*. Глагол в неопр. форме *dormir* ‘спать’ = лат. *dormire*, причем предлог *à* при неопр. форме придает смысл ‘чтобы спать’, ‘для спанья’.

29. Союз *mais* ‘но’ отражает латинское наречие (ср. степ. *magis* ‘более’). Глагол *travailler* ‘работать’ произведен от сущ. *travail* ‘работа’; глагол *lire* ‘читать’ = лат. *legĕre* с выпадением [ĕ] во внутреннем послеударном слоге и изменением [g] в [j], причем последнее потом слилось с предшествующим гласным и через ступень [iei] перешло в [i]; глагол *promener* ‘водить гулять’ (*se promener* возвр. ‘гулять’) = лат. *prominare* ‘гнать перед собою’.

¹ В положении перед согласным.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК: ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТЕКСТ С КОММЕНТАРИЕМ

Звуковая система

Ударные гласные. В испанском языке пять основных гласных — [a], [e], [i], [o], [u], из которых [e] и [o] в своих вариациях занимают, в общем, среднее положение между широкою и узкою разновидностями, а перед [r], [x] и в дифтонгах [ei], [oi] произносятся шире, т. е. более открыто. Имеются дифтонги, главным образом расширяющиеся, столь характерные для романских языков, именно [ie] и [ue], подобные итальянским [ie] и [uo], напр. *tiempo* 'время', *fuego* 'огонь' (ит. *tempo*, *fuoco*), причем испанские расширяющиеся дифтонги появляются как в открытых, так и закрытых слогах, в отличие от итальянского, где они бывают только в первых. Сравнительно редко встречаются в испанском суживающиеся дифтонги, напр. в словах *aire* 'воздух', *ley* 'закон', мн. ч. *leyes* (начертание *y* вместо *i*), *causa* 'причина'. В дифтонгах того и другого типа (расширяющихся и суживающихся) силовая вершина приходится на более широком компоненте, т. е. на втором в расширяющихся дифтонгах и на первом в суживающихся.

Безударные гласные. В безударных слогах гласные произносятся при несколько уменьшенном растворе рта; различие по высоте тона с ударными в одних и тех же словах, как и в итальянском, более значительно в сравнении с французским; для иллюстрации различия в распределении силы по слогам в неодносложных словах можно привести слово

al r¹è de d¹ó res¹ 'окрестности'
1—1^{1/2}—1—3—2

¹ Знаком ' обозначается основное ударение в слове, знаком \ — второстепенное. (Прим. ред.)

Согласные. Главные особенности в системе испанских согласных, в общем довольно богатой, следующие:

1. По способу произношения: звонкие смычные согласные внутри слова между гласными произносятся без полной смычки, т. е. по типу фрикативных ([β], [ð], [ɣ]), в отличие от положения в начале слов, где смычность сохраняется, например:

bueno	‘добрый’		caballo ¹	‘лошадь’
dar	‘давать’		modo ²	‘способ’
golfo	‘залив’		luego	‘сейчас’

2. По месту произношения:

а) В области переднеязычных артикуляций свистящий фрикативный [s] имеется только в глухой разновидности, сохраняющийся, в отличие от французского и итальянского, глухим (т. е. как русское [с]) и в положении между гласными, напр. rosa ‘роза’. В отличие от остальных романских языков, имеются межзубные фрикативы [θ] (глухой) и [ð] (звонкий): первый по традиции латинского языка передается в орфографии буквою *s* перед гласными переднего ряда, напр., cierto (произн. [θierto])³ ‘верный’, и буквой *z* перед гласными [a], [o], [u] и согласными, а второй, встречающийся, как сказано выше, лишь в положении между гласными, — буквою *d*. Шипящие фрикативные, нередкие во французском языке, отсутствуют в испанском, но имеется глухая шипящая аффриката [tʃ] (орф. *ch*), являющаяся, по сравнению с итальянской, несколько более задней, напр., mucho ‘много’. Плавный [l], подобно русскому, является в двух разновидностях: твердой [l] (орф. *l*) и мягкой [l'] (орф. *ll*), напр., luego ‘сейчас’ || batalla ‘сражение’ (ит. battaglia). Все же испанское [l] значительно мягче русского [л] и прибли-

¹ В орфографии встречается по историческому принципу и начертание *y*, произносимое аналогично произношению *b*, напр., vaca ‘корова’ || nuevo ‘новый’. В слове yerba ‘трава’ *b* стоит не между гласными и произносится как взрывной согласный (произн. [jɛrba]).

² *d* между гласными имеет межзубную артикуляцию [ð].

³ Испанское [θ] отличается от английского [θ] (орф. *th*) легким нюансом [s]; в испанской Америке произносится как [s]. Перед гласными не-переднего ряда для обозначения [θ] в испанской орфографии применяется буква *z*, напр. razón (произн. [raθón]) ‘разум’.

жается в своем произношении скорее к французскому [l] — как, например, в слове *loup*. Из среднеязычных имеется, кроме указанного [l'], еще мягкое [n'] (орф. *ñ*), напр., *baño* 'купанье'.

Среднеязычный [j] обозначается в орфографии через букву *y*, напр., *yerba* 'трава', *ayer* 'вчера'.

б) Полно представлена категория заднеязычных согласных: кроме взрывных согласных [k] и [g], имеются соответствующие спиранты [x] и [ɣ], отсутствующие в итальянском и французском и обозначаемые в орфографии — первый через *j* или, в положении перед гласными переднего ряда, через *g*, напр., *bajo* (фонет. [baxo])¹ 'гнедой' || *gente* (фонет. xente) 'народ', *urgente* (фонет. urxente) 'неотложный', 'настоятельный', *giro* (фонет. xiro)² 'вращение', а второй, т. е. встречающийся перед гласными переднего ряда, через *g*, напр., *luego* 'сейчас'. Заднеязычный [ŋ], отсутствующий во французском, развившем носовые гласные, встречается в испанском и итальянском только комбинационно — перед [k] и [g], напр. исп. *cinco* (произн. [θiŋko]) 'пять'.

Систему испанских согласных можем представить в виде следующей таблицы:

По месту образования	Губные	p	b	f	β	m
	Переднеязычные	t	d	s	z	l r n
	Среднеязычные				j	l' n'
	Заднеязычные	k	g	x	ɣ	ŋ

¹ Река в Испании, именуемая в русских книгах «Тахо», в испанском произносится [taxo] (орф. *Tajo*); *don Juan* произносится [don xuan], произношение же «Жуан» взято из французского.

² Чтобы буква *g* перед гласными переднего ряда произносилась как [g], а не [x], пишется *gi*, как во французской орфографии, напр., *guerra* (произн. gera) 'война'.

Текст

El sol dice: «Mi nombre es sol, brillo mucho,
[el sol diθe mi nombre es sol bril'o mutʃo
Солнце говорит: «Мое имя есть солнце, сияю очень,

salgo por el oriente y cuando salgo, es de dia;
salgo por el orjente i kwando salgo es de dia
всхожу на востоке, и когда всхожу, бывает день;

miro adentro de tu ventana con estos ojos,
miro adentro de tu βentana con estos oхos
смотрю внутрь твоего окна этими очами,

fulgentes y dorados y te aviso que es hora
fulxentes i dorados i te aβiso ke es ora
блестящими и золотыми и тебя извещаю, что (есть) время

de levantarte diciendo: levántate, perezoso;
de leβantarte diθjendo leβantate pereθoso
вставать тебе, говоря: вставай, ленивец!

no te alumbro para que tú estés en la cama,
no te alumbro para ke tu estes en la kama
не тебе свечу, чтобы ты находился в постели,

sino para que te levantes, trabajes, leas
sino para ke te leβantes traβaxes leas
но чтобы ты вставал, работал, читал

y andes por ahi». .
i andes por ai]
и гулял».

Комментарий

1. *el* — определенный артикль м. р., *la* — ж. р. Местоимение *él* 'он' отличается в орфографии от артикля постановкою знака ударения; для ж. р. служит форма *ella* 'она'. Неопределенный артикль м. р. *un* (*uno*), в ж. р. *una*.

2. *sol* 'солнце' в испанском и португальском отражает латинскую форму им. пад. ед. ч. *sol* (м. р.), тогда как ит. *sole* — вин. пад. ед. ч., как и рум. *soare*; франц. *soleil* отражает латинское уменьшительное образование *solis-cūlus* > *soliclus*, характерное для народной латыни.

3. *dice* 'говорит'; *c* может рассматриваться как разновидность звука [s], получившегося от латинского смягчения [k] (орф. *c*) перед гласным переднего ряда. Спряжение этого глагола по лицам наст. вр.: *digo, dices, dice, decimos, decís, dicen*. В форме *digo* согласный [g] перед гласным не-переднего ряда представляет озвончение лат. [k] (орф. *c*).

4. *mi* 'мой', 'моя' — краткая форма вместо полной *mío* (м. р.), *mía* (ж. р.). В своей полной форме притяжательные местоимения ставятся после существительного, напр., *padre mío* 'мой отец', а в краткой — перед существительным, напр., *mi padre*, где безударное местоимение, примыкая к существительному, теряет свой конечный гласный. Полные формы по лицам в ед. числе: *mío, mía; tuyo, tuya; suyo, suya*, краткие — *mi, tu¹, su*.

5. *pombre* (м. р.) 'имя' при лат. *nomen* (ср. р.), которое перешло на испанской почве в категорию мужского рода (утрата категории среднего рода с обычным переходом в мужской род) и отразило соответственно новообразованный вин. падеж *nomínen*, откуда ст.-исп. *nomne*, а затем, с заменой [n] через [r], по диссимиляции получилось *nomre* > *pombre*.

6. *es* 'есть' — спряжение в настоящем времени: *yo soy, tú eres², él (ella) es, nosotros (-tras) somos, vosotros*

¹ *tu* 'твой', 'твоя', 'твое' совпадает по звукам с личным местоимением 2-го л. *tú* 'ты'; последнее в орфографии для отличия отмечается знаком ударения.

² В латинском 2-е л. ед. ч. *es* и 3-е л. *est*; в испанском устранение конечного [t] в 3-м л. вызывало совпадение обоих лиц, устраненное

(-tras) sois, ellos (ellas) son. Из примеров видим, что в испанском конечный латинский [s] в положении после гласного сохранился, тогда как конечный [t] в 3-м л. единственного числа и множественном числе утратился.

7. brillo [bril'o] 'блещу' при неопр. форме brillar (португ. brilhar, франц. briller, ит. brillare). Спряжение по лицам настоящего времени: yo brillo, tú brillas, él (ella) brilla; nosotros (-tras) brillamos, vosotros (-tras) brilláis, ellos (ellas) brillan. Конечный взрывной [t] исчез в положении после гласного (ср. 3-е л. ед. ч.), после носового [n] (3-е л. мн. ч.), а также после фрикативного [s] (ср. в предшествующем пункте формы es и son). Конечный безударный гласный [e] после [r] в испанском, португальском и французском утратился, в итальянском же сохранился.

8. mucho 'много' восходит к лат. multus, -a, -um 'многий'; в других романских языках имеем: португ. muito (исп. [tʃ] в слове mucho предполагает как непосредственно предшествующую ступень [jt] из лат. [lt]); ит. molto, рум. mult; во французском языке слово утратилось (ст.-франц. molt), заменившись через beaucoup.

9. salgo 'всхожу' (о солнце); неопределенная форма salir. В ед. ч. наст. вр. спрягается: salgo, sales, sale. Глагол восходит к лат. salio 'прыгаю' и в 1-м л. ед. ч. наст. вр. согласный [g] в испанском вторичен, прибавившись по аналогии с некоторыми другими глаголами, в которых [g] перед окончанием *o* было первичным и принадлежало корню, напр., digo (см. выше пункт 3). Латинскому salirе 'прыгать' отвечает (с изменением значения) исп. salir, франц. sallir, ит. salire, рум. a sări.

10. proг восходит к лат. предлогу pro.

11. el oriente 'восток' — по происхождению причастие наст. вр. от латинского глагола oriri 'восходить' (переход причастия в категорию существительного).

заменю формы es во 2-м л. соответствующую формой буд. времени eres (лат. eris 'ты будешь').

12. у¹ отражает латинский союз *et* 'и' с сужением среднего гласного [e], вследствие неударности союза, и с утратою конечного [t] (ср. выше пункт 7); ит. *ed* и *e*, франц. *et* (с непроизносимым *t*), португ. *e* сохраняют средний гласный [e], который, впрочем, оказывается и в испанском, если следующее слово начинается с гласного [i].

13. *cuando* 'когда', ит. *quando*, франц. *quand* (произн. [kã]) соответствуют латинскому *quando*.

14. *de día* — предлог *de* перед существительным придает ему значение родительного падежа (здесь в партитивном смысле), как предлог *a* служит для передачи дательного падежа. Слову *día* 'день' в латинском отвечает существительное *díem* (вин. пад. ед. ч., им пад. *dies*), на испанской почве перешедшее в склонение на *-a* или первое склонение, как гораздо более богатое словами; при этом нужно заметить, что вообще в испанском языке именительный падеж единственного и множественного числа соответствует латинскому винительному падежу тех же чисел, напр.:

исп. *corona* < лат. *coronam* 'венец' (вин. пад. ед. ч.)

исп. *coronas* = лат. *coronas* (вин. пад. мн. ч.) и т. п.

15. *miro* — 1-е л. ед. ч. наст. вр. 'смотрю' при неопр. форме *mirar* (в латинском соответствующий глагол *mirō*, *mirare* имеет более частный оттенок 'смотреть с удивлением', 'удивляться'); к тому же корню принадлежит франц. *miroir* 'зеркало'.

16. *adentro* 'в', 'внутри' соответствует латинскому наречию *intro*² 'внутри', в испанском соединившемся с предлогом *ad* 'к', причем гласный [i] расширился в [e] (ср. франц. глагол *entrer* 'входить' < лат. *intrare*).

17. *ventana* 'окно' — чисто испанское название для окна как отверстия в стене для ветра (лат. *ventus*

¹ Начертание *y* в испанской орфографии в конце слога (а здесь одиночное, без предшествующего согласного) служит для обозначения гласного [i]; в других случаях им передается согласный [j]. Союз у сменяется на *e*, если следующее слово начинается с *i* или *hi*, напр., *padres e hijos* 'отцы и дети'.

² Знак краткости $\overset{\sim}{}$ над гласными обозначает здесь краткость только «по природе» и не исключает долготы «по положению».

‘ветер’), вытеснившее собою слово *finiestra* = лат. *fenestra*, ит. *finestra*, франц. *fenêtre*.

18. *con* ‘с’ восходит к лат. предлогу *cūm* ‘с’ и совпадает с ит. *con*, во французском заменилось через *avec* (= лат. *apud hoc*). В романских языках данный предлог служит для придания существительному значения орудия. Вследствие этого, как и здесь, получается смысл русского творительного падежа.

19. *estos* — указат. местоимение *este* (м. р.) ‘этот’, *esta* (ж. р.) ‘эта’, во множественном числе *estos* (м. р.), *estas* (ж. р.). В латинском языке имеем: *iste* (м. р.), *ista* (ж. р.) в ед. ч. и в форме вин. пад. мн. ч. *istos* (м. р.), *istas* (ж. р.), причем в романских языках начальный гласный [i] расширился в [e]. Форма среднего рода единственного числа *esto*, соответствующая латинской *istūd*, употребляется не как определение при существительном, а как самостоятельное указательное слово, напр. *esto es sol* ‘это солнце’ и поэтому множественного числа не имеет (категория среднего рода, утраченная в существительных, удержалась в указательном местоимении).

20. *ojos* (произн. [oxos]) — мн. ч. от *ojo* [óxo] ‘глаз’. Латинское *ocūlus* (вин. пад. *ocūlum*) ‘глаз’ в дальнейшей истории утратило краткий гласный [ŭ] во внутреннем послеударном слоге, и получившаяся группа согласных *cl* [kl] дала в исп. *j* [x]. Заметим, что это лат. слово родственно русскому ‘ок-о’.

21. *fulgentes* —ученое (книжное) латинское слово — причастие мн. ч. ‘сияющие’ (лат. *fulgeo* ‘сияю’), согласованное с *ojos*.

22. *dorados* ‘золотистые’ (ед. ч. *dorado*); восходит к существительному *oro* (лат. *aurum*), откуда выражение *de oro* ‘из золота’, ‘золотой’ дало начало нашему слову.

23. *te* — вин. пад. от *tú* ‘ты’ (род. пад. *de ti*, дат. пад. *a ti* выражены через предлоги *de* и *a* в соединении с местоимением, т. е. как в существительных).

24. *aviso* ‘извещаю’ (неопр. форма *avisar*). В этом глаголе начальное *a* соответствует латинскому предлогу-префиксу *ad*, а простой глагол *viso* отвечает лат. *viso* ‘смо-

трию'; сюда же относится французское глагольное существительное *avis* 'известие', 'уведомление'. Для иллюстрации связи между значениями могут служить русские родственные между собой слова: 'видеть' 'ведать', 'поведать'.

25. *que* — союз 'что', получившийся из относительного местоимения.

26. *Hora* [*ora*] 'час', 'время'.

27. *levantarte* — неопр. форма возвр. залога; действ. залог — *levantar* 'поднимать', возвр. — *levantarse* 'подниматься', 'вставать', возвратное местоимение *se* для 3-го л., а здесь *-te* для 2-го л. ед. ч.; 2-е л. ед. ч. повел. накл. *levántate* 'вставай'.

28. *diciendo* 'говоря' — деепричастие (*gerundio*) от глагола *decir* 'говорить', 'сказать'; дееприч. форма отражает собою лат. *dicendo*, причем [e] на испанской почве дифтонгизовалось в [ie].

29. *perezoso* 'ленивый' (z произносится как [θ], т. е. сходно с *s* перед гласными переднего ряда). Восходит по своему корню к лат. прилагательному *piger* (*pīgra*, -um) 'ленивый', ит. *pigro*; отсюда лат. существительное *pigrītia* 'леность' = ит. *pigrezza* (zz = [цц]), исп. *pereza*, откуда прилагательное *perezoso*, франц. *pareasse* 'леность' с прилагательным *pareseux*.

30. *alumbro* 'свечу', 'освещаю' (неопр. форма *alumbrar*). Слово восходит к лат. существительному *lūmen* 'свет' (род. пад. *lumīn-is*), от которого произведен глагол *luminare* 'освещать', давший с префиксом *ad* ит. *aluminare*; исп. *alumbrar*. Отрицание по восходит к лат. *non*.

31. *para que* 'для того чтобы'. Слово *para* отражает сложение двух латинских предлогов *per* + *ad* 'через + к'.

32. *estés* — 2-е л. наст. вр. сослаг. накл. 'чтобы ты был' от *estar* 'быть'. Глагол восходит к лат. *stare* 'стоять' с некоторым изменением в значении.

33. *en la cama* 'в кровати'; слово *cama* вполне соответствует лат. *cāma*, встречающемуся у севильского епископа Исидора (VI—VII в.), известного латинского писателя раннего средневековья.

34. sino 'но'.

35. trabajos от trabajar (португ. trabalhar, ит. travagliare, франц. travailler) 'работать' в той же форме наст. вр. сослаг. накл. (см. п. 32).

36. leas от leer 'читать', та же форма (ср. неопр. форму лат. legēre, к которой восходят: ит. leggere, исп. leer, португ. ler, франц. lire: лат. [g] между гласными удержалось в итальянском, но перешло в фрикативный, затем исчезнувший, в испанском и португальском, а во французском, через исчезновение послеударного внутреннего [ě], получилось legre, откуда lire.)

37. andes от andar 'идти', та же форма; исп., португ. andar, ит. andare восходят к лат. производному глаголу ambitare.

38. por ahí [ai] 'здесь', 'около'; por = лат. per; ahí = лат. hic 'здесь' в соединении с префиксом ad 'к'; исп. por в родстве с para (лат. per+ad).

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК: ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТЕКСТ С КОММЕНТАРИЕМ

Звуковая система

Ударные гласные. 1. Среди пяти основных гласных ([a], [e], [i], [o], [u]) следует отметить в гласных средней открытости ([e] и [o]) существование разновидностей широкой и узкой, в орфографии не различаемых, напр. [bello] (орф. bello) 'красивый' || [tʃe:na] (орф. cena) 'ужин'; [ɔ:ro] (орф. oro) 'золото' || [o:ra] (орф. ora) 'час'. Все ударные гласные в открытых внутренних слогах представляют большую длительность сравнительно с закрытыми слогами.

2. Имеются дифтонги расширяющиеся [iɛ] (орф. *ie*) и [uɔ] (орф. *uo*) с ударением на втором компоненте, причем узкий первый компонент произносится очень кратко и слабо, почти скрадываясь, напр., [tʃiɛlo] (орф. cielo) 'небо', [suɔno] (орф. suono) 'звук'.

3. В отношении интонации в итальянском больше разница по высоте и силе тона между гласными ударными и безударными сравнительно с французским языком.

Безударные гласные. 1. Ударение в итальянском чаще всего приходится: а) на предпоследнем слоге, но бывает и б) более удалено от конца слова и в) сравнительно редко падает на конечный слог, откуда получается соответствующее разнообразие в положении безударных гласных по отношению к месту ударения в слове¹:

¹ В связи с отсутствием страницы авторской рукописи, следующий далее текст, заключенный в квадратные скобки [], принадлежит С. В. Герье. (Прим. ред.)

[а) в словах с ударением на предпоследнем слоге :

1) в двусложных : *cánta* (3-е л. наст. вр.), *cánto* (1-е л.), *cánti* (2-е л.), *véde* (3-е л.) — конечный послеударный гласный слабый ;

2) в многосложных : *cantáva* (3-е л. имперф.), *cantávo* (1-е л.), *cantávi* (2-е л.), *cantáre* (неопр. форма) — начальный предударный гласный акцентированный «полусильный», конечный послеударный слабый ;

semináre (неопр. форма) — начальный предударный гласный акцентированный «полусильный», предударный срединный слабый, конечный послеударный слабый ;

б) в словах с ударением на третьем и четвертом слоге с конца :

cáпtano (3-е л. мн. ч. наст. вр.) — первый послеударный гласный слабый, конечный послеударный акцентированный «полусильный» ;

séminano (3-е л. мн. ч. наст. вр.) — первый и второй послеударные гласные слабые, конечный послеударный акцентированный «полусильный» ;

в) в словах с ударением на последнем слоге: *cantó* (3-е л. перфекта) — начальный предударный слабый ;

canteró (1-е л. буд. вр.) — начальный предударный акцентированный «полусильный», второй предударный слабый.

2. В противоположность французскому языку, где имеются случаи выпадения безударного гласного в слове (см. стр. 24, п. 22), в итальянском языке неударные гласные, независимо от их положения по отношению к ударному гласному слова, никогда не утрачиваются ; напр. франц. *fenêtre* [fne:tr] ||, ит. *finestra* [finestra].

Также и односложные слова сохраняют гласный в безударном положении ; сравните :

франц.

que tu te lèves, que tu travailles [kə ty t lə:v k ty trava:]
ит.

che tu ti levi, che tu lavori [ke ttu ti lə:vi ke tu lavo:ri]

(не говоря уже о таких словах с конечным согласным, как] *con* 'с', *per* 'для', отрицание *non* 'не', *il* опред. ар-

тикль м. р.); но в связных синтаксических группах безударный конечный гласный первого слова часто пропадает перед начальным ударным гласным следующего слова, напр., bell(o) uomo 'красивый мужчина', grand(e) uomo 'великий человек', vent(i) anni 'двадцать лет', а безударные конечные гласные [e] и [o] при предшествующем плавном или носовом пропадают часто и в том случае, когда следующее слово начинается согласным, напр., tal(e) modo 'такой способ', buon(o) libro 'хорошая книга'.

3. Гласные [e] и [o], при ударе различающиеся в широкой и узкой разновидностях, при безударности ослабляются до узкой разновидности. Отсюда при словообразовании получают чередования широких ударных гласных [e] и [o] с соответствующими узкими при безударности, напр. [bɛ:pe] (орф. bene) 'хорошо', но [benɛ:fiko] (орф. benefico) 'благотельный', [rɔ:polo] (орф. popolo) 'народ' || [popoláre] (в этом слове оба o узкие) 'народный'.

Согласные. Здесь отметим :

1. Переднеязычные аффрикаты (слитные согласные) шипящие и свистящие; первые (шипящие) — результат смягчения заднеязычных согласных [k] и [g] перед передними гласными: [tʃ] (орф. c) из [k] и [dʒ] (орф. g) из [g], напр. [dʒɛ:tʃi] (орф. dieci) 'десять', [dʒɛ:nere] (орф. genere), причем укажем на аналогичное явление в славянских языках (ср. русск. 'печёшь', 'можешь' с [ч] вместо [к] и [ж] вместо [г]); вторые (свистящие) являются продуктом смягчения согласных переднеязычных [t] и [d] посредством [j], именно [ts] из [tj] и [dz] из [dj] (в орфографии начертание z служит для обозначения как глухой, так и звонкой свистящей аффрикаты): [fortsa] (орф. forza) || франц. force 'сила', [dze:ro] (орф. zero) || франц. zéro 'нуль', причем аналогию к этому явлению находим в польском (ср. chcę 'хочу', między 'межи').

2. Переднеязычные фрикативные свистящие имеются в глухой и звонкой разновидностях, обозначаемые в орфографии одинаково буквою s, произношение которой в словах подходит к француз-

скому, напр. [so:le] (орф. sole, франц. soleil) 'солнце', [rɔ:za] (орф. rosa, франц. rose) 'роза'; шипящие фрикативные представлены только глухой разновидностью [ʃ] (орф. sc перед гласными переднего ряда), напр. [pe:ʃe] (орф. pesce) 'рыба', ср. франц. pêche 'рыболовство'.

3. Среднеязычными согласными итальянский язык не богат: [j] (обозначаемое в начале слов перед гласным и внутри между гласными безразлично через *i* и *j*), напр. [jɛ:ri] (орф. ieri, jeri) 'вчера', [pʰ], обозначаемое в орфографии через *gn*, и [lʰ], обозначаемое в орфографии через *gli*, напр., ogni 'всякий', figlio 'сын'.

4. В отделе заднеязычных имеются только взрывные [k] и [g], обозначаемые в орфографии через *c* и *g* перед гласными не-переднего ряда и через *ch* и *gh* перед гласными переднего ряда, и заднеязычный носовой перед заднеязычными не-носовыми, напр. caldo 'жаркий', 'жара', gallo 'петух', chi 'кто', ghiotto (*i*=[j]) 'жадный', banco 'банк'. Кроме того, [k] и [g] встречаются с губным сопровождением: [kw] и [gw] (орф. *qu* и *gu*), напр. questo 'этот', guerra 'война'.

Следующая таблица представляет систему итальянских согласных:

По месту образования	Губные	p b	f v	m
	Переднеязычные	t d	s z	n l r
		ts dz		
		tʃ dʒ		
Среднеязычные		j	nʰ lʰ	
Заднеязычные	k g			
	kw gw			

Текст

Il sole dice: «Io mi chiamo sole, sono molto
 [il so:le di:tʃe i:o mi kja:mo so:le so:no molto
 Солнце говорит: «Я называюсь солнцем, я (есмь) очень

lucente; mi alzo al levante, e quando mi alzo,
 lutʃente mi altso al levante e kwando mi altso
 блестяще; поднимаюсь на востоке, и когда поднимаюсь,

fa giorno. Guardo dentro dalla tua finestra
 fa dzorno gwardo dentro dalla tua finestra
 делается день. (Я) смотрю внутрь твоего окна

col mio occhio splendente e color d'oro, e ti
 kɔl mio ɔkkjo splendente e kolor dɔro e tti
 моим глазом блестящим и золотоцветным, и тебе

dico, quand' è ora d'alzarti, e allora ti dico:
 di:ko kwand ɛ o:ra d altsarti e allo:ra ti di:ko
 говорю, когда (есть) время вставать тебе, и тогда тебе говорю:

alzati, poltrone; io non risplendo perchè
 altsati poltro:ne i:o non risplendo perke
 вставай, лентяй; я не свечу, чтобы

tu resti in letto a dormire, ma risplendo
 ttu rresti in letto a dormi:re ma risplendo
 ты оставался в постели спать, но свечу,

per farti alzare, e leggere e passeggiare».
 per farti altsa:re e lleddzere e ppassedza:re]
 чтобы заставить тебя вставать и читать и гулять».

Комментарий

1. *il sole dice* — словечко *il* представляет собою определенный артикль м. р. и ставится перед согласным началом следующего слова; кроме того, имеется другая разновидность того же артикля — *lo*, ставящаяся перед [s], за которым следует еще согласный (напр. *lo studio* ‘уче- нье’) и перед гласными, причем в этом последнем случае гласный [o] в артикле теряется, отмечаясь в орфографии апострофом (напр., *l’anno* ‘год’ вместо *lo anno*), т. е. одинаково с французским (ср. *l’an* ‘год’ вместо *le an*). В отличие от мужского рода, где определенный артикль является в двух разновидностях, определенный артикль ж. р. представлен только одною разновидностью — *la*, причем и здесь конечный гласный [a] артикля перед гласным началом следующего существительного теряется, отмечаясь в орфографии знаком апострофа. Во французском языке — только одна разновидность опред. артикля м. р. *le* (ит. *lo*), так как *il* во французском языке является формой не артикля, а личного местоимения 3-го лица при глаголе. Существительное *sole* ‘солнце’ отражает лат. *solem* (вин. пад.) с утратою конечного [m] в окончании *-em*, тогда как в им. пад. ед. ч. это слово является в виде *sol*. Столь обычное в романских языках распространение формы винительного падежа на именительный могло начаться в именах предметов неодушевленных, названия которых при глаголах действ. залога чаще фигурировали в винительном падеже в роли прямого дополнения и в этой форме стали применяться и в именительном падеже в качестве подлежащего, тем более что в словах среднего рода в самом латинском оба падежа имели одинаковую форму. Слово *dice* ‘говорит’ < лат. *dicīt* с расширением [i] в конечном слоге и утратою конечного [t]; другие лица ед. ч. : 1-е л. *dico* (= лат. *dico*), 2-е л. *dici* (= лат. *dicis*); во мн. ч. : 1-е л. *diciamo*, 2-е л. *dite*, 3-е л. *dicono*.

2. *io mi chiamo sole* — местоимение *io* ‘я’ соответствует латинскому *ēgo*, в народном языке редуцировавшемуся в *eo*, которое в романских языках дало варьирующие ре- флексы, главным образом в связи с характером движения тона, по силе и высоте, на гласных элементах сочетания : ит. *io*, рум. *eu*, исп. *yo*, португ. *eu*, франц. *je*. В отличие

от французского, где личное местоимение 1-го л. является в двух разновидностях — энклитической приглагольной и самостоятельной (*je* || *moi*, *me* || *moi*), — итальянский язык имеет по одной форме как для подлежащего (*io*), так и для дополнений (*me*); подобным образом и в других лицах; при возвратном глаголе, как здесь, и, следовательно, при отсутствии смыслового ударения на *me*, это последнее является в виде *mi*, стоящего между подлежащим *io* и глаголом. Глагол *chiamo* ‘зову’, ‘называю’ соответствует лат. *clamo* с изменением начального *cl* [kl] в [kj] (орф. *chi*)¹; неопр. форма лат. *clamare* = ит. *chiamare*, рум. *chiama*, исп. *llamar* (*ll* обозначает мягкое [l]), португ. *chamar*, но франц. *clamer* с сохранением начальной группы *cl* [kl].

3. *sono* — (лат. *sum*) ‘есмь’, 2-е л. ед. ч. *sei* (лат. *es*), 3-е л. ед. ч. *è* (лат. *est*), 1-е л. мн. ч. *siámo* (лат. *sumus*), 2-е л. мн. ч. *siéte* (лат. *estis*), 3-е л. мн. ч. *sono* (лат. *sunt*). Как видим, спряжение *sono* представляет довольно значительные отступления от латинского, обязанные разнообразному действию аналогии, как, например, проведение начального [s] во 2-м л. ед. и мн. ч. и др. В итоге спряжение *sono* сблизилось с нормальными спряжениями других глаголов, напр., *lodo* ‘хваляю’, по конечному *o* в 1-м л. ед. и мн. ч. и 3-м л. мн. ч. (1-е л. мн. ч. *lodiamo*, 3-е л. *lodano*, при совпадении целого окончания — 1-е л. мн. ч. *-iamo*, 3-е л. *-no*), и пр. Процесс, таким образом, характеризуется приспособлением резко отступающего флексийного типа к обычным, нивелированием или сглаживанием различий и, так сказать, «уодноображением» (сохранение энергии памяти по отношению к языковым символам): прилагательное и наречие *molto* ‘много’, ‘очень’ (лат. *múltus*, -a, -um), рум. *mult*, ст.-франц. *molt* (затем исчезло, заменившись через *beaucoup* и *très*), исп. *mucho*, португ. *muíto* (конечное безударное [o] сохранилось в

¹ В итальянской и румынской орфографии *s* выражает звук нашего [к] перед гласными заднего ряда и нашего [ч] перед гласными переднего ряда; если же требуется, чтобы произносилось [к] перед гласными переднего ряда (или [j]), как здесь), то пишется *ch*. В испанском орфографическое *ch* служит для передачи звука нашего [ч], во французском и португальском — нашего [ш].

итальянском, испанском, португальском, т. е. в юго-западной ветви, и утратилось во французском и румынском); причастие наст. вр. *lucente* (ит. *c* перед гласными переднего ряда обозначает звук русск. [ч]) 'блестящий, -ая' от глагола *lucere* 'блестеть' (лат. *lucēre*), исп. *lucir*, португ. *luzir*, франц. *luire* (ст.-франц. *luisir*), рум. а *luci*. Из примеров видим, что [k], уже в латинском языке начавшее получать смягчение перед гласными переднего ряда, в романских языках продолжало свое смягчение по двум путям: в сторону шипящего рефлекса (итальянский, румынский) и свистящего (испанский, португальский и французский); можно допустить, что соответствующие вариации намечались уже в народном латинском языке.

4. *mi alzo* 'поднимаюсь' — возвр. форма глагола, причем для 1-го л. применено *mi* вместо *me*, поставленное непосредственно перед глагольной формой. Неопр. форма к глаголу *alzo* имеет вид *alzare* (лат. **altiare* от прилагательного *altus* 'высокий'), исп. *alzar*, португ. *alçar*, рум. а *alța*, франц. *hausser*). Из примеров видим, что лат. [tj], в отличие от смягчения лат. [k] (орф. *c*), во всем романском мире дало свистящий рефлекс в виде аффрикаты (в итальянском и румынском) или фрикативного (испанский, португальский, французский), но сходство со смягчением лат. [**ke*, **ki*] в том, что аффриката имеет место в итальянском и румынском, а фрикативный в юго-западной ветви, т. е. в испанском, португальском и др.

5. *al levante* — префиксальная частица *al* представляет собою продукт слияния предлога *a* (= лат. *ad* 'к') с определенным артиклем мужского рода *il* и служит для обозначения дательного падежа; при разновидности артикля мужского рода *lo* получается *allo*, в женском роде *alla*; подобным приемом выражаются и другие падежи. Толчок к такой префиксальной флексии существительного заложен был уже в самом латинском языке в случаях выражения разного рода дополнений постановкою перед существительным соответствующих предлогов. Слово *levante* — по происхождению причастие наст. вр. от *levare* 'поднимать' (лат. *levare*) — как существительное обозначает место, где солнце восходит, т. е. 'восток'.

6. *e quando* (лат. *et quando*) 'и когда'. Начальное и внутреннее латинское [kw] (орф. *qu*) из всех романских языков лучше всего сохранилось в итальянском, независимо от вокализма; далее — в испанском и португальском, преимущественно перед [a] (исп. *cuando*, португ. *quando*), а перед гласными переднего ряда проявляется тенденция к потере лабиального элемента; во французском и румынском начальное *qu* (в румынском *c*) = простому [k]. Некоторый параллелизм с изложенным наблюдается в романских языках и по отношению к рефлексам соответствующей звонкой группы *gu*. Глагольная форма *fa* — 3-е л. ед. ч. наст. вр. от глагола *fare* или *facere* (лат. *facere*) 'делать' (*fa giorno* 'становится день', 'светает').

7. *guardo* 'смотрю', 'стерегу' — неопр. форма *guardare* (исп. и португ. *guardar*, франц. *garder*) — слово германского происхождения. Германское лексическое (словарное) влияние широко сказалось на западе романского языкового мира (Италия, Франция, Испания), подобно тому как на востоке (Румыния) — славянское. Латинское окончание (всегда безударное) 1-го л. ед. ч. *o* удерживается в юго-западной ветви (итальянский, испанский и португальский) и утратилось в северо-западной (французский) и на востоке (румынский).

8. *dentro* 'внутри' — в роли наречия и предлога. Получилось из слияния лат. предлога *de* 'из чего-л.', 'с чего-л.' с наречием *intro* 'внутри'; слово *dentro*, кроме итальянского, существует также в испанском и португальском, т. е. в романских языках юго-западной ветви. Франц. предлог *dans* 'в' (в старофранцузском *denz*) получился из слияния того же лат. предлога *de* с наречием *intus* 'внутри', 'внутри'.

9. *dalla tua finestra*; *dalla* — продукт слияния итальянского предлога *da* с определенным артиклем ж. р. *la* (с вторичным удвоением [l]). Местоимение притяжательное ж. р. — *tua* 'твоя' при м. р. *tuο* (лат. *tua, tuus*); относительно *finestra* см. пункт 17 комментария к французскому тексту.

10. *col* — предлог *con*, придающий существительному значение нашего творительного падежа, слившийся с

определенным артиклем *il* (в ж. р. *con + la = colla*). Притяжательное местоимение 1-го л. м. р. ед. ч. *mio* 'мой' (лат. *meus*), ж. р. *mia* (лат. *mea*); 2-е л. ед. ч. *tuo* (лат. *tuus*), ж. р. *tua* (лат. *tua*); 3-е л. ед. ч. *suo* (лат. *suus*), ж. р. *sua* (лат. *sua*). В древнем языке были притяжательные местоимения еще и в безударной, более краткой, форме, ныне встречающиеся лишь в пережитках (напр., *padre* 'отец мой' — главным образом на юге, *madonna* 'богородица' = лат. *mea domina* 'моя госпожа'). Существительное *occhio* 'глаз' — лат. *oculus*, -um; в результате утраты внутреннего послеударного гласного [u] получилась группа *cl* [kl], рефлексy которой в положении между гласными представляют следующие особенности по романским языкам: ит. *occhio* (т. е. [kl] > [kj]), рум. *ochiu* (так же), франц. *œil* ([kl'] > [jl']), исп. *ojo* ([kl'] > [j] > [x]), португ. *olho* ([kl'] > [jl'] > [l'])¹.

11. *colore* 'цвет' (лат. *color*, -em), франц. *couleur*, исп. и португ. *color*; здесь в укороченном *color* в словосочетании с *d'oro*; предлог (*d'* вместо *di* 'из', 'от' перед гласным) здесь переводит существительное *oro* в прилагательное 'золотой'. Существительное *oro* 'золото' — из лат. *aurum*, см. пункт 21 комментария к французскому тексту. Для прилагательного 'золотой' кроме *d'oro* в итальянском языке имеется настоящее прилагательное *aureo* (= лат. *aureus*), которое представляет собою позднее ученое заимствование из латинского, сохранившее начальный дифтонг [au] (напр., *regola aurea* 'золотое' или 'тройное правило'). Причастие настоящего времени *splendente* 'блестящий', 'сияющий', неопр. форма *spléndere*; существительное *splendóre* 'блеск', 'сияние' (лат. *splendor*, -em), франц. *splendeur*, исп. и португ. *esplendor* с вторичным [e] перед начальной группой согласных [spl].

12. *ti dico* 'говорю тебе' — вин. пад. *te* 'тебя' и дат. *à te* 'тебе' в безударном положении перед глаголом заменяются через *ti*, ср. выше пункт 4. Существительное *ora*

¹ Переход [l'] > [j] (после [e]) легко себе представить, обратив внимание на то, что [j] может произноситься с двусторонним выходом воздуха по бокам языка, т. е. как [l'], а это сближает акустический эффект обоих звуков.

‘час’, ‘время’ происходит от лат. *hōra*, заимствованного из греческого ; в румынском *ora* (с расширяющейся дифтонгизацией лат. [ō]), в испанском и португальском *hora*, французском *heure* (с непроизносимым *h*). Неопр. форма *alzar* имеет перед собою предлог *dí*, сократившийся в *d’* перед гласным, указывающий на зависимость неопр. формы от другого слова (*ora*), и заканчивается безударною местоименною формою *tí* ‘тебе’, которая ставится после неопр. формы, а не перед ней, чем неопр. форма отличается от спрягаемых форм ; употребление предлогов перед неопр. формой, как и перед существительными, сближает эту глагольную категорию с категорией существительных.

13. *alora* — наречие времени ‘тогда’ — получилось через опрощение из латинского выражения *ad ill’oram*, ‘в тот час’, состоящего из существительного со значением ‘час’ (*hora*) и предшествующих предлога (*ad*) и указат. местоимения (*ille, -a*); -того же происхождения и франц. *alors* ‘тогда’. Выражение *ti dico* стоит с пропуском местоименного подлежащего *io*, между тем как во французском тексте здесь и во всем предшествующем видим повторение местоимения 1-го лица *je* ‘я’ ; причина этого различия заключается в том, что во французском языке глагол во всех трех лицах единственного числа звучит одинаково, тогда как в итальянском такого совпадения нет, и каждое лицо выступает со своим особым окончанием, хотя и в итальянском может требоваться повторение личного местоимения как подлежащего, если на него падает логическое или эмоциональное ударение (аналогичное с итальянским явление наблюдается и в русском языке). Здесь видим, как морфологические особенности сплетаются с синтаксическими. Форма 2-го л. ед. ч. повел. наклонения *alzati* ‘поднимайся’ в возвратном глаголе требует присоединения в конце безударного местоимения того же лица (*ti*), тогда как в русском языке к глагольным формам присоединяется однообразное *-ся, -сь*, независимо от числа, лица и времени.

14. *poltrone* ‘лентяй’ (с изменением значения франц. *poltron*, исп. *poltrón*, португ. *poltrão*) объясняется некоторыми как заимствование из германского (нем. *Polster* ‘подушка’, ‘тюфяк’, др.-вхн. *bolstar*, англ. *bolster*); при

таким объяснении как первоначальное значение слова, распространенного только в западной ветви романских языков, наиболее испытавшей германское влияние, предполагается 'лежащий на подушках, тюфяке', т. е. 'лежебока', 'лентяй'.

15. *non risplendo* — глагольная форма с отрицанием *non* (лат. *nōn*) и префиксом *ri-* (лат. *re*); тот же префикс встречается в итальянском и в виде *re-*, без перехода [e] в [i]. *Perchè* 'для того чтобы'.

16. *tu resti* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. сослаг. наклонения в связи с союзом *perchè*; в этой форме и в 1-м л. мн. ч. сослагательное наклонение одинаково с изъявительным. Самый глагол *restare* 'оставаться' представляет собою сложение простого глагола *stare* (лат. *stare*) 'стоять' с префиксом *re*.

17. *in letto*: *in* 'в' = лат. *in*, *letto* 'постель' = лат. *lectus* (вин. пад. *lectum*). Существительное *letto* (с изменением *ct > tt*), имеет соответствия только в западной ветви романских языков: франц. *lit*, исп. *lecho*, португ. *leito*. Выражение *a dormire* представляет соединение неопр. формы с предлогом *a* (= лат. *ad*), что сближает эту глагольную категорию с категорией существительного.

18. *ma* — союз 'но' — восходит к лат. наречию сравнительной степени *magis* 'более', полнее по звукам и смыслу отражающемуся в наречии *mai* (ср. среди вариаций значения такое выражение, как *quanto mai* 'как нельзя больше'); аналогичные дублеты имеются в румынском — *mai* 'более' || *ma* 'но', исп. *más* 'более' || *mas* 'но', португ. *mais* 'более' || *mas* 'но' (франц. *mais* 'но'); в форме наречия это слово служит для образования сравнительной степени прилагательных в румынском, испанском и португальском; это наблюдается уже в латинском, который знал и фонетические варианты соответствующего наречия, полный и укороченный — *magis* || *mage*, — но без семантического различия между ними.

19. Латинский предлог *per* 'через' (ит. *per*, франц. *par*) на почве романских языков частично замещает собою по смыслу близкий по звукам лат. предлог *pro* 'для' (франц. *pour*, старофранц. *por*, исп. и португ. *por*); ср. выше пункт 15 и пункт 27 комментария к французскому тексту. В

сочетании двух глаголов *farti* и *alzare* 'заставить тебя встать' первый глагол (*fare* 'делать', 'заставить', сокращ. *far*) имеет значение 'заставить' по отношению ко второму (ср. *far fare* 'заставить сделать' = франц. *faire faire*). Глагол *leggere* = франц. *lire*, исп. *leer*, португ. *ler*, восходит к лат. *legĕre*; глагол отыменный *passaggiare* 'гулять' восходит к первичному лат. существительному *passus* (вин. пад. ¹*passum*) 'шаг', давшему ит. *passo*, исп. *pas*, португ. *passo*, франц. *pas* (-s не произносится), рум. *pas*; отсюда отыменный глагол: лат. **pasare* > ит. *passare* 'переходить', исп. *pasar*, португ. *passar*, франц. *passer*; от этого глагола в дальнейшем существительное: ит. *passaggio* 'переход', франц. *passage*, исп. *pasaje*, португ. *passagem*. Так возрастает в языке последовательный ряд словообразований, причем здесь исходное существительное лат. *passus*, в свою очередь, является производным от глагола *pan-dĕre* (с причастием прош. вр. страд. *passus*) 'простираť', 'проложить путь'.

РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК: ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТЕКСТ С КОММЕНТАРИЕМ

Звуковая система

Гласные. В отделе г л а с н ы х румынский язык, кроме [a], [e], [i], [o], [u], имеет еще, подобно русскому, гласный [ы] (орф. *â, î*) и безударный [ь] = [Ы́] (орф. *ă*), являющиеся характерною особенностью румынского вокализма сравнительно с другими романскими языками, напр., *răgâp* (произн. п̃ыгын) 'язычник'; имеются дифтонги, суживающиеся на [i] и [u] с силовою ударностью на первом компоненте ([ai], [ei], [oi], также [ui] и [au], [eu], [ou]), и расширяющийся дифтонг [wá] ([ÿa]) (орф. *oa*) с силовою ударностью на втором компоненте, напр., *soare* 'солнце'. Отметим еще графический «дифтонг»¹ *ea*, напр., *neagră* (произн. нягры) 'черная'.

Согласные. В области согласных следует отметить аффрикаты шипящие [tʃ] ([ч]) и [dʒ] ([дж]) (орф. *c* и *g* перед гласными переднего ряда²) и свистящий [ts] ([ц]) (орф. *ț*), звонкая разновидность которого [dz] ([дз]), сохраняющаяся в южном или македонском диалекте, в северном или дако-румынском видоизменилась в фрикативный [dʒ] ([дж]) (орф. *z*), напр., *rase* (произн. п̃аче) 'мир', *deget* (произн. дэ́джет) 'палец', *țară* (произн. ц̃ары) 'земля'.

¹ Диграф. (Прим. ред.)

² Перед гласными не-переднего ряда буквы *c* и *g* произносятся, как русские [к] и [г], а чтобы отметить такое же произношение их (т. е. как [к] и [г], а не [ч] и [дж]) перед гласными передне-язычными пишется *ch* и *gh*, на манер итальянской орфографии.

Имеются фрикативные шипящие [ʃ] ([ш]) (орф. *ș*) и [ʒ] ([ж]) (орф. *j* по примеру французской орфографии) и свистящие [s] (орф. *s*) и [z] (орф. *z*). Особенность румынского языка составляет наличие, наряду с твердыми согласными, еще и соответствующих мягких, обозначаемых в конце слов прибавлением к начертанию согласного звука буквы *i*, которая в этом случае обозначает не гласный звук, а только мягкость предшествующего согласного, т. е. подобна букве *ь* в русской орфографии, ср. *ban* (произн. [бан]) 'монета', *banî* (произн. [бань]) 'деньги'.

Приведу некоторые из моих старых (буквами русского алфавита) записей румынского произношения одного из жителей местечка Унгены при р. Прут. Как видно из записей, гласные [e] и [o] производили впечатление некоторой закрытости, напр. [eu] (орф. *eu*) 'я', [пешть] (орф. *pești*) 'рыбы', [са́ре] (*sare*) 'соль', [о́къ] (*ochi*) [глаз], [оу] (*ou*) 'яйцо', с чем гармонирует то, что конечное неудачное [e] замещалось иногда через [i], напр. [чини] (*sine*) 'кто?', [зэ́чи] (*zece*) 'десять'. Из согласных *h* передано в транскрипции через [h], а не [x], напр., [пахáр] (орф. *pahar*) 'стакан'; твердое [л] передавалось через [л] без дополнительного значка, напр. [мулт] (*mult*) 'много', [ла́пти] (*lapte*) 'молоко'¹; отчетливо выступало мягкое *n* [н'] в случаях, как [ня́грѣ] (*neagră*) 'черная', [диминя́ць] (*dimineață*) 'утро'. Из лексических особенностей отмечу [пипэ́рь] (орф. *piper*) 'перец', [цэ́рнѣ] (*țărână*) 'земля'.

Отмечу еще публикации экспериментально-фонетической лаборатории при университете в Клуже² под общим названием «*Lucrări (труды) de fonetică*»: 2) P o r o v i c i I. *Fiziologia vocalelor românești ă și î*, Cluj 1921, — всестороннее экспериментальное обследование указанных гласных; 3) е г о ж е *Ortoepia și fonetica*, 1923, где на стр. 43—54 дается общий анализ румынских гласных и согласных; 6) P e t r o v i c i E. *De la nasalité en roumain*.

¹ И в латинском [l] имело двоякое или даже тройное произношение в отношении твердости-мягкости.

² Cluj — румынское название города, известного также под венгерским названием Коложвар и немецким Клаузенбург, в Трансильвании.

Текст

Soarele spune:	«Pe mine	mă chiamă	soare,
[swárele] spúne	pə míne	mʌ k'amʌ	swáre
[cŭárələ] спúnə	пə мінə	мъ къамъ	cŭárə
Солнце говорит:	«Меня	зовут	солнцем,
eu luminez foarte tare,	mă scol	la răsărit	
jeu luminéz fwarte táre	mʌ skol	la rʌsʌrit	
eŭ луминэз фŭártə тарə	мъ скол	ла рьсърит	
я сияю очень сильно,	я	восхожу на востоке,	
și când mă scol,	se face	ziuă, mă uit	
ʃi kɔn(d) mʌ skol	se fatʃe	ziuʌ mʌ uít	
ши кын(д) мъ скол	сə фáчə	зийŭ мъ уйт	
и когда я всхожу,	становится	день, я гляжу	
în fereastra ta cu ochiul meu strălucitor			
ɔm fereástra ta ku ók'uí	meu	strʌlʉtʃitór	
ым фэрэáстра та ку óкюл	мэŭ	стрълучитор	
в окно твое глазом	моим	блестящим	
ca aurul și îți spun când e timpul să te scoli,			
ka áuruí ʃi ɔts spun kɔnd je timpuí sʌ te skol'			
ка áурул ши ыц спун кынд е тимпул сь тэ сколь,			
как золото, и тебе говорю, когда		время	вставать,
eu zic: scoală-te, leneșule, luminez nu ca să te			
jeu zik skwalʌ te léneșule luminéz nu ka sʌ te			
еу зик скŭáль тэ лэнешулэ луминэз ну ка сь тэ			
я говорю: вставай, лентяй,		я свечу не для того чтобы ты	
tăvăleşti în pat ci ca să te scoli,			
tʌvʌleşt' ɔm pat tʃi ka sʌ te skol'			
тăвълэшть ым пат чи ка сь тэ сколь			
валялся в кровати, а для того, чтобы ты встал			
să lucrezi, să citești, să te plimbi.			
sʌ lʉkréz' sʌ tʃitéşt' sʌ te plimb']			
сь лукрэзь съ читэшть съ тэ плимб']			
работать, читать и гулять».			

Комментарий

1. *soarele* ‘солнце’ является существительным м. р. *soare* с опред. артиклем *le*, стоящим, в отличие от остальных романских языков, не перед именем существительным, а после него. Расширяющийся дифтонг [wá] ([ŷa]) (орф. *oa*) восходит к лат. ударному [ō] в открытом слоге (лат. вин. пад. ед. ч. *sōlem* при им. пад. ед. ч. *sōl*), а [r] заместил собою [l], что представляет довольно нередкое явление в языках, а в румынском смена лат. [l] между гласными на [r] является обычной и принадлежит к характерным фонетическим особенностям этого языка.

2. *spune* ‘говорит’ — 1-е л. ед. ч. *spun*, 2-е л. ед. ч. *spúni*, 3-е л. ед. ч. *spúne*, 1-е л. мн. ч. *spúnem*, 2-е л. мн. ч. *spúneți*¹, 3-е л. мн. ч. *spun* (неопр. форма а *spúne* с постоянным предлогом а = лат. *ad*) соответствует лат. глаголу *exrōno* (*ex-rōno*) ‘излагаю’, собственно ‘выкладываю’, причем в румынском видим редукцию предлога *ex* > *s* и утрату послеударных латинских конечных — гласного *-o* в 1-м л. ед. ч., согласного *-s* во 2-м л. ед. и мн. ч., сочетаний *-is* в 1-м л. мн. ч. и *-ini* в 3-м л. мн. ч.; проставленное ударение в румынских формах соответствует латинскому ударению, которое, вообще, сохранило свое место в романских языках. Это свидетельствует о важности знакомства с латинским языком при изучении романских языков.

3. *pe mine mă chiamă soare* ‘меня зовут (называют) солнцем’; *mine* ‘меня’ — вин. пад., в старом языке *mepe*, объясняемое из сочетания первичной латинской формы *me* с примкнувшей вопросительной частицей *pe* ‘ли’, затем закрепившейся здесь независимо от вопросности (подобным образом *tine* ‘тебя’, *sine* ‘себя’); но в том случае, когда таким прямым дополнением является лицо, а не предмет, местоименной форме предшествует предлог *pe* (лат. *per*), как бы выражающий особое соучастие лица в действии, подобно латинским сочетаниям предлога *per* с личными

¹ Буква *i* после согласных в конце слов обозначает мягкость предшествующего согласного, т. е. подобна букве *ь* в русской орфографии, а здесь по аналогии после конечного не-мягкого согласного [ɟ] (ʒ).

местоимениями, напр. *peг me* 'по мне', 'что до меня касается'¹. При таких условиях становится понятным повторное употребление той же местоименной формы, но в безударной разновидности *mă* при глаголе (*mă chiamă*). В форме *chiamă* 'зовет', 'зовут' совпадают 3-е лицо ед. и мн. числа, причем в ед. числе утрачено конечное лат. *-t*, а во мн. числе *-nt* (лат. 3-е л. ед. ч. *clamat*, 3-е л. мн. ч. *clamant*). Начальная латинская группа *cl* [kl] с последующим гласным, проявляющая устойчивость во французском — старинное *clamer* (неопр. форма), в испанском представлена одним мягким [l'] (орф. *ll*) без начального *c* [k] — *llamar*, в итальянском преобразовалась в [kj] (орф. *chi*), т. е. с заменой [l'] через [j], а в румынском в простое мягкое [k'] через слияние [k] с [j], — а *chemă*, причем наблюдаем в корневом предударном слоге гласный *e* ([ie]), тогда как в приведенной форме настоящего времени расширение в [ia], т. е. корневой вокализм получил чередование в зависимости от положения в начальном ударном или же предударном слоге ([ia] || [ie], *chiamă* || *chemă*), именно — под ударением удерживается тембр [a], а перед ударением произошло сужение в [e], т. е. в гласный средней открытости.

4. *eu luminez* 'я свечу' (неопр. форма а *lumină*). Местоимение *eu* 'я' восходит к лат. *ego*, причем уже в народном латинском существовало произношение [*eo] (с редуцированным [g] между гласными), которое и лежит в основании романских отражений (ит. *io*, исп. *yo*, франц. *je*, рум. *eu* = [jeu]). В румынском видим развитие [j] из экскурсии начального гласного переднего ряда [e], а неудар-

¹ Присоединение предлога *pe* к личному названию в прямом дополнении стало приобретать широкое распространение на рубеже XVII в., становясь одной из характерных черт румынского языка, ср. *am văzut pe fratele tău* 'я видел твоего брата' (*am văzut* — сложное прошедшее от вспомогательного глагола с причастием прош. вр. и с пропуском *eu* 'я', параллельное французскому *j'ai vu*). Аналогичное явление наблюдается в испанском языке, в котором предлог *a* (=лат. *ad* 'к') ставится при прямом дополнении, обозначающем одушевленное существо, напр., *el hijo ama a su padre* 'сын любит своего отца'. Это явление может быть истолковано подобно различию в русском языке совпавших форм вин. и им. падежей в мужском склонении, напр., 'я видел брата' || 'я видел дом', хотя и другим приемом.

ный конечный губной гласный [o], сохраняя губность, сузился в [u]. Глагол *luminez* 'свечу' — отыменный и находится в соотношении с существительным ж. р. *lumină* 'свет' (лат. *lumen*, -*inis* ср. р. и глагол *luminare*); румынский глагол образован с помощью суффикса *-ez*, получившегося в латинском через подражание греческим глаголам на *-ίζειν*, лат. *-izare* (нар. *-idyare*), напр. *pulverizare*, *baptizare*.

5. *foarte tare* 'очень сильно (ярко)' — наречие *foarte* 'очень' восходит к латинскому прилагательному *fortis* м. р. и ж. р., *forte* ср. р. 'сильный', 'крепкий'; ему соответствуют прилагательные: франц. *fort*, ит. *forte*, исп. *fuerte*. В румынском слове латинский гласный средней открытости [o] видоизменился в расширяющийся дифтонг [wa] (орф. *oa*) с ударением на втором компоненте (ср. выше *soare* 'солнце'). Расширяющиеся дифтонги из лат. [o] встречаем и в других романских языках, напр., ит. *buono* 'добрый', исп. *bueno*; франц. слово *toit* 'крыша' произносится [twa]. Так как случаи таких расширяющихся дифтонгов в отдельных романских языках приходятся не на одни и те же слова, нужно заключить, что процесс совершался в каждом из них особо, но задатки к такому произношению существовали уже в народно-латинском языке. Слово *tare* 'сильный' восходит (с заменой плавного [l] на [r]) к местоименному прилагательному лат. *talis*, -e 'такой, -ая, -ое' = франц. *tel*, ит. *tale*, исп. *tal*; для уяснения перехода в слове от местоименно-указательного значения к значению 'сильный' ср. в русском выражения, как 'уж такой ветер!' в значении 'очень сильный' (или 'какой же ветер!').

6. *mă scol* 'встаю', 'поднимаюсь' — возвратный глагол к действительному *scol* 'бужу', 'поднимаю'. Румынские глаголы, подобно латинским, имеют четыре основные формы, по которым образуются остальные; так, *scol* — 1-е л. ед. ч. наст. вр., *sculăi* — 1-е л. ед. ч. перф., *sculăt* — причастие прош. вр. страд., а *sculă* — неопр. форма. В нашем слове наблюдаем чередование в области корневого гласного [o], сохранившегося под ударением (*scol*) и изменившегося в узкий гласный в предударном положении (*sculăi* и пр.).

7. *la găsarit* ‘на востоке’ — предлог *la* ‘в’, ‘на’ возводят к латинскому местоименному наречию *illac* ‘там’, ‘туда’; при таком понимании надо допустить, что сначала это было простое указательное наречие, к которому могло прибавляться и название предмета, соответствующего указанию, а затем такое словосочетание получило значение сочетания предлога с названием предмета; в других романских языках такого преобразования значения не произошло, но несколько сближаются случаи постпозиционной прибавки *là* к существительному во французском языке при указании отдаленности предмета в противоположении близкому, напр., *cette lettre-là* ‘вон то письмо’, собственно ‘письмо (которое) там’ || *cette lettre-ci* ‘вот это письмо’, т. е. сначала назван предмет, а затем присоединено указательное наречие-частица. Существительное *găsarit* м. р. ‘восход’, ‘восток’ (собственно ‘вскакивание’) разлагается морфологически на *ră-săr-it*, где *ră-* префикс (< лат. *re*), *săr* отвечает лат. корню *sal-* в глаголе *salio* ‘прыгаю’, с заменой в румынском лат. [l] между гласными на [r], и наконец суффикс *-it*.

8. *și când mă scol* ‘и когда я всхожу’ — союз *și* ‘и’ восходит к лат. наречию *sic* ‘так’, ‘таким образом’, заступившему в румынском языке место лат. союза *et* ‘и’, сохраняющегося в западной ветви романских языков; начальный шипящий фрикативный [ʃ] (орф. *ș*) получился из [s] в положении перед гласным переднего ряда как результат смягчения; смычные латинские [t] и [d] в том же положении последовали свистящему типу смягчения, напр., рум. *țară* < лат. *terra* ‘земля’, *zice* < лат. *dicit* ‘говорит’, и смягчение это предшествовало в румынском переходу [e] в [i] перед носовыми, вследствие чего видим здесь сохранение [t] и [d] — ср. рум. *țimp* < лат. *tempus* ‘время’, *dinte* ‘зуб’ < лат. *dentem* (вин. пад. ед. ч.). Временной союз ‘когда’ в литературном латинском языке выражался союзами *quum* (*cum*) и *quando*, но в народном разговорном языке первый (*cum*) вышел из употребления, уступая свое место второму, более характерному по полноте звуков; отсюда ит. *quando*, исп. *cuando*, франц. *quand*, рум. *când* (с утратой конечного гласного в румынском и французском).

9. *se face* 'делается' — 3-е л. ед. ч. наст. вр. возвратной формы от глагола *a face* 'делать' с главными формами *fac* (1-е л. ед. ч. наст. вр.), *făcui* (1-е л. ед. ч. перф.), *făcut* (причастие прош. вр., страд.) и *a face* (неопр. форма с предшествующим предлогом *a*); ср. соответствующие латинские формы: *facio*, *feci*, *factum* (супин), *făcere*. В румынских формах видим чередование гласных *a* || *ă* ([a] || [ʌ]) в связи с ударенностью и неударенностью; отличия от латинских форм вызваны действием аналогии; например, причастие *făcut* заместило собою древнюю форму *fartu* (с группой *pt* вместо лат. *ct*), сохраняющуюся в македонском диалекте. В форме *face* 'делает' согласный заднеязычный [k], сохраняющийся в 1-м л. ед. ч. (*fac*), смягчился в шипящую аффрикату [tʃ] в связи с сопутствующим гласным переднего ряда, параллельно со смягчением соответствующего звонкого [g] в [dʒ]; отметим еще совпадение (конвергенцию) формы 3-го л. ед. ч. наст. вр. и неопр. формы после исчезновения в первом случае окончания *-t*, а во втором — окончания *-re*.

10. *ziuă* 'день' (также *zi*) соответствует латинскому *dies* (м. р. им. пад.) и *diem* (вин. пад.) с переходом [d] в спирант [z] в сочетании с гласным переднего ряда; родственны ит. *di* (м. р.), исп. *día* (м. р.); но в румынском языке слово перешло в категорию женского рода.

11. *mă uit* 'смотрю', 'смотрюсь', 'поглядываю' — возвратный по форме глагол (как показывает местоимение *mă*) с действительным значением; восходит к латинскому *oblitus* 'забытый' со своеобразным изменением значения. Возвратные глаголы в русском языке для всех лиц отмечаются одинаково постпозитивную частицей *-ся*, но в романских и германских языках к глаголу присоединяется личное местоимение соответствующего лица и числа.

12. *în fereastra ta* 'в твоё окно' — предлог *în* 'в', 'на' соответствует латинскому *in* (ит. *in*, исп. *en*, франц. *en* = фонет. [ã]); в румынском языке при указании на внутренность предмета он употребляется наряду с *întru*, применяемым преимущественно перед гласными, напр. *întru casa* 'в доме', 'в дом' (гласный [o] — неопр. артикль) — внешняя дифференциация. Существительное ж. р. *fereastra*

(им. и вин. пад.) в определенной форме, а в неопределенной о *fereastră*; разница в конечном гласном зависит от того, что в определенной форме конечной гласный произошел из слияния с определенным артиклем (подобным образом *casă* || *casa*). Самое слово *fereastră* восходит к лат. *fenestra* (с заменой [n] через [r]), откуда ит. *finestra*, франц. *fenêtre* (с утратой [s]) и нем. *Fenster*. Притяжательное местоимение 2-го л. ж. р. *ta* (определенная форма) стоит после определяемого существительного, как и определяющие прилагательные, — это характерная особенность румынского языка.

13. *cu ochiul meu* 'моим глазом'. В русском языке имеем творительный падеж орудия; в романских и германских языках соответствующая падежная форма вышла из употребления, заменившись предложным выражением, в котором применен предлог со значением 'с', 'вместе с', т. е. в смысле сопровождения, сопутствия. Таким предлогом для обозначения орудия стал в латинском с эпохи конца империи почти всюду *cum* (ит., исп. *con*, рум. *cu*), кроме французского, в котором применяется предлог *avec*, получившийся из выражения *apud hoc* (собственно 'у этого'). Существительное *ochiul* (произносится [о́кь], т. е. *и* после *і* на конце слова только пишется, но не произносится) м. р. 'глаз', восходящее к лат. *ocūlus*, поставлено с постпозиционным определенным артиклем мужского рода, отражающим, как и в других романских языках, латинское указательное местоимение *ille* (м. р.) 'тот' (*illum* — вин. пад.), *illa* (ж. р.), с тою особенностью, что в румынском это местоимение ставилось не перед существительным, а после него: *ochiul-(i)lui* > *ochiulu* > *ochiul*; *ziua-(ill)a* > *ziua* 'день'; *soare-le* в существительных м. р. на *-e*; в таком отступлении относительно места артикля при существительном усматривается влияние болгарского и албанского языков. Притяжательное местоимение м. р. *meu* 'мой' стоит тоже после существительного и притом взятого с определенным артиклем; *mea* — ж. р.; для второго лица служат *tău* — м. р., *ta* — ж. р.

14. *strălucitor* 'блестящий' разлагается на морфемы (морфологические части) *stră-luc-itor*. Корень слова — *luc-* (а *luci* 'блестеть', лат. *luc-ere*), суффикс *-itor* и префикс

stră- — из лат. *extra* 'вне'. Относится к предшествующему существительному *ochiul*.

15. *sa aurul* 'как золото' — сравнительная частица *sa* отражает лат. *qua*. Существительное *aur* м. р. соответствует латинскому *aurum* ср. р. (ит., исп. *oro*, франц. *or* — мужского рода, обычно заменившего собою латинский средний род); конечное *-ul* — определенный артикль.

16. *și îți spun* 'и говорю тебе' — форма *îți* (конечное *i* не произносится; обычно оно обозначает мягкость предшествующего согласного, примеры чего встретятся далее) — 'тебе' — дательный падеж местоимения *tu* 'ты' рядом с параллельною формою дательного падежа *ți*, употребляющейся в современном языке перед начальными гласными, тогда как первая форма применяется перед начальными согласными, напр. *ți am spus*¹ 'я тебе сказал' || *îți spun* 'говорю тебе'; подобным образом *mi* || *îmi* 'мне', *și* || *își* 'себе' (внешняя дифференциация).

17. *când e timpul să te scoli* 'когда время тебе вставать' — глагольная форма 3-го л. ед. ч. наст. вр. *e* 'есть' употребляется наряду с полной формой *este* (лат. *est*, франц. *est* с непроизносимыми конечными согласными, ит. *e*, исп. *es*); в фонетическом отношении, в отличие от западных романских языков, в румынском перед начальным [e] развилось [j], т. е. одинаково с болгарским и вообще славянскими языками. Слово *timpul* 'время' разлагается на *timp* м. р. в соединении с определенным артиклем. Словечко *să* — союз 'чтобы', входящий в образование сослагательного наклонения: *să te scoli* 'чтобы ты вставал' (1-е л. ед. ч. *să mă scol*, 2-е л. ед. ч. *să te scoli* с мягкостью [l], обозначенною непроизносимою буквою *i*, 3-е л. ед. ч. *să se scoale*, где *mă*, *te*, *se* — винительные падежи соответствующих местоимений — 'меня', 'тебя', 'себя')². Союз *să* 'чтобы' произошел из латинского условного союза *si* 'если'

¹ *am spus* — сложное прошедшее, соответствующее французскому *passé composé* (*j'ai dit* 'я сказал') или немецкому *Perfekt* (*ich habe gesagt* 'я сказал').

² Здесь видим в ударном корневом слове чередование гласного [o] (в закрытом слове) с расширяющимся дифтонгом [wa] ([ya]) (в открытом слове); в слове же предударном [o] сузилось в [u]; напр. в неопр. форме *a se scula*.

и еще в XVI в. встречается в условном смысле. Самый переход значения произошел в румынском языке (чего не случилось в западных романских языках, где союз удержался в первоначальном условном значении — франц., исп. *si*, ит. *se*) из значения желательного, напр., *rog să vii* ‘прошу (*rog*) тебя прийти’, собственно ‘если бы ты пришел (*să vii*)! я прошу’.

18. *eu zic: scoală-te, lepeșule* ‘я говорю: вставай, лентяй’ — в повелительной форме возвратного глагола личное местоимение 2-го лица в винительном падеже следует за глагольной формой (*scoală-te*), тогда как в формах изъявительного и сослагательного наклонения личное местоимение предшествует глаголу. Существительное *lepeșule* ‘лентяй’ происходит от слова *léne* ‘лень’ (славянского происхождения), откуда прилагательное *léneș* ‘ленивый’ с присоединенным определенным артиклем.

19. *luminez nu ca să te tăvălești* ‘свечу не для того, чтобы ты валялся’ — отрицание *nu* ‘не’ отражает лат. *non* (ит., франц. *non* — произн. [nɔ̃], — исп. *no*) с ослаблением неударного [o] в узкий гласный. Сочетание союзов *ca* ‘как’ и *să* ‘чтобы’ с глаголом в сослагательном наклонении имеет общий смысл ‘чтобы’. Глагол *te tăvălești* (конечное *i* обозначает мягкость предшествующего согласного) — 2-е л. ед. ч. сослагательного накл. наст. вр. с суффиксом *-esc-*, сменяющимся на *-ești-* перед гласным переднего ряда, от возвратного глагола *a se tăvăli* ‘валяться’. Глагол восходит к славянскому слову ‘вал’ (рум. *val*), отражающемуся в ряде румынских слов, напр. *văluesc* ‘качу’, ‘ворочаю’; начальное *tă* в *tăvălesc* (с тем же значением) стоит вместо *tra*, существовавшего в латинском в качестве префикса (наряду с *trans*) со значением русского префикса ‘пере’.

20. *ci ca să te scoli, să lucrezi, să citești, să te plimbi* ‘но чтобы ты вставал, работал, читал, гулял’ — союз противоположения *ci* ‘но’, ‘а’ восходит к латинскому вопросительному местоимению среднего рода *quid?* ‘что?’, утратившему вопросительность и перешедшему в союз ‘а’, ‘но’. В дальнейшем все три глагола продолжают ставиться в форме 2-го лица единственного числа настоящего времени сослагательного наклонения; *lucrez* ‘работаю’, *lu-*

crai (перф.), lucrati (прич.), а lucra (неопр. форма) — латинского происхождения, citesc 'читаю' — славянского происхождения, plimb 'хожу', 'гуляю'. Последний глагол восходит к латинскому ambulare 'гулять', давшему в румынском a umbla или a imbla и с префиксом per (лат. perambulare) — рум. a preumbla или a preimbla откуда a plimba 'водить на прогулку', а se plimba 'гулять' (в западных романских языках первичное латинское значение приблизительно с IX века утратилось, уступив место значению 'бежать иноходью' (о лошади) — франц. ambler, ит. ambiare, исп. amblar).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК ФОНЕТИКИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Граматику обычно принято делить на фонетику или учение о звуковых единицах в словах, морфологию — учение о знаменательном составе слов и синтаксис или учение о предложении¹. Все эти части грамматики тесно связаны между собою, так как слова, из которых состоит наша речь, представляют собою одновременно явления и фонетические, и морфологические, и синтаксические; однако для научного анализа удобнее изучать эти явления отдельно, восходя при этом от более простого (фонетики) к более сложному (синтаксису). Поэтому мы начнем с фонетики, опирающейся на физиологию звуков, которая показывает, что наиболее крупным подразделением звуков является деление на гласные, или рто-раскрыватели, и согласные, или рто-смыкатели. Отсюда фонетика распадается на учение о гласных звуках, или вокализме, и учение о согласных звуках, или консонантизме.

Чтобы вполне понять фонетику (вокализм и консонантизм) и вообще грамматику романских языков, необходимо исходить из латинского языка, так как романские языки (французский, итальянский, испанский, румынский и др.) произошли из народного латинского языка, который заносили при завоеваниях легионеры в Галлию, Испанию, Дакию. Народный латинский язык видоизменялся под влиянием языка коренных обитателей этих

¹ В школьной грамматике вместо терминов «фонетика» и «морфология» иногда встречается общий термин «этимология», но в науке под этимологией понимается учение о происхождении слов.

областей, и только в Италии современный итальянский язык является как бы прямым продолжателем латинского языка не только народного, но и литературного.

Вокализм

Проследим сперва, как развивались гласные в самом латинском языке и сначала остановимся на ударных гласных. Простые ударные гласные в латинском языке обычно сохранились в своем виде, напр., *āgo*, 'гоню', *fēro* 'несу' [*ĕ], *domus* 'дом' [*ō], *māter* 'мать' [*ā], *sēmen* 'семя' [*ē], *dōnum* 'дар' [*ō]. Первоначальные дифтонги в латинском языке в ходе времени изменились в простые долгие гласные, причем этот процесс совершался не одновременно в разных дифтонгах, но в зависимости от однородности или же разнородности их компонентов, в первом случае — быстрее, а во втором — медленнее. К классическому периоду (к I в. до н. эры) все древние дифтонги последовательно превратились в латинском языке в долгие гласные, совпавшие с соответствующими простыми (конвергенция); таким образом в эту эпоху лат. [ī] отражает не только [*ī], но и [*ei]; [ū] — не только [*ū], но также [eu], [ou] и [oi]; [ē] происходит из [*ē] и [*ai], гласный [ō] из [*ō] и [*au]¹.

В последующие века латинский вокализм продолжал изменяться далее; он уже не имел древних дифтонгов, а только одни простые краткие и долгие, изменение которых состояло в том, что различие в них долготы и краткости постепенно стирается, причем долгие средние гласные ([ē], [ō]) становились более узкими или закрытыми, а соответствующие узкие краткие ([ī], [ū]) более широкими или открытыми, а это повело к совпадению (конвергенции) тех и других, именно: старое [ī], преобразовавшись в [e] закрытое ([e]), смешалось с рефлексом старого [ē], а старое [ū], видоизменившись в [o] закрытое ([o]), совпало с рефлексом старого [ō]. Вне изменения остались прочие глас-

¹ Подробнее см. в моем сочинении «Сравнительная грамматика арио-европейских языков», вып. I (1914), 131—134, где на стр. 133 дана синхронно-диахроническая таблица хода изменения дифтонгов в монофтонги в латинском языке.

ные, т. е. старые [ǣ], [ī], [ū] и не узкие [ě] и [ǫ]. Эти гласные лишь утратили различие по длительности и краткости, но сохранились в своем качестве. Таково состояние латинского ударного вокализма к концу империи, как исходное для последующего развития романских языков. Как характерное в нем явление, нужно отметить образование двояких [e] и [o], именно (закрытое) [e̞] (из др.-лат. [ē] и [ī]) || [e] (открытое) (из др.-лат. [ě]), а также (закрытое) [o̞] (из др.-лат. [ō] и [ū]) || [o] (открытое) (из др.-лат. [ǫ]).

В следующем — в т о р о м — периоде, когда уже утерялось в ударных гласных различие самостоятельной долготы и краткости, начинает влиять на ставшие однородными по длительности гласные о т к р ы т о с т ь и з а к р ы т о с т ь с л о г о в, в которых они находились, причем открытость слога, которой не препятствовали стоявшие за гласным группы [pr], [tr], [dr] и пр., располагала к удлинению гласного, а закрытость — к его краткости. Этим путем теперь снова развивается уже новая романская долгота и краткость гласных, не имеющая отношения к древне-латинской долготе и краткости, которая не была связана с характером слога¹. Между тем в романских языках мы видим развившуюся «вторичную» долготу и краткость, причем каждый из приведенных семи однородных по длительности, но различных по качеству гласных ([e̞], [o̞], [a], [i], [u], [e], [o]) разветвился на краткую и долгую разновидность в связи с типом слога и окружающими согласными, с некоторыми особенностями на территориях отдельных романских языков, причем на почве средних гласных [e] и [o] удлинение соединилось в дальнейшем с дифтонгизацией особенно широкой разновидности. Таким образом, в латинском языке мы наблюдаем переход первоначальных дифтонгов в монофтонги, а в романских языках возникает новый слой дифтонгов.

Теперь представим иллюстрирующие примеры для истории романского ударного вокализма, причем будем брать примеры из классического латинского языка и соответствующие из современных романских языков.

¹ Ср. [ē] в *lēgem* 'закон' (вин. пад. ед. ч.) в открытом слоге || *lĕx* (им. пад. ед. ч. от того же слова) в закрытом слоге, или [ō] в *vōx* 'голос' (им. пад. ед. ч.) || *vōsem* (вин. пад. ед. ч.)

sāl, родит. sālīs ср. р. 'соль' ≠ ит. sale м. р., исп. sal ж. р., рум. sare ж. р., франц. sel м. р. (во франц. языке [a] находим сохранившимся в предударном слогe, напр., saler 'солить').

cārrūs м. р. и carrum ср. р. 'телега' ≠ ит. carro м. р., исп. carro м. р., рум. car ср. р., франц. char м. р. (во франц. языке [a] в закрытом ударном слогe).

pēs, вин. пад. pēdem м. р. 'нога' ≠ ит. piede м. р., исп. pie м. р., франц. pied м. р. (дифтонгизация открытого [e] в открытом слогe); романские существительные отражают латинский вин. падеж.

fērrūm ср. р. 'железо' ≠ ит. ferro м. р., исп. hierro м. р., франц. fer м. р., рум. fier ср. р. (в закрытом слогe лат. [ĕ] осталось без дифтонгизации, кроме испанского и румынского).

vēlūm ср. р. 'парус', 'покрывало' (с долгим [ē]) ≠ ит. velo м. р. 'покрывало', vela ж. р. 'парус', исп. velo м. р. 'покрывало', vela ж. р. 'парус', франц. voile м. р. 'покрывало', ж. р. 'парус', рум. vāl м. р. 'покрывало', vélă ж. р. 'парус'. В латинском языке значение 'парус' обычно множественного числа; напр. vela dare 'плыть под парусом'. Отсюда раздвоение в романских языках: латинская форма множественного числа среднего рода на -ă перешла в категорию женского рода со значением 'парус', а форма единственного числа стала означать только 'покрывало', 'вуаль'.

cīrcūs, -ūm (вин. пад.) м. р. 'круг' ≠ ит. cerchio м. р., исп. cerco м. р., франц. cercle м. р. (от лат. уменьшительного cīrculūs, -ūm), рум. cerc м. р. (расширение латинского [i] в закрытом слогe).

fīdēs, -em ж. р. 'вера', 'доверие', 'верность' ≠ ит. fede ж. р. (fè), исп. fe ж. р., франц. foi ж. р. (лат. краткое [i] в открытом слогe).

scribēre 'писать' ≠ ит. scrivere, исп. escribir, франц. écrire (старофранц. escrivre), рум. a scrie; долгое [i] латинское в романских языках сохранило свое качество.

pŏvus (вин. пад. pŏvum) ≠ ит. nuovo, исп. nuevo, франц. neuf (из старофранц. nuef с дифтонгом). Видим в романских языках дифтонгизацию латинского [o] в открытом слогe.

förtis м. р. (forte ср. р.) ≠ ит. forte, исп. fuerte, франц. fort, рум. foarte (*oa* произносится как [wa]). В закрытом слоге лат. [ö] осталось без дифтонгизации, кроме испанского и румынского (ср. выше ferrum).

flös, flörem (вин. пад.) м. р. ≠ ит. flore м. р. ([fi] из [fl] перед гласными), исп. flor ж. р., франц. fleur ж. р.

büssä 'щека', 'рот' ≠ ит. bocca, исп. boca, франц. bouche (старофранц. boche), рум. bucă 'щека'.

mūrus, -um (вин. пад.) м. р. ≠ ит. muro, исп. muro, франц. mur.

Все вышесказанное о развитии романского ударного вокализма на исходной базе латинского можем резюмировать следующим образом. В латинских ударных гласных различались краткие с более широким произношением и соответствующие долгие — с более узким; в дальнейшем теряется различие по долготе и краткости, но сохраняется различие более широкой и более узкой разновидностей, т. е. различие по открытости и закрытости звука; из них та и другая разветвляются на более долгую и более краткую в зависимости от открытости и закрытости слога. Развитие романских гласных под ударением, остававшимся на том же месте в словах, где оно приходилось в латинском, зависит от этих последних качеств, т. е. от более расширенного или же более суженного произношения гласных, идущего от древнего латинского, и от долготы и краткости нового, или романского, происхождения. В дальнейшем в романских языках происходит дифтонгизация широких или открытых средних гласных в открытых слогах; всего последовательнее это происходит в итальянском, в испанском же тенденция к дифтонгизации проявляется шире, являясь и в закрытых слогах; румынский видоизменялся несколько иначе; самый же процесс состоял в образовании р а с ш и р я ю щ и х с я дифтонгов, с усилением или напором на втором компоненте, отвечающем моменту удлинения: ит. [ie], [uo], исп. [ie], [ue], рум. [ie], [wa] (орф. *oa*); французский язык отличается тем, что дифтонгизовал долгие средние гласные еще и в узкой (или закрытой) разновидности и притом другим способом, превращая их в суживающиеся дифтонги — [ei] и [ou], из ко-

торых первый дал в конце процесса дифтонг [wa]¹; напр., лат. *légem* = франц. *loi* 'закон', — а второй, через монофтонгизацию, гласный [ō] ([ō] > (ou) > [ö]), напр. лат. *dolōgem* = франц. *douleur* 'печаль'¹.

Переходя к безударному вокализму романских языков, мы и здесь предварительно коснемся этого вопроса в латинском языке.

В латинском языке в классическую эпоху ударение уже не было свободным: в неодносложных словах оно стоит только на втором или на третьем слоге от конца, но не дальше (так наз. закон трех слогов); оно стоит на третьем слоге, когда второй слог от конца краток, напр. *légēre* 'читать', если же предпоследний слог долог, то ударение приходится на нем, напр.: *laudāre* 'хвалить'²; конечный же слог, будет ли он долог или краток, остается безударным³, как это имеет место в некоторых славянских языках (сербском, чешском и польском) и других — индустанском, новоперсидском и пр. (вопрос требует сравнительного изучения). В таком виде выработался в латинском языке новый тип ударения и новое антропофоническое строение слов, и в соответствии с этими новыми условиями происходит новое, уже латинское, изменение неударных гласных⁴.

¹ В дифтонге [ei], получившемся во французском языке из [ē] (*lēi* из *lēgem*), его закрытое [e] переходит сначала в широкое (X I в.), а затем [ei] с широким [e] изменится в [oi] (X II в.) и далее в [ōe] с широким конечным [e] и последующей перетяжкой ударения на второй компонент (*loé* — X III в.), а далее происходит сужение ставшего безударным компонента [o] и дальнейшее расширение конечного [e] в [a], так что в конечном результате из *loé* получается современное французское произношение [lwa], орфография которого *loi* сохранилась старой (X II в.), — рельефный пример силы традиции в орфографии. Ср. Körtling, *Handbuch*, стр. 378 (для *ē*) и 379 (для *ō*), а также Ф. де Соссюр, «Курс общей лингвистики», 1933, стр. 48.

² Слог становится долгим и при кратком гласном, если за этим гласным следует группа смычных согласных, напр., *factus* 'сделанный' (так наз. долгота по положению).

³ В тех случаях, когда древнее ударение приходилось на конечный слог, оно передвинулось в латинском на предшествующий слог, напр., в слове **patēr* > *pāter* 'отец'.

⁴ Вопрос о неударном латинском вокализме с некоторыми сопоставлениями с ослаблениями русского неударного вокализма я рассматриваю в своем сочинении «Введение в изучение русского вокализма», вып. 2-й, Варшава, 1882, стр. 103—116 («Русский филолог»).

Наиболее типичные случаи ослабления кратких неударных гласных имеем во втором открытом слоге от конца при ударении на третьем от конца слоге¹, как это встречается при сложении простых глаголов с префиксом, принимающим на себя ударение, причем продуктом ослабления кратких средне-широких гласных являются узкие гласные [i] и [u], напр.:

lĕgo 'собираю', 'читаю' ↪ cóllygo 'собираю' (префикс *col-* вместо *con-* вследствие ассимиляции);

sādo 'падаю' ↪ accīdo 'припадаю' (префикс *ac-* вместо *ad-* по ассимиляции);

sārio 'беру' ↪ ossĭro 'овладеваю' (*oc-* вместо *ob-*).

Такие случаи, как

fācio	'делаю'		perfīcio	'совершаю'
sārio	'беру'		accīrio	'получаю',

где на первый взгляд изменение [ǎ] > [i] произошло как будто под ударением, объясняются тем, что в доклассическое, более древнее время ударение в латинском языке падало на префикс и тогда, когда он занимал и более удаленное положение от конца слова, как в приведенных примерах (*pérfīcio, áccīrio); именно к этой ранней эпохе надо относить и начало процесса ослабления неударных гласных². В то время и долгота предпоследнего слога не оказывала влияния на начально-префиксовое ударение. К этой эпохе относятся также кажущиеся случаи ослабления ударных гласных в классической латыни, как:

lectus	'собранный'		colléctus	(из *cónlĕctos)
factus	'сделанный'		perféctus	(из *pérfāctos) ³
caedo	'убиваю'		occīdo	(из *óccaedo) 'убиваю'.

гический вестник» 1882, № 4, т. VIII, стр. 70—83), и эти страницы перешли в последующий труд «Гласные без ударения в общерусском языке», Казань, 1884, гл. IV («Некоторые сопоставления явлений вокализма русского и др. языков»), стр. 133—144.

¹ Долгий гласный во втором слоге необходимо был бы ударным.

² Ср. также Ф. де Соссюр «Курс общей лингвистики», 1933, стр. 101.

³ Изменение безударных кратких [ĕ] и [ǎ] сходно, причем в закрытом внутреннем слоге рефлексом является [ĕ], а не [i], какой имеется в открытом внутреннем слоге. Впрочем и в последнем положении встречается [ĕ] под влиянием соседних согласных, напр. перед [r] и [h]:

Итак, установлению «ударения трех слогов» в латинском языке предшествовало широкое применение начально-префиксового ударения, каковое столь рельефно выступает в германских языках. С переходом в многосложных словах ударения с начально-префиксальной части слов на второй или третий слог от конца, в латинском получается в словах предударная часть, не подвергающаяся изменению в своем вокализме, как оставшаяся довольно сильною. Такие ослабления в предударной части, как *inimicus* 'недруг' || *amicus* 'друг', объясняются тем, что и здесь ударение приходилось на начальный слог (отрицание префиксального типа; ср. в русском такие нередкие случаи ударения, как «невесел» и т. п.) и, следовательно, изменение гласного [ā] > [i] произошло в послеударной части слова (**ināmicos* > **inimicos* > *inimicus*) ранее установления «ударения трех слогов».

Что касается изменения гласных в конечном неударном слоге, составляющем формальный элемент слова, то здесь гласный мог быть долгим и кратким, а слог открытым и закрытым: долгие гласные не испытывали качественных изменений, лишь сокращаясь при подходящих условиях, напр., *laudāt* 'хвалит' > *laudāt* (но перед фрикативным [s] сохранялась и долгота — *laudās* 'хвалишь'); среди гласных кратких гласный [ĕ], являющийся обычным формальным элементом в латинском языке, тоже сохраняет свое качество в конечном открытом слоге, напр., *legĕ* 'читай', хотя и в ослабленном произношении, о чем заключаем по явлениям его утраты в некоторых случаях¹, но в закрытом слоге изменился в соответствующий узкий гласный [i], напр., *legīt* 'читает', так же как [ō] изменился в том же положении в [ū], напр. *domūs* 'дом' (из *dōmōs*), *legūnt* 'читают' (из *legōnt*).

vĕho 'везу' ↪ *pĕrvĕho* (а не **pĕrvīho*) 'провожу', *fĕro* 'несу' ↪ *perfĕro* 'переносу', *pārio* 'рождаю', 'выдумываю' ↪ *perpĕrio* 'выдумываю'.

¹ Ср. *hanc* 'эту' из *hance* (где *-ce* подобно русскому *-сь*, напр. в слове 'здесь'), причем конечное *-ce* теряло [e] перед начальным гласным следующего слова, сохраняясь перед согласным (напр., в надписях *hance legem* 'этот закон', вин. пад.), а затем форма *hanc* стала применяться во всех случаях. Подобная утрата конечного [ĕ] имеется во 2-м лице ед. ч. повел. наклонения в глаголах: *dīc* 'скажи', *duc* 'веди', *fac* 'сделай' и еще *fer* 'неси'.

Итак, латинский неударный вокализм, переходя в романские языки, руководствовался по отношению к месту ударения в словах «законом трех слогов», с разницею при этом в устойчивости неударного вокализма в предударной и послеударной части слова: бо́льшая устойчивость предударной части, особенно начального слога, и ослабленное произношение послеударной части, приводившее к частной утрате конечного краткого гласного [ĕ], равно как того же гласного и во внутреннем открытом слоге между смычным согласным и плавным в словах изолированных (частицах), напр. *supĕrus* 'верхний' || *supra* (из *supera*) 'вверху' и др. (в прилагательном *supĕrus* гласный [ĕ] находил поддержку в форме сравнительной степени, где он являлся под ударением); ср. также относительно [ĩ]: *valĩdus* 'сильный' || нар. *valde* (из *val'de*) 'сильно'¹.

Так как корневые гласные звуки в латинском языке при словообразовании и словоизменении переходили с видоизменениями из одного положения в другое — из слога открытого в слог закрытый, из положения под ударением в положение послеударное или предударное, то в связи с этим получились соответствующие «чередования» гласных, напр.,

<i>lĕgo</i>		<i>collĩgo</i>		<i>collĕctus</i>
<i>fācio</i>		<i>perfĩcio</i>		<i>perfĕctus</i>
<i>cāpio</i>		<i>ócũpo</i>		
<i>āmo</i>				<i>āmāmus</i> и т. п.

Описанное состояние латинского безударного вокализма классической эпохи перешло и в романские языки, удержавшие неизменным место латинского ударения в словах. Процесс дальнейшего ослабления безударного вокализма совершался в романских языках с неодинаковою скоростью, причем французский язык провел это ослабление в наибольшей степени. Быть может, здесь следует видеть влияние кельтской языковой подпочвы: французский язык создавался путем распространения народного латинского языка в Галлии, населенной кельтами, которые, ассимилируясь по языку с римлянами, привно-

¹ В народном латинском и прилагательное *valĩdus* > *valdus*.

сили в усваиваемый язык черты своего родного языка, в котором была сильна тенденция к ослаблению неударных гласных, напр., латинскому *centum* 'сто' в кельтском соответствует *cét* и т. п.¹ Так как ударные и неударные гласные имели в романском языковом мире неодинаковый путь развития (неударные гласные не имели того удлинения, которое испытали ударные гласные в открытых слогах), то в романских языках развились чередования и я корневых ударных гласных с неударными, благодаря перемещениям ударения, преимущественно в глаголе при словоизменении и словообразовании; так, во французском на базе латинских гласных [ǎ], [ĕ], [ǒ] имеем:

1) [ǎ]: лат. *amo* 'люблю' || *ātmānus* 'любим'; франц. *aime* || *āmons* вместо старофранц. *āmons* по аналогии к ед. ч. (унифицирующее влияние фактора аналогии);

2) [ĕ]: лат. *tēnet* 'держит' || *tĕnĕre* держать; франц. *tient* || *tenir* ([tjĕ] || [t(ə)m̄:r]); ср. ит. *tiene* || *tenere*, исп. *tiene* || *tener*, рум. *ține* || *ține*.

3) [ǒ]: лат. *mōrior* 'умираю' || *mōri* вместо *moriri*; франц. *je meurs* || *mourir* ([moe:r] || [muri:r]); ср. ит. *muoro* || *morire*, исп. *muero* || *morir*, рум. *mor* || *muri*².

Что касается ослабления неударных гласных до нуля, которое наблюдается главным образом в послеударной части слова, и прежде всего во внутреннем слоге, а также в предударной части, содержащей два слога, — в слоге, непосредственно предшествующем ударному, — то во французском языке этот процесс проходил более интенсивно, чем в других языках, причем вся послеударная часть во французском языке редуцировалась, вследствие чего в нем получился, в отличие от других романских языков, новый вторичный тип антропофонического строения слов с ударением на конечном слоге. Примеры:

¹ Ср. отражение латинского слова *centum* в западных романских языках: франц. *cent* (pron. [sǎ]), ит. *cento*, исп. *ciento*.

² Для деталей см. в первом отделе характеристику звуковых систем соответствующих языков. В приведенных примерах латинский литературный язык представляет одинаковое обозначение однородных по качеству гласных в разных положениях — ударном и безударном (предударном), но в романских языках наблюдаем различие — дивергенцию.

1) 'CVCV (ударение на первом слогe):

Лат. *cūbītus* 'локоть': франц. *coude*, ит. *gomito* (стар. *gombito*), исп. *codo* (стар. *cobdo*), рум. *cot*.

Лат. *num̄erus* 'число': франц. *nombre* ([*ẽ*] во внутреннем послеударном открытом слогe исчезло с последующим развитием [*b*] между [*m*] и [*r*]), ит., исп. *número*, рум. *număr*.

2) CVCV' (ударение на последнем слогe):

Лат. *sēpāgāre* 'отделять': франц. *sevrer* 'отнимать от груди', ит. *scēv(e)gare* (рядом имеются слова позднейшего ученого образования по латинскому образцу со значением 'отделять' — франц. *séparer*, ит. *separare*, исп. *separar*, рум. *separa*).

Консонантизм

При рассмотрении консонантизма романских языков, подобно вокализму, мы отправляемся от их исходной базы — от латинского консонантизма, в соотношении с индоевропейским.

В индоевропейском праязыке кроме таких обычных согласных, как [*p*], [*t*], [*b*], [*d*], [*m*], [*n*], [*r*], [*l*], были еще некоторые своеобразные категории, как:

1) два ряда заднеязычных согласных — с менее глубокой и более глубокой артикуляцией, условно обозначаемых через k^1 и k^2 (или $*k$ и $*q$), причем более глубокое действие языка в латинском соединяется с лабиализацией, на подобие того, как это наблюдается при гласном [*u*], тоже образуемом глубоким укладом языка и лабиализацией (участием губ). Примеры для латинского¹:

$[*k^1]$	>	лат. <i>c</i>	: <i>centum</i> ²	'сто'
$[*k^2]$	>	лат. <i>qu</i>	: <i>sequor</i> ³	'следую'
$[*g^1]$	>	лат. <i>g</i>	: <i>ago</i>	'веду'
$[*g^2]$	>	лат. <i>v</i>	: <i>venio</i>	'прихожу' (вм. <i>guenio</i>)

¹ Соответствующие примеры из других индоевропейских языков, оправдывающие данные первичные индоевропейские фонемы, см. в моем сочинении «Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков», изд. 2-е, Казань, 1917, стр. 31—36.

² В древнелат. *c* произносилось как [*k*] и перед гласными переднего ряда.

³ *qu* обозначает [*k*] с губным сопровождением.

Из примеров видим, что латинские рефлексы первоначальных индоевропейских звонких [$*g^1$] и [$*g^2$] вполне согласуются с рефлексами глухих [$*k^1$] и [$*k^2$], причем элемент [g] в рефлексе [gu], будучи звонким и имея более ослабленную заднеязычную артикуляцию сравнительно с [k] в [ku] (q в qu), исчез, так что остался только губной элемент.

2. Звонкие придыхательные, состоявшие из звонкого взрывного с сопровождающим придыханием: [$*bh$], [$*dh$], [$*g^1h$] и [$*g^2h$], давшие в латинском по два главных рефлекса: один рефлекс с приглушением (для начала слова) и другой без приглушения (для положения внутри слова при звонком соседстве). Примеры:

[$*bh$]	лат.	[f-]: ¹	fero	‘несу’
		[-b-]: ²	scribo	‘пишу’
[$*dh$]	лат.	[f-]: ³	fumus	‘дым’
		[-d-]: ⁴	aedes	‘храм’
[$*g^1h$]	лат.	[h-]:	homo	‘человек’
		[-h-]: ⁵	veho	‘везу’
[$*g^2h$]	лат.	[f-]	formus	‘горячий’
		[-v-]: ⁶	nivem	вин. п. ед. ч. ‘снег’

¹ Черточка после буквы обозначает положение в начале слова, а по обеим сторонам буквы — положение внутри слова.

² Рефлекс [-b-] в положении перед глухим согласным сменяется на соответствующий глухой, напр. в причастии прош. страд. scriptus ‘написанный’.

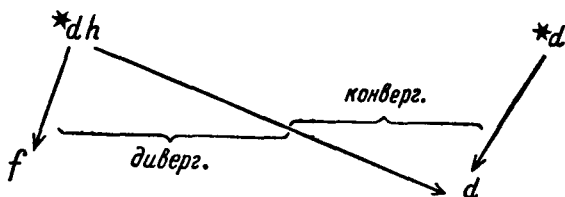
³ Рефлекс в виде глухого губно-зубного фрикативного [f-], являющийся некоторой неожиданностью, объясняется так: [$*dh$], приглушаясь, перешло в глухую аспиранту [th], и затем в глухой фрикативный [θ], подобный англ. [θ] (орф. th), сменившись далее на губно-зубной фрикативный [f], как это наблюдается в отдельных диалектах английского языка.

⁴ Отражение в виде [-d-] гармонирует с отражением [$*bh$] в виде [b]; в соседстве с согласным [r] первоначальное [$*dh$] отражается в виде губного, напр., rubro ‘красному’, verbum ‘слово’.

⁵ Для положения внутри слова между гласными сказывается тот же рефлекс, как и для начала слова, т. е. в виде спيرانта [-h-], однако сменяющийся перед смычным на глухой взрывной c (= [k]), напр. vectus ‘привезенный’.

⁶ [v] получилось здесь из [-gu-] ([$*g^2h$]), так же как в venio (из [$*g^2$]); перед глухим согласным будет c [k], напр., в им. пад. ед. ч. nix, где x = cs [ks].

Приведенные примеры позволяют наблюдать процесс, весьма обычный в языковой эволюции: один и тот же первоначальный звук может разветвляться на два и более (дивергенция), и в то же время первоначально разные звуки могут прийти в совпадение в одном звуке (конвергенция), например:

Рассмотрим отражение отдельных категорий и сочетаний согласных звуков латинского языка на почве р о м а н с к и х языков, отмечая наиболее крупные явления.

1. Отражение глухих и звонких взрывных согласных латинского языка ([p], [t], [k], [kw], [b], [d], [g]) в романских языках. Как глухие, так и звонкие взрывные в начале слова в общем не изменились, но внутри слова при звонком соседстве глухие взрывные отчасти озвончились, т. е. перешли в категорию звонких взрывных, а эти последние в отдельных диалектах изменились в придумные, которые при некоторых условиях подверглись исчезновению. Примеры:

лат. *patrem* 'отца' (вин. пад. ед. ч.) > ит., исп. *padre*, франц. *père*¹;

лат. *recipere* 'получать' > ит. *ricevere*, исп. *recibir* (с перед гласными переднего ряда произносится в испанском как [θ], а *b* как [v]), франц. *reservoir*²;

¹ Начальное лат. [p] всюду сохранилось, а внутреннее [t] при звонком соседстве озвончилось в [d] в итальянском и испанском, а во французском это [d] уже исчезло.

² Внутреннее лат. [p] озвончилось в положении между гласными и перешло далее в фрикативный во всех трех западно-романских языках; могло при этом иметь влияние и место звука по отношению к ударению.

лат. *debere* 'долженствовать' > ит. *dovere*, исп. *deber*, франц. *devoir*;

лат. *capra* 'коза' > ит. *capra*, исп. *cabra*, франц. *chèvre*, рум. *capră*¹.

2. Смягчение согласных. Здесь необходимо отметить неодинаковую смягчаемость разных категорий согласных, причем наибольшая и наиболее легкая смягчаемость принадлежит категории заднеязычных согласных, которые способны смягчаться не только под влиянием наиболее сильного смягчителя [j], но и под влиянием гласных переднего ряда [e] и [i]; далее следуют переднеязычные согласные, смягчающиеся только под влиянием смягчителя [j]², и наименьшая смягчаемость принадлежит губным согласным, артикуляция которых разъединена с артикуляцией смягчителей. Переходя к частностям, отметим:

а) По отношению к смягчению исходного заднеязычного [*k] романские языки распадаются на группу с рефлексом в виде шипящей аффрикаты (итальянский, румынский) и свистящего переднеязычного фрикативного (французский, испанский), причем последний непосредственно получился из свистящей аффрикаты, как диалектной вариации, свидетельствуя вместе с тем о более быстром звуковом изменении в данной языковой группе, ср.:

лат. *sega* 'воск' > ит. *sega*, рум. *seagră*, франц. *cire*, исп. *sega* (с перед [e], [i] произносится как русск. [ч] в итальянском и румынском, как русск. [с] во французском и как [θ] в испанском; но во французском имеется еще [ʃ] из [*k] при следующем [ă], ср. выше *chèvre* или также лат. *campus* 'поле' || франц. *champ* || ит., исп. *campo*, рум. *câmp*).

¹ Начальное лат. *c* (= [k]) в положении перед [ă] сохранилось во всех романских языках кроме французского, где в этом положении, т. е. перед [ă], отражается в виде [ʃ] (орф. *ch*); относительно рефлекса внутреннего [p] видим диалектальные различия, особенно между западно-романскими и румынским.

² Эта разница между задне- и переднеязычными согласными объясняется меньше устойчивостью заднеязычной смычки, требующей большего мышечного усилия и потому легче перемещающейся при смягчении в среднеязычную артикуляционную область. Задатки романского смягчения имелись уже в латинском.

Что касается смягчения соответствующего звонкого взрывного [*g], то его рефлексы в романских языках представляются в следующем виде:

лат. *gener* 'зять' > ит. *genere* ($g = [dʒ]$), франц. *gendre* ($g = [ʒ]$), исп. *yerpo* ($y =$ русск. [й]), рум. *gînera* ($g = [dʒ]$).

б) Смягчение переднеязычных [t] и [d] посредством [j] представляет ту особенность по сравнению со смягчением заднеязычных [k] и [g], что все романские языки в результате смягчения дали не шипящие, а свистящие:

лат. *pŕiteus* 'колодец' ([tĕ] перед гласным изменилось в дальнейшем в [tj]) > ит. *pozzo* ($zz =$ русск. [тц]), франц. *puits* (стар. *puis*, *t* внесено в орфографию в XVI в. для сходства с латинским), исп. *pozoz* ($z = [θ]$), рум. *puț* ($t = [ц]$).

лат. *mĕdius* 'средний' > ит. *mezzo* ($zz = [dz]$), исп. *medio* (d произносится фрикативно), франц. *mi*, напр. в *minuit* 'полночь' (с исчезновением междугласного [d]), рум. *miez* ($z =$ русск. [з]).

В положении перед гласными переднего ряда переднеязычные [t] и [d], в отличие от заднеязычных смычных, не смягчаются, за исключением румынского, ср.:

лат. *terra* 'земля' > ит. *terra*, франц. *terre*, исп. *tierra*, рум. *țară*;

лат. *decem* 'десять' > ит. *dieci*, исп. *diez*, франц. *dix* ($x =$ русск. [с]), рум. *zece* ([z] из [dz]).

Особенность румынского языка, в котором [t] и [d] оказываются смягченными перед гласным [e], объясняется тем, что в румынском языке гласный [e] дифтонгизовался в [ie], откуда [je], где [j] действовал как первичный [j].

Что касается смягчителя [*j], то он, как самостоятельный согласный, тоже преобразовался в романских языках, например:

лат. *jŏcus* 'игра' > ит. *giuoco* ($gi = [dʒ]$), франц. *jeu* ($j = [ʒ]$), исп. *juego* ($j = [x]$), рум. *joc* ($j =$ русск. [ж]).

Примечание. Прибавлю, что типы смягчения в шипящие и свистящие известны и в ряде других языков, например, славянских, и притом также с диалектными различиями в этом отношении. Некоторые языковеды склонны видеть в диалектном чередовании

шипящих и свистящих фонем что-то как бы изначальное и принципиальное, но только что приведенные примеры указывают на возможность позднейшего самостоятельного их возникновения и с независимым частичным параллелизмом между разными языковыми ветвями.

3. Изменение латинских групп из взрывных согласных с плавным [l] ([pl], cl [kl], [gl] и пр.). В этом случае, как и в ряде других, встречаем на почве романских языков различия рефлексов в связи с тем, находятся ли эти группы в начале слов, где они более устойчивы, или же внутри — с большей изменяемостью. Примеры:

лат. *clāvis* 'ключ' > ит. *chiave* (*ch* = [k]), франц. *clef*, исп. *llave* (*ll* = мягкому [l] = [l']), рум. *cheie* (*ch* перед [e], [i] произносится как [k]);

лат. *ocūlūs*¹ 'глаз' > ит. *occhio*, исп. *ojo*², франц. *œil*³, рум. *ochiu*;

лат. *plēnus* 'полный' > ит. *pieno*, франц. *plein*, исп. *lleno*, рум. *plin*.

При соприкосновении согласных внутри слов весьма часты явления ассимиляции, могущей по диалектам быть или частичной, или же полной, например:

лат. *octo* 'восемь' > ит. *otto*⁴, франц. *huit*, исп. *ocho*, португ. *oito*, рум. *opt* (на романском юго-западе *ct* [kt] изменилось в [jt], откуда объясняются рефлексы во французском, испанском и португальском);

¹ [ū] в послеударном положении между *c* [k] и [l] потерялось, вследствие чего получилось сочетание *cl* [kl]. Самое слово по происхождению является уменьшительным (ср. того же корня русск. 'око').

² В испанском *cl* [kl] в начале слова дало мягкое [l] (вероятно через стадию [jl]), обозначаемое в орфографии двойною буквою *ll*, внутри же слова получилось в староиспанском [dz], изображавшееся через *j*, которое затем перешло в звук [x], сохранивший, однако, в орфографии прежнее начертание *j*.

³ Группа *cl* [kl] в начале слова во французском сохранилась, но внутри слова из *cl* [kl] получились [jl'], давшие затем простое [j].

⁴ Итальянский язык характеризуется «полной» ассимиляцией, продолжая тенденцию латинского языка, в котором она происходила при следующем *c* [k], напр., *accido*, *occupo* (см. в отделе вокализма), а в итальянском — при следующем [t], [s], ср. лат. *ipse* 'сам' > ит. *esso*, *Alexander* > *Alessandro*.

лат. *septem* 'семь' > ит. *sette*, франц. *sept* (*p* не произносится), исп. *siete*, рум. *șapte*;

лат. **adripare* (от *ripa* 'берег') 'прибывать' > ит. *arrivare*, франц. *arriver*, исп. *arribar*.

Примечание. В большом числе случаев отдельные согласные романских языков произошли из нескольких латинских звуков-источников¹, напр., испанский согласный [x], обозначаемый в орфографии через *j*, отчасти *g* перед гласными переднего ряда, может восходить к [j], [lj], *cl* [kl] и др.:

[*j]: лат. *jocus* 'игра' > исп. *juego*.

V [*lj] V: *consilium* 'совет' > *consejo*.

V *cl [kl] V: *oc(ū)lus* 'глаз' > *ojo*.

[*g] V: *gens* (род. *gentis*) 'род', 'племя' > *gente*

(здесь исп. [x], переданное в орфографии по историческому принципу через *g*, получилось непосредственно из [dʒ], в который смягчилось [g] перед гласными переднего ряда).

V [*ss] V: *passer* 'воробей' > *pájaro* 'птица'.

¹ Именно в этом направлении, т. е. с указанием источников отдельных согласных, представлен обзор консонантизма романских языков в труде Н. В. Крушевского «Важнейшие данные фонетики романских языков».

ИЗ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Наиболее существенные видоизменения в народном латинском языке при преобразовании его в языки романские произошли в категориях имени существительного и глагола, характеризуюсь в области той и другой части речи переходом от так называемого синтетического типа к аналитическому. Этот переход состоит в том, что концевая флексия имени и глагола стирается, хотя не везде в одинаковой степени и одинаковым образом, уступая место в именах однообразному виду имени, с артиклем или без него, в соединении с предшествующим предлогом (передняя или предлоговая флексия), а в глаголах — соединению однообразной формы основного или материального глагола с определенным спрягающимся так называемым вспомогательным глаголом. Роль последнего аналогична роли предлогов в именах.

Имя существительное

Постоянная безударность окончаний в латинском языке понижала их выразительность и различимость, тем более что некоторые падежи совпадали по окончанию (например, в первом склонении родительный и дательный единственного и именительный множественного числа и во всех склонениях дательный и аблатив множественного числа); кроме того, падежные формы, имея собственное значение, вступали также в сочетания с разными предлогами соответственно согласованности смысла предлога и значения падежной формы. Таким образом, уже в латинском флексия концевая сочеталась еще определенным образом с флексией пре-

позиционной для передачи устанавливаемых мыслью более точных соотношений предметов с действием и между самими предметами. Стирание концевой флексии увеличивало значение предложной, и в конечном результате получилась полная потеря концевой флексии в пользу единой и, следовательно, более простой и более удобной (в особенности для двуязычия в покоренных областях) префиксальной, при однообразном виде имени. Некоторые предлоги при этом понизились в своей знаменательности, чтобы заменить случаи прежнего самостоятельного беспредложного употребления падежных форм, особенно для выражения падежей косвенного дополнения — родительного и дательного (ср. во французском предложные частицы *de* и *à*). Таким образом, центр тяжести мысли перенесся исключительно на предложные средства при неизменяемом виде имени. Развитие этого процесса наблюдается и в других языках и притом не только в индоевропейских. Начало перехода к предложной именной флексии намечалось уже в народном латинском языке. Уже в народной латыни встречаем:

caballus de Petro	‘лошадь Петра’ (вместо equus Petri)
dono panem ad Petrum	‘даю хлеб Петру’ (вместо do panem Petro).

В романских языках по этому типу и выработалось очень упрощенное склонение с различием вида существительного лишь для единственного и множественного числа при неизменяемости его по падежам, которые стали выражаться путем соответствующих препозиционных частиц.

Так как романские языки развивались на почве разговорной латинской речи, обычно при двуязычии, то вполне естественным было появление при именах частиц указания или определенного артикля¹; ведь даже и в современной речи, при одноязычии, на любом языке нередко название предмета сопровождается жестовым указанием на предмет. В основу определенного артикля легло латинское указательное местоимение *ille* ‘он’, ‘тот’, при-

¹ «Неопределенный» артикль получился через понижение значения из числительного «один» (ср. франц. *un* м. р., *une* ж. р.).

чем в роли артикля оно являлось безударным в отличие от применения его в роли лично-указательного местоимения 3-го лица; отсюда оно распалось на две формы — местоимения и определенного артикля, ср. французское местоимение м. р. *il* 'он' при глаголе 3-го лица ед. ч., отражающее начальный ударный слог латинского местоимения, и соответствующий определенный артикль при существительном м. р. *le*, отражающий конечный слог того же местоимения, как непосредственно примыкавший к существительному. Уже в латинском языке указательное местоимение могло нисходить на степень артикля, ср. у Цицерона: *annus ille quo* '(тот) год, в котором', и такое употребление на почве романских языков становилось чаще и дало начало определенному артиклю.

Итак, если в латинском языке (как и в русском) склонение существительных выражалось падежными окончаниями, бывшими не одинаковыми в единственном и множественном числе, так что окончания эти служили одновременно для указания на падежное значение и на число единственное или множественное, то в романских языках, напротив, сложилось специальное различие для чисел единственного и множественного (при одинаковости предложных средств, заменивших старые окончания). Приведем примеры для иллюстрации получившихся соотношений между ед. и мн. числом в романских языках в соотношении с латинским. Из пяти латинских склонений наибольшую важность для истории романских языков имеют первые три: 1-е склонение с окончанием *-a* ж. р., напр. *capra* 'коза', 2-е — с окончанием *-us* м. р., напр. *caballus* 'лошадь', и 3-е или преимущественно согласное, напр. *mons* 'гора'. При этом в ед. числе в романских языках в основу легла латинская форма вин. падежа ед. числа (*capram, caballum, montem*) с рано исчезнувшим конечным [m], так что получились неодинаковости лишь по концевому гласному (впоследствии в некоторых романских языках исчезающему); для образования же мн. числа во французском и испанском послужила латинская форма вин. пад. мн. ч. с конечным согласным [s], а в итальянском и румынском форма им. падежа мн. числа с конечным гласным, так что по отношению к образованию мн. числа между романскими языками получилось диалектное различие, сближающее,

с одной стороны, языки французский и испанский, а с другой, — итальянский и румынский.

	Франц.	Исп.	Ит.	Рум.
<i>Единственное число</i>				
I	chèvre	cabra	capra	capră
II	cheval	caballo	cavallo	cai
III	mont	monte	monte	munte
<i>Множественное число</i>				
I	chèvres	cabras	capre	capre
II	chevaux	caballos	cavalli	cai
III	monts	montes	monti	munți

Что касается склонения, то в современных романских языках оно отсутствует. Падежные отношения передаются при помощи различных предлогов; некоторые из них сливаются с опред. артиклем м. рода и с опред. артиклем мн. числа, образуя в различных языках различные формы слитного артикля. Например, франц. *du père*, ит. *del padre*, исп. *del padre* соответствует родит. падежу — ‘отца’, а франц. *au père*, ит. *al padre*, исп. *al padre* — дат. падежу ‘отцу’. То же во мн. числе: франц. *des pères*, ит. *dei padri*, исп. *de los padres* — ‘отцов’, а франц. *aux pères*, ит. *ai padri*, исп. *a los padres* — ‘отцам’¹.

В румынском определенный артикль стоит не перед существительным, а после него, в чем усматривается влияние болгарского языка. При этом отношения, выражающиеся в синтетических языках формами родит. и дат. падежей, выражаются при помощи одной и той же определенной формы, образующейся в м. роде через замену *-l* или *-le* (им.,

¹ В испанском языке предлог с определенным артиклем мн. числа не сливается.

вин.)¹ через *lui*, в ж. роде через замену *-a* (им., вин.) на *i*; во мн. числе в обоих родах признаком служит *-lor*, например:

	<i>Ед. число</i>	<i>Мн. число</i>
Муж. Им., Вин.	<i>ochiul 'глаз'</i>	<i>ochii</i>
Род., Дат.	<i>ochiului</i>	<i>ochilor</i>
Жен. Им., Вин.	<i>fată 'девушка'</i>	<i>fetele</i>
Род., Дат.	<i>fetei</i>	<i>fetelor</i>

Глагол

Если существительные служат первично для названия предметов, представляющих некоторое постоянство признаков, то глаголы служат для обозначения производимых и совершающихся действий, разнообразящихся даже по отношению к одному и тому же предмету, и не только в данное время, но и в прошлом и предстоящем будущем, символизируя, таким образом, в слове все разнообразие деятельности. Глагол, в связи с выражаемой им активностью, значительно богаче категориями сравнительно с именем, обозначая лицо и число, время, наклонение, залог, вид.

В романских языках, как вообще в современных индоевропейских языках, различаются в глаголе образования простые (синтетические), перешедшие по традиции от прошлого, и сложные (аналитические) уже нового происхождения; например, во французском: *je chantai* 'я пел' (прошедшее простое или историческое) отражает собою лат. *cantavi* (perf.), а *j'ai chanté* (прошедшее результативное) — новое образование. Ограничиваясь действительным залогом и одним изъявительным наклонением, мы имеем в виде традиционных простых образований — настоящее время (*praesens*) и прошедшее историческое совершенного вида (*perfectum*) и несовершенного (*imperfectum*), и рядом сложные образования — прошедшее результативное (т. е. такое, результат которого налицо сейчас, в момент разговора) и будущее. Для иллюстрации мы возьмем лат. глагол *cantare* и приведем сначала соответствующие романские формы времени и некоторые иные, которые по традиции перешли из латинского в романские языки, а затем остано-

¹ Первая разновидность отражает начальный слог лат. местоимения *ille*, а вторая, ставящаяся после *e* (напр. *soare* 'солнце' — *soarele*), — конечный слог того же местоимения.

вися на чисто романских сложных или аналитических образованиях (см. таблицу на стр. 85).

К сложным глагольным образованиям относятся прошедшее результата (или собственно перфект) и будущее. Необходимость нового образования для прошедшего результата вызывалась тем обстоятельством, что в латинском перфекте смешались прошедшее историческое и результативное, весьма несходные между собою по значению, и потому требовалось для них иметь отдельные обозначения; для прошедшего исторического осталась прежняя форма, а прошедшее результата стало выражаться сочетанием двух глаголов — настоящего времени глагола *habere* 'иметь' и причастия прошедшего времени страд. залога от данного глагола; например, стали говорить *habeo librum donatum* ('имею книгу данную'), где прошедшее причастие *donatum* от главного глагола указывает на совершившийся акт (книга дана), а вспомогательный глагол *habeo* 'имею', взятый в форме настоящего времени, указывает на продолжение факта в настоящее время, причем, в соответствии с простыми формами того же глагола, понимается, что я не только имею книгу данную, но что она именно мною и дана, и, таким образом, синтаксическое сочетание вступает в систему спряжения, и оба члена сочетания уже не отделяются один от другого дополнением, ср. франц. *j'ai donné le livre*, где дополнение стоит за глагольным сочетанием (*j'ai donné*), которое уже не мыслится по своим составным частям, а как цельное (один из видов «опрощения»)¹; для прошедшего исторического применяется традиционная форма перфекта — *je donnai le livre*. Ср. еще передачу фразы 'я купил лошадь' на современных романских языках.

франц.	<i>j'ai acheté un cheval</i>
исп.	<i>he comprado un caballo</i> ²
ит.	<i>ho comprato un cavallo</i>
рум.	<i>am cumpărat un cal.</i>

¹ Ср. аналогичное выражение в немецком *ich habe das Buch gegeben* (с отделением, однако, причастной формы от вспомогательного глагола).

² В испанском вместо вспомогательного глагола *he* 'имею' применяется также глагол *tengo* ('имею', 'держу'), соответствующий латинскому *teneo*: *tengo comprado un caballo*.

	Латинский	Итальян-ский	Испанский	Француз-ский	Румынский
P R A E S E N S					
Ед. 1	canto	canto	canto	chante	cânt
2	cantas	canti	cantas	chantes	cânți
3	cantat	canta	canta	chante	cântă
Мн. 1	cantamus	cantiamo	cantamos	chantons	cântăm
2	cantatis	cantate	cantáis	chantez	cântați
3	cantant	cantano	cantan	chantent	cântă
I M P E R F E C T U M					
Ед. 1	cantabam	cantavo	cantaba	chantais	cântam
2	cantabas	cantavi	cantabas	chantais	cântai
3	cantabat	cantava	cantaba	chantait	cânta
Мн. 1	cantabamus	cantavamo	cantábamos	chantions	cântam
2	cantabatis	cantavate	cantabais	chantiez	cântați
3	cantabant	cantavano	cantaban	chantaient	cântau
P E R F E C T U M					
Ед. 1	cantavi	cantai	canté	chantai	cântai
2	cantavisti	cantasti	cantaste	chantas	cântași
3	cantavit	cantò	cantó	chanta	cântă
Мн. 1	cantavimus	cantammo	cantamos	chantâmes	cântarăm
2	cantavistis	cantaste	cantasteis	chantâtes	cântarăți
3	cantaverunt	cantarono	cantaron	chantèrent	cântară
I M P E R A T I V U S					
Ед. 2	cânta	canta	canta	chante	cântă
Мн. 2	cantate	cantate	cantad	chantez	cântați
I N F I N I T I V U S					
	cantare	cantare	cantar	chanter	a cânta(re)
G E R U N D I U M					
	cantando	cantando	cantando	chantant	cântând
P A R T I C I P I U M P E R F E C T I ¹					
	cantatum	cantato	cantado	chanté	cântat

¹ В лат. было также причастие наст. времени — cantantem (вин. пад.), но в романских языках оно перешло в категорию глагольного прилагательного (ит., исп. cantante, франц. chantant), причем во французском нередко удерживается и причастное значение, а для деепричастия та же форма обычно получает перед собою частицу en.

Точно так же при глаголах с средним значением применяется для прошедшего результата в качестве вспомогательного глагола *sum* 'есмь', напр., франц. *je suis venu* 'я пришел', ит. *sono venuto* (в латинском было бы *sum ventus*), но испанский и румынский языки и здесь применяют *habere*: исп. *he venido*, рум. *am venit*.

Тот же глагол *sum* 'есмь' в сочетании с причастием прош. вр. страд. от глагола действительного залога был применен для образования страд. залога, ср. передачу выражения 'его несут' в романских языках:

франц.	<i>il est porté</i>
исп.	<i>es llevado</i>
ит.	<i>è portato.</i>

Будущее время в народном латинском рано теряется, заменяясь настоящим временем, а затем синтаксической группой, именно: берется глагол *habeo*, но сочетается он не с причастием, а с неопределенной формой данного глагола, ср. франц. *donner + ai* 'я дам', *chanterai* 'буду петь' и т. п., где *-ai* отражает собою глагол *habeo*. Задатки или намеки на такие синтаксические глагольные сочетания встречаем уже у Цицерона в виде сочетания неопр. формы главного глагола с глаголами *habeo* 'имею' или *volo* 'хочу'. Первоначально в романских языках обе части таких сочетаний могли меняться местами, напр., в провансальском *vos dirai* и *dir vos ai* ('скажу вам'), но затем вспомогательный глагол, изменяющийся по лицам, стал занимать постоянно второе место в сочетании, а это повело к объединению сочетания в одно спрягающееся слово *donnerai* (1-е л. ед. ч.), *donneras* (2-е л. ед. ч.) и пр., и в языке уже не чувствуется присутствия в этих формах вспомогательного глагола, они воспринимаются уже как простые, т. е. произошел процесс «опрощения». Этот тип образования будущего времени с глаголом *habeo* проходит почти по всем романским языкам:

франц.	<i>-ai:</i>	<i>chanter-ai</i>
исп.	<i>-(h)e:</i>	<i>cantar-é</i>
ит.	<i>-(h)o:</i>	<i>canter-ò.</i>

В румынском для образования буд. времени применен глагол *voiu* 'хочу' (лат. *volo*): *voiu cantare* без слияния в одно слово.

Примечание. Рассмотренная нами замена в глаголах простых (морфологических) форм синтаксическими сочетаниями, или — как иногда выражаются — перифрастическими формами, представляет собою лишь частный случай общего явления в эволюции языков — разложение мыслью явления на более простые составные элементы; именно таково и происхождение в романских языках образований прошедшего результативного и будущего времени: глагольное значение стало разлагаться на элементы — общий и специальный, причем общий момент выражается вспомогательным глаголом, изменяющимся (спрягающимся) по лицам, а специальный — однообразной формой причастия или инфинитива; тем самым флексийный центр переходит на вспомогательный глагол, а специальный глагол служит для указания самого действия (род морфолого-синтаксического переразложения).

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЗОР ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Германские языки распадаются на три ветви: 1) восточную или готскую, уже вымершую и известную по переводу библии с греческого на готский, исполненному по преданию в IV веке готским епископом Ульфилою, 2) западную и 3) северную или скандинавскую. К предмету нашего рассмотрения относятся две последние ветви, т. е. западная и северная, как представленные живыми языками.

Западная ветвь подразделяется на языки: английский, немецкий, голландский и фризский.

Английский язык произошел вследствие переселения в V веке н. эры с побережья континента на британские острова англо- и саксов, давших начало предку английского языка — англо-саксонскому языку, испытавшему затем, с завоеванием Англии в XI веке норманнами, сильное французское влияние, которое сказалось в быстром переждении англо-саксонского языка в направлении к аналитическому строю и в обильном заимствовании французских слов; с XIV века начинается выработка и установление литературного английского языка.

К северной ветви относятся языки: шведский, норвежский (и исландский) и датский в их литературном употреблении и народных говорах. На этих языках известны, кроме того, старые надписи, писанные особым германским алфавитом, сформированным по греко-римскому образцу, так называемым руническим. Древнейшие из рунических надписей (рун) могут восходить к III веку н. эры, а с XI века идут уже манускрипты, из которых особо важные для истории языка принадлежат Исландии (ст.-исл. с XII—XIV в.), рано колонизованной норвежцами.

В настоящее время мы имеем следующие германские языки:

1. **Английский**, являющийся государственным языком Англии и многочисленных ее колоний и доминионов, а также США. Английский язык известен по памятникам с VIII века (так называемый англо-саксонский или древнеанглийский язык). С XI века, благодаря норманскому завоеванию, он подвергся сильнейшему воздействию французского языка, который до середины XIV века был официальным языком государства и правящей феодальной знати, образовавшейся из французских завоевателей. К концу средних веков стал создаваться собственный литературный язык — английский — на основе лондонского диалекта.

2. **Голландский** или **нидерландский** язык — язык государства Нидерландов, а также фламандской части Бельгии. Голландский язык известен по памятникам с XII века. Важнейшие его диалекты: голландский, брабантский и лимбургский, а также бурское наречие в Южно-Африканском союзе.

3. **Немецкий** язык является государственным и литературным языком Германии, Австрии и нем. Швейцарии. Из многочисленных диалектальных разновидностей немецкого языка важнейшими являются: 1) собственно верхненемецкие (*oberdeutsch*) диалекты: баварский, алеманский, швабский; 2) франкский с разновидностями: восточнофранкским, средне-франкским и рейнско-франкским; 3) нижненемецкий язык (*niederdeutsch* или *plattdeutsch*) с несколькими диалектами, который в северной Германии является разговорным языком широких масс населения.

Литературный немецкий язык создан на основе собственно верхненемецкого языка, являющегося разговорным языком в средней и южной гористых частях Германии.

Памятники верхненемецкого языка известны с VIII века, а нижненемецкого языка — с IX века.

4. **Фризский** язык является языком части населения в голландской провинции Фрисландии, на Фризландских островах: Схирмониког и Терсхеллинг, на северо-немецких островах, в части Шлезвига и в отдельных

селениях северо-западной Германии. Фризский язык известен по памятникам с XIII века, и в нем различаются три диалекта: 1) восточно-фризский (на острове Вангерог и в нескольких селениях около Ольденбурга), 2) северно-фризский (Шлезвиг, острова Амрум, Фер, Силт и Хельголанд) и 3) западно-фризский (Нидерланды и Фрисландские острова). Последний с XIX века был использован для литературных целей.

5. Шведский язык распространен в пределах Швеции. Его памятники начинаются с рунических надписей VIII—IX веков. Важнейшие диалекты: норландский (на севере), свейский и гётский (в центре), южно-шведский и гутнический (на острове Готланде).

6. Датский язык в Дании известен также с IX века (рунические надписи). Важнейшие диалекты: восточно-датский (шонский), съелландский и западно-датские (ютские).

7. Норвежский язык — в Норвегии; первые памятники — рунические надписи и рукописи XII века, писанные латинским алфавитом. Важнейшие диалекты: восточно-норвежский и западно-норвежский с дальнейшими подразделениями. Вследствие многовековой политической зависимости Норвегии от Дании, литературным языком в Норвегии явился датский (так называемый *riksmaal*), хотя с середины прошлого века началось уже движение за замену его собственно норвежским (так называемым *landsmaal*). Впрочем, датский язык в качестве литературного языка подвергся в Норвегии известному воздействию собственно норвежского языка, что сказалось на словаре, синтаксисе и фонетике.

Близок к норвежскому и язык населения Ферейских островов, где население говорит на особом диалекте западно-скандинавского типа.

8. Исландский язык в Исландии известен по памятникам с конца XII века. Он развился из языка норвежских викингов, колонизовавших остров, и на нем сохранилась богатая средневековая литература эпического и лирического характера (песни Эдды, поэзия скальдов), а также повествовательная и историческая поэзия (саги).

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТЕКСТ С КОММЕНТАРИЕМ

Звуковая система

Ударные гласные. В английском, подобно другим германским языкам, в ударном слоге гласные могут быть долгими или же краткими. Между теми и другими существует разница по качеству звука: долгие [e], [o], являясь более узкими сравнительно с краткими [e] и [o], вместе с тем неоднородны на своем протяжении, а именно: начинаясь как узкие [e] и [o], они к концу становятся еще уже, другими словами — имеют дифтонгообразное суживающееся произношение, тогда как краткие [e] и [o] не меняются в своем качестве и являются в двух разновидностях — средней ([e], [o]) и широкой ([ɛ], [ɔ]). Дифтонгообразное суживающееся произношение в английском имеют и долгие узкие гласные [i] и [u], вследствие чего они в научно-фонетической транскрипции передаются иногда начертаниями [ij] и [uw]. Согласные перед гласными переднего ряда в английском языке в общем имеют несмягченное произношение. Приведем примеры ударных гласных:

Долгие гласные		
ā	[fa:ðə(r)]	(father) 'отец'
ē	[heit]	(hate) 'ненависть'
ō	[houp]	(hope) 'надежда'
ī	[fi:l]	(feel) 'чувствовать'
u	[pu:l]	(pool) 'лужа'

Краткие гласные

ă	[ɹɒ]	(run)	‘бежать’
ê	[bæd]	(bad)	‘дурной’
	[bed]	(bed)	‘постель’
ô	[hɒt]	(hot)	‘горячий’
	[boi]	(boy)	‘мальчик’
ÿ	[bit]	(bit)	‘кусочек’
ÿ̇	[buk]	(book)	‘книга’

К особенностям долгих гласных — средних и узких — относится влияние на них [ɹ], состоящее в развитии во второй части гласного особого нюанса, акустически напоминающего слабо лабиализованное [ö], обозначаемого *Sweet* через [ə]; само [ɹ] при этом, если непосредственно за ним не следует гласный звук, в образцовом литературном произношении вокализуется и сливается с [ə]: [ē] — [tʃɛə(r)] (*chair*) ‘стул’, [ī] — [fiə(r)] (*fear*) ‘страх’, [ō] — [mɔə(r)] (*more*)¹ ‘больше’, [ū] — [puə(r)] (*poor*) ‘бедный’; (с последующим гласным) [ē̇] — [mɛəri] (*Mary*) ‘Мария’, [ðɛəɹɪz] (*there is*) ‘(там) есть’, и т. д. Со старыми краткими гласными [e], [ɪ], [u] замыкающее слог [ɹ], вокализуясь, сливается в один долгий звук [ə:] [sə:tɪn] (*certain*) ‘некоторый’, [ʃə:t] (*shirt*) ‘рубашка’, [ə:n] (*urn*) ‘урна’.

Удлиняющее влияние [ɹ] на предшествующий гласный можно сопоставить с таким же влиянием во французском языке и видеть здесь воздействие французского языка на английский, в дальнейшем развивший раздвоение долгого гласного.

Безударные гласные. В английском языке, как вообще в германских языках, ударение обычно падает на начальный слог, но при известных безударных префиксах оно приходится не в начале слова. Главные безударные положения:

¹ В современных словарях транскрибируется [mɔ:]. (*Прим. ред.*)

1. Нахождение безударного гласного в конечном открытом слоге, в котором проявляется относительное разнообразие гласных оттенков, напр., ['vælju] (value) 'ценность', 'стоимость', ['felou] ('fellow) 'товарищ'; конечное [i] слышится с нюансом [э] (i^ə), напр., [prɪtɪ^ə] (pretty) 'красивый', т. е. в соответствии с ударным гласным.

2. Нахождение безударного гласного в конечном закрытом слоге; это положение характеризуется преобладанием гласного [ə] на месте разных орфографических начертаний, ср. ['klɛ:dʒmən] (clergyman) 'священник', [neɪʃən] (nation) 'нация', ['neɪtʃə(r)] (nature) 'природа'. Гласный [ə] может исчезать, причем при подходящих условиях возникают слогообразующие согласные, напр., [sə:tɪŋ] (certain) 'некоторый'.

3. Положение гласного после ударения внутри слова — слабое, где индифферентный гласный может ослабляться до исчезновения, напр. ['greɪtfl] (grateful) 'благодарный'. Это положение встречается еще в романо-латинских словах, в которых английский язык передвинул ударение на начало слова, по германскому типу, напр., ['meməri] (memory) 'память', ср. франц. *mémoire*, лат. *memória*.

4. Положение перед ударением с малым ослаблением, напр. [rɪ'tɜ:n] (return) 'возвращаться', [bɪ'li:v] (believe) 'верить'.

Согласные. 1. В отношении работы г о р т а н и: существование звонких согласных в конце слов, напр., [bæd] (орф. bad) 'дурной'.

2. По отношению к работам органов произношения отметим:

а) Кроме губно-зубного согласного [v] имеется губно-губной (билабиальный) [w].

б) Имеется межзубный звонкий фрикативный [ð] и глухой [θ], обозначаемые в орфографии одинаково через *th*, напр., [ðə] (the) — определенный артикль, [θɪŋk] (think) 'думать'.

в) Согласный [r] в конце слога и слова слышится слабым и перед следующим согласным легко улетучивается, вызывая удлинение предшествующего гласного, напр. [э:θ] (earth) 'земля';

г) Согласный [l], кроме обычного среднего произношения, имеет еще и твердое; напр., в слове [litl] (little) начальное [l] является средним, а конечное — твердым.

д) Согласные (кроме [l]) перед гласными переднего ряда не имеют мягкости.

е) В английском языке, кроме переднеязычного [n], имеется, как и в немецком, еще и заднеязычное [ŋ], напр. [θiŋk] (think) 'думать'.

Следующая таблица иллюстрирует состав английского консонантизма:

По месту образования	Губные	p b	f v	m
	Межзубные	θ ð		
	Переднеязычные	t d	s z ʃ ʒ tʃ dʒ	l r n
	Среднеязычные		j	
	Заднеязычные	k g		ŋ
	Гортанные	h		

Текст

The sun says: «My name is sun; I am
[ðə slʌn sez maɪ neɪm ɪz slʌn aɪ m
Солнце говорит: «Мое имя (есть) солнце; я (есмы)
very bright; I rise in the east, and when
veri braɪt aɪ raɪz ɪn ðɪ iːst ən wen
очень ярко; я всхожу на востоке, и когда
I rise, it's day; I look in at your window
aɪ raɪz ɪt s deɪ aɪ luk ɪn ət jə wɪndəʊ
я всхожу, бывает день; я заглядываю в ваше окно
with my bright golden eye and tell you,
wɪð maɪ braɪt ɡoʊldn aɪ ən tel ju
моим блестящим золотым глазом и говорю вам,
when it's time to get up, and I say:
wen ɪt s taɪm tə get ʌp ænd aɪ seɪ
когда время вставать, и я говорю:
sluggard, get up; I don't shine for you
slʌɡəd get ʌp aɪ dɒnt ʃaɪn fə ju
ленивец, вставайте, я не свечу для вас,
to lie in bed and sleep, but I shine for you
tə laɪ ɪn bed ən sli:p bət aɪ ʃaɪn fə ju
чтобы лежать в постели и спать, но я свечу вам,
to get up and work and read and walk about».
tə get ʌp ən wɜ:k ən ri:d ən wɜ:k əbaʊt]
чтобы вставать и работать, и читать, и гулять».

Комментарий

1. the — определенный артикль при существительных, без различия рода, так как английский язык, в отличие от других германских языков, уже утратил в существительных древнее различие грамматического рода, еще державшееся в англо-саксонском. Определенный артикль получился в английском, как и в других германских языках, из первоначального указательного местоимения, через понижение знаменательности, тогда как неопределенный артикль — из числительного 'один' (подобным образом и в романских языках). Существительное *sun* 'солнце' восходит к агс. *sunne* (ж. р.) с потерей конечного безударного слога и с изменением качества корневого гласного через утрату лабиализации и некоторое расширение (гласный [ǣ] на месте старого [ū]); соответствующее слово в немецком языке *die Sonne* (< ср.-вхн. *sunne* < др.-вхн. *sunna*) удерживает конечный безударный гласный и расширило старый корневой гласный, но при сохранении лабиализации ([ū] > [ō]). Мы видим здесь, при некоторой однородности, своеобразии фонетического процесса, совершившегося, очевидно, независимо в английском и немецком. Глагол *says* 'говорит' при неопр. форме *say*; в немецком соответствует форма *sagt* 'говорит' при неопр. форме *sagen*. В звуковом отношении начальное [s] перед гласными в немецком получило звонкое произношение, но в английском сохраняется глухим. В морфологическом отношении английская форма 3-го л. ед. ч. наст. вр. отличается от немецкой по окончанию; в немецком языке окончанием является переднеязычный глухой взрывной ([t]), а в английском — соответствующий звонкий фрикативный ([z], орф. -s); редко применяемое 2-е л. ед. ч. наст. вр. по окончанию (-st) совпадает с немецким; все остальные лица, т. е. 1-е л. ед. ч. и все три лица мн. ч. в английском совпадают между собою (и еще с неопр. формой и повел. наклонением), так что 1-е л. ед. ч., 1-е и 2-е л. мн. ч. различаются по стоящим перед ними соответствующим личным местоимениям, а 3-е л. мн. ч. — личным местоимением или множественным числом существительного в роли подлежащего.

2. Притяжательное местоимение *my* 'мой' (агс. *mīn*) соответствует немецкому *mein* (др.-вхн. и ср.-вхн. *mīn*), откуда явствует, что старое [i] испытало одинаковый процесс дифтонгизации в [ai] в обоих языках, совершившийся, однако, независимо тут и там. Существительное *name* 'имя' < агс. *nama*, причем конечное неударное агс. [a] изменилось в индифферентное слабое [e], затем исчезнувшее, а предшествующее [a] сузилось в [ē], получившее далее дифтонгообразный характер ([ei]). Таким образом, на данном примере мы наблюдаем следующие характерные особенности английского языка сравнительно с немецким:

а) ослабление и потеря конечного безударного гласного, сохраняющегося в немецком;

б) изменение корневого [a] в дифтонгообразное [ē] ([ei]), чего нет в немецком (английская орфография удерживает знак непроизносимого конечного *e*, ставший показателем или определителем долгого произношения предшествующего гласного (орф. *a*), или же произношения [ai] вместо орф. *i*)¹. Форма *is* 'есть' (3-е л. ед. ч. наст. вр.) соответствует немецкой *ist*, удержавшей на конце [t].

3. I (произн. [ai]) 'я', *am* (произн. [эм]) 'есмы'; так как это сочетание весьма частое в речи и не имеет на себе напора ударения, то легко из двусложного перешло в односложное через пропуск начального гласного в глаголе в положении после соответствующего личного местоимения [ai] (орф. *I*): [ai эм] > [aim]. В английской орфографии личное местоимение 1-го л. всегда пишется с большой буквы (I), причина чего кроется не в какой-либо привилегии 1-го лица, а исходит из знака долгого *i* (*j*) средневековых рукописей, перенесенного в печать. Самое местоимение I (агс. *ic*) 'я' соответствует немецкому *ich*, причем различие создалось через дифтонгизацию гласного [i] и утрату конечного согласного в английском, чего не произошло в немецком. Глагольная форма *am*, отвечающая

¹ Эту роль конечного *e* в английской орфографии можно видеть на многих примерах, ср. *hat* (произн. [hæt]) 'шляпа' || *hate* (произн. [heit]) 'ненависть'; *bat* (= [bæt]) 'летучая мышь' || *bate* (= [beit]) 'ярость'; *bit* (произн. так же) 'кусочек' || *bite* (произн. [bart]) 'кусать', *fin* (произн. так же) 'плавник' (у рыбы) || *fine* (= [fain]) 'красивый', и т. п.

по составу нашему 'есмь', в немецком представлена формой *bin* — от другого глагольного корня, см. комментарий к немецкому тексту, пункт 3.

4. *very*, как прилагательное 'истинный', 'настоящий' и как наречие 'очень', 'весьма', перешло в английский язык из старофранцузского *verai* (соврем. *vrai*) 'истинный', 'настоящий', с перемещением ударения с конечного слога на начальный слог, т. е. соответственно германскому типу ударения. Прилагательное *bright* 'блестящий' сопоставляется с др.-герм. *-bert* в собственных именах, напр., *Dagobert* и т. п.

5. *I rise* 'я встаю', 'поднимаюсь' при неопр. форме *rise*, восходящей к агс. *riſan*, подобно немецкому *reisen* 'путешествовать' при ср.-вхн. *riſen* < др.-вхн. *riſan* со значением 'подниматься' (дифтонгизация [i] > [ai] независимо в английском и немецком языках).

6. *in the east* — предлог *in* 'в' употребляется одинаково в английском и немецком в ответах на вопросы 'куда?' и 'где?', и вообще является общегерманским достоянием (в северной ветви с потерей конечного носового). Существительное *east* 'восток' — также и в агс.; здесь видим, что старое (агс.) расширяющееся дифтонгообразное произношение [ē] в виде [éa] в дальнейшем испытало палатальное сужение и преобразовалось в английское долгое [i:] ([i:]) с его суживающимся дифтонгообразным характером, передаваемым в фонетической транскрипции у *Swee t* через [ij]; перед нами характерная черта звуковой истории английского языка — изменение в переднепалатальном направлении [ē] > [ī (ij)], при традиционном удержании в орфографии прежнего графического обозначения, играющем столь видную роль в английской орфографии; с произношением [e] наше слово перешло во французский язык (*est* — 'восток').

7. *and when I rise* — союз *and* (произн. [ænd]) 'и' в слабом положении в фразе редуцируется в [ən] с недоговариванием конечного [d] перед начальным согласным следующего слова; находится в соответствии с нем. *und*. Наречие времени *when* 'когда' соответствует немецкому *wenn*.

8. it's = it is 'это есть' (безличное выражение) с редукцией гласного в глагольной форме, т. е. подобно случаю I'm (см. пункт 3). Слово day 'день' началом палатальности гласного восходит к агс. dæg (начертание æ перед заднеяз. [g])¹, откуда развилось современное произношение [dei] с дифтонгообразно суживающимся [ē]; в немецком соответствует Tag, тогда как во всех остальных ветвях (готской, нижненемецкой, английской и северных) слово начинается с [d], откуда следует, что вхн. [t] на месте начального [d] представляет позднейшее, специально верхненемецкое изменение в области переднеязычных согласных.

9. I look (нем. ich luge) 'я заглядываю' с постпозиционно присоединенным к этому глаголу префиксом in 'в' на вопрос 'куда?', с ответом — at your window. Предлог безударный at (произн. [æt]) 'в' с редукцией гласного ([æt]) в слабом положении; притяжательное местоимение 2-го л. мн. ч. your (нем. euer) здесь поставлено вместо 2-го л. ед. ч. соответственно установившемуся в английской речи обычаю (2-е л. ед. ч. еще удерживается пережиточно в церковном языке и поэзии). Существительное window 'окно' — самобытное германское, известное в древнескандинавском в виде vindauga (собственно 'глаз ветра': сложение из vind 'ветер' и auga 'глаз'), откуда и перешло в ср.-англ. windōwe², между тем как на континенте распространилось заимствованное из латинского слово Fenster. Привхождение идеи глаза в название окна видим и в русском: око || окно.

10. with — предлог 'с (чем-либо)' служит также для передачи отношения, соответствующего русскому «творительному орудия», передаваемого с помощью предлога и в немецком (mit), а также и в романских языках (ит. con, франц. avec); предлог with (агс. wið и wiðer) находится в родстве с нем. wider 'против', 'около'. Прилагательное golden 'золотой' представляет образование к существи-

¹ Это [g] в том же слове в других падежах могло находиться перед гласным переднего ряда, вызывавшим его палатализацию, откуда далее произошло изменение [g] > [j].

² В агс. было аналогичное название — egrýrel 'дыра для глаза'.

тельному gold (произн. [gould]) 'золото'; то же в немецком — Gold 'золото' и golden 'золотой'. В прилагательном — и английском, и немецком — неударное [e] перед [n] редуцируется с переходом [n] в слоговом отношении к дифтонгу следующего слова — eye (произн. [ai]), агс. ēage и ēge, родственное нем. Auge (ср.-вхн. ouge, др.-вхн. ouga).

11. I tell 'говорю', 'рассказываю'; в этом же виде (tell) являются все три лица мн. ч. (см. выше пункт 1). Личное местоимение I здесь подразумевается, будучи выражено при предшествующем глаголе того же слитного предложения. Глаголу tell соответствует нем. zählen 'считать' (предложный глагол er-zählen 'рассказывать'), причем звуковое соотношение начальных англ. [t] и нем. [z] является обычным. Слово you 'вы' служит в качестве падежа субъекта и, как здесь, также и объекта. Относительно it's см. пункт 8. Существительное time 'время (года)' (агс. tīma) по корню (ti-) соответствует нем. Zeit (ср. и др.-вхн. zīt), с различием по суффиксальному распространению одного и того же корня при нормальном соответствии по начальному согласному (англ. [t] || нем. [z]); но в английском имеется еще слово tide 'время года', отвечающее нем. Zeit и по суффиксальному элементу. В выражении to get up 'вставать' имеем неопр. форму, для передачи которой глаголу предшествует предлог to (= нем. zu), а самый глагол, как сложный с отделяющимся префиксом up (= нем. auf) 'вз-', 'воз-', имеет за собою позиционно этот префикс.

12. and — конечное [d] сохраняется перед гласным следующего слова; при 2-м л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения личное местоимение не ставится.

13. I don't 'я не делаю' — сокращение из I do not [aɪ du: nɒt], где not — отрицание 'не', ставящееся, подобно немецкому отрицанию (nicht), после глагола; при этом данное выражение по своему лексическому составу вполне соответствует немецкому ich tue nicht (старинное начертание thue отмечало некоторую придыхательность всякого начального [t] в немецком, хотя на письме начертание *th* установилось за определенными словами). Немецким словам с начальным [t] в английском одинаково соответствует [d], напр., tun 'делать' ≠ do, Tag 'день' ≠ day;

в др.- и ср.-вхн. [t]. I don't shine 'я не свечу', дословно 'я не делаю светить' — особенность английского языка: выражать отрицательное глагольное сказуемое с помощью глагола do 'делать': всякий глагол выражает то или другое действие; это последнее, — как это представляет рассматриваемый пример, — язык разлагает на действие или совершение некоторого действия и наименования самого действия посредством неопределенной формы, которая по происхождению представляет глагольное существительное; для языкового чутья здесь уже только глагольное отрицательное выражение — 'я не свечу'; в этом случае неопр. форма, объединенная в одно целое с предшествующим личным глаголом (I don't), не имеет при себе предлога to (см. пункт II); и в немецком в некоторых глагольных сочетаниях при неопр. форме отсутствует частица zu. Применение do при неопределенной форме большого числа глаголов, представлявших материальное глагольное значение в таких выражениях, понизило знаменательность do до роли формального элемента, называемого «вспомогательным глаголом», хотя первично он был управляющим глаголом, что и отражается в том, что отрицание помещается именно за ним, а не за неопр. формой.

14. Слово work является и существительным 'работа', и глаголом 'работать' (конвергенция); в немецком представляется различие по корневому гласному и в той, и в другой части речи: (das) Werk 'дело' || wirken 'действовать'; в английском конечное -en утратилось в глаголе подобно другим окончаниям. Глагол read 'читать' произносится [ri:d], а написание сохраняется по традиции от арг. rædan. Последний глагол (to) walk about — собственно 'ходить около (взад и вперед)', т. е. 'прогуливаться'.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК: ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТЕКСТ С КОММЕНТАРИЕМ

Звуковая система

Ударные гласные. 1. Ударение в немецком, как и в других германских языках, — корневое, т. е. приходится на корневой слог в слове; но при известных префиксах, в связи со значением глагола, ударение переходит на них, а корневой слог произносится с второстепенным ударением, напр., *übersetzen* ‘перевозить’, ‘переправлять через чтонибудь’ || *übersetzen* ‘переводить с одного языка на другой’.

2. Существует различие ударных гласных по долготе и краткости; причем долгие гласные (за исключением [a]) более узки, краткие же гласные характеризуются более широким произношением; примеры:

[za:gə] (орф. sage)	‘говорю’		[zakt] (sagt)	‘говорит’
[re:də] (Rede)	‘речь’		[bet] (Bett)	‘постель’
[zo:n] (Sohn)	‘сын’		[zɔnə] (Sonne)	‘солнце’
[li:bə] (Liebe)	‘любовь’		[bitə] (bitte)	‘прошу’
[ku:] (Kuh)	‘корова’		[kurts] (kurz)	‘короткий’

то же и в гласных смешанного образования [ö] и [ü], чуждых русскому языку, — [bø:zə] (höse) ‘злой’ || [dœrfər]

(Dörfer) 'деревни', [ˈky:sə] (küsse) 'целую' || [grytsə] (Grütze) 'каша'.

3. Имеются суживающиеся дифтонги типа [ai], [au], [oi] с неслоговыми гласными («полугласными») [i] и [u] в конце и с носящим силовое ударение широким гласным в качестве первого компонента.

4. Начальные гласные в словах имеют атакированное произношение, т. е. произносятся с предшествующим гортанным взрывом.

Безударные гласные. В немецком языке безударные гласные произносятся вообще кратко и слабо, особенно внутри слова после ударения, и при благоприятных условиях могут улечиваться, напр., [bindən] || [bindŋ] (орф. binden) 'связывать', где с исчезновением безударного гласного [ə] следующее за ним конечное [n] становится слогаобразующим. Индифферентным гласным в немецком языке является безударное [ə] (орф. e), подходящее по звуку к гласному [e] в русском слове 'спиче'.

Согласные. 1. По действию гортани немецкие звонкие взрывные согласные в начале слов не имеют той полной звонкости, какую имеют звонкие в других языках, а потому производят на слух впечатление некоторой приглушенности; это происходит, согласно экспериментальным данным Rousselot, от того, что звучание гортани в немецком захватывает в этом случае лишь самый краткий момент при окончании смычки, тогда как в других языках занимает довольно значительную концевую часть смычки. На конце слов в немецком могут стоять лишь глухие шумные согласные, напр. Bad 'купанье', где орфографическое конечное -d замещается в произношении через [t], и т. п. В немецком существует глухой гортанный спирант [h], который встречается, однако, только перед начальными гласными, напр. haben 'иметь', внутри же слова между гласными и на конце он исчез, напр. sehe 'вижу', sah 'видел'.

2. В числе носовых согласных, т. е. произносимых при опущенном мягком нёбе, кроме [m] и [n],

имеется еще заднеязычный носовой [ŋ], встречающийся перед чистыми (неносовыми) заднеязычными [k] и [g], напр. *denken* 'думать', *Finger* 'палец', причем *ng* произносится как одно простое заднеязычное [ŋ].

3. В сфере органов произношения довольно богата категория переднеязычных согласных, где имеются фрикативные глухие и звонкие свистящие [s], [z] и шипящие [ʃ], [ʒ]¹ и соответствующие аффрикаты в глухой разновидности [tʃ] и [dʒ])². Категория среднеязычных согласных: звонкий [j] и глухой [ç] после гласных переднего ряда, напр., [iç] (орф. *ich*) 'я'.

Примечание. Людвиг Берне начинает свои «Очерки Парижа» главою о французском языке и в ней так обрисовывает особенность немецкого произношения:

«Французы меня уверяли, что они узнают немца, сколько бы лет он ни прожил во Франции, только по выговору звуков [b] и [p], которые он никогда не умеет отчетливо различить. Когда немец говорит [b], то француз слышится [p]; тем затруднительнее для немца, что он не слишком-то оттеняет и собственное [b] и [p], а поэтому никак не может постигнуть, в чем заключается фокус. Я сам по этому поводу поставлен был в некоторое затруднение. Моя фамилия начинается с буквы В. Когда я в первый раз пришел к моему банкиру за деньгами, он спросил меня, как моя фамилия. Я назвал себя. Тогда он велел отыскать необычайно большого размера регистровую кредитную книгу, с алфавитным расположением имен. Конторщик стал искать, но меня не нашел в ней. Я же заметил, что он искал меня гораздо далее А, и сказал: моя фамилия пишется не с Р, а с В. Но это было попусту сказано, меня не понимали.

Принципал, пожимая плечами, сказал, что мне не открыто кредита. Увидев, что дело не шуточное и что это недоразумение может повлечь за собой серьезные последствия, я подошел ближе к пюпитру, протянул мою нечестивую руку к священной кредитной книге, перелистал ее до буквы В включительно и, ударив по ней кулаком, сказал: «Вот здесь мое место». Принципал и его конторщик бросили на меня злобные взгляды, но я оказался прав, меня нашли записанным там, где я указал³».

¹ [ʒ] встречается изредка в иностранных словах, напр. [ga:ʒə] (*Gage*) 'жалованье' — из французского языка.

² Аффриката [tʃ] (орф. *tsch*) произносится с менее тесным, чем в русском, слиянием составных элементов [t] и [ʃ], напр., *Kutsche* 'карета'.

³ «Научное обозрение», 1899, окт., стр. 12.

Нижеследующая таблица дает общее представление о составе немецких согласных:

По месту образования	Губные	p b	f v	m
	Переднеязычные	t d	s z	l n
		tʃ	ʃ ʒ	r
	Среднеязычные		ç j	
	Заднеязычные	k g	x ɣ ¹	ŋ
Гортанные	,	h		

¹ Спирант [ɣ] (орф. g) встречается в диалектах вместо ненадлежащего [g], а на конце слова соответственно сменяется уже не на взрывной [k], но на спирант [x], а в положении перед гласным переднего ряда замещается звуком [j].

Текст

Die Sonne	sagt:	«Ich	heiße	die Sonne,
[di· zonə	za:kt	'iç	haisə	di zonə
Солнце	говорит:	«Я	называюсь	солнцем,
ich bin ganz	glänzend,	ich gehe	im Osten auf,	
'iç bin gants	glentsənt	'iç geə	im 'ostən 'auf	
я (есмь) очень	сияющее,	я всхожу	на востоке,	
und wenn ich	aufgehe,	wird es	Tag, ich gucke	
'unt ven 'iç	'aufge:ə	virt es ta:k	'iç guke	
и когда я	всхожу,	становится	день, я смотрю	
in dein Fenster	mit meinem klaren,	goldenen		
in dein fenstər	mit mainəm kla:rən	goldənən		
в твое окно	моим	светлым	золотым	
Auge hinein, und	ich sage dir,	wenn es	Zeit ist	
'augə hináin 'unt	iç za:gə di:r ven	'es tsait 'ist		
глазом (внутри), и	я говорю тебе,	когда	время	
aufzustehen, und	ich säge: steh auf,	Faulpelz!		
aufstufte:n 'unt	'iç za:gə fte: 'auf	faulpelts		
вставать,	и я говорю:	вставай,	лентяй!	
ich scheine nicht,	damit du im Bette	bleibst,		
'iç fainə niçt	damit du 'im betə	blaipt		
я не свечу,	чтобы ты в постели	оставался,		
sondern ich	scheine, damit du	aufstehst		
zəndərn 'iç	fainə damit du	'aufstest		
но я	свечу,	чтобы ты	вставал	
und arbeitest,	und liest, und	herumgehst».		
'unt 'arbeitəst	'unt list 'unt	hərumge:st]		
и работал,	и читал,	и гулял».		

Комментарий

1. Die Sonne 'солнце'; die — опред. артикль ж. р., der — м. р. и das — ср. р. В отличие от романских языков, германские языки, исключая английский, сохраняют еще три рода, тогда как романские языки свели их до двух, причем слова среднего рода перешли по преимуществу в категорию мужского рода, благодаря почти полной общности их склонения. Как в романских языках, так и в немецком определенный артикль развился путем понижения знаменательности из указательного местоимения, хотя иного, чем в романских языках (в последних в основе лежит лат. ille м. р. 'тот', illa ж. р., немецкий же определенный артикль der м. р., die ж. р., das ср. р. состоит в родстве с русским указательным местоимением 'тот', 'та', 'то').

2. sagt 'говорит': sage 'говорю', sagst 'говоришь' (во 2-м и 3-м л. ед. ч. фонетический пропуск неударного [e] перед окончаниями -st и -t), неопр. форма sagen, причем гласный ударный ([a]) произносится более длительно в открытом слоге (sage, sagen) и более кратко в закрытом (sagst, sagt). Начальное орфографическое s перед гласными произносится с озвончением, т. е. как русское [з]; орфографическое gt произносится как [kt] вследствие ассимиляции [g] следующему глухому [t], но орфография удерживает начертание g по аналогии с формами, где [g] сохраняется и в произношении перед гласными, напр., sage 'говорю' и пр. Дальнейший глагол ich heiÙe 'я называюсь' отличается от предшествующего тем, что принадлежит к спряжению глаголов со сменой корневого гласного (напр., ich heiÙe 'я называюсь' — наст. вр. || ich hieÙ 'я назывался' — имперфект), тогда как предшествующий относится к глаголам, не имеющим подобного качественного чередования в своем корневом вокализме, а только количественное, по различию длительности, развившееся уже в сравнительно позднее время, качественные же различия своим началом восходят к более древнему состоянию (качественные различия имеются и в глаголе романских языков, но здесь они в значительной мере позднего формирования, так как древние качественные различия еще в латинском начали стусшевываться).

3. *ich bin* 'я есмь', *du bist* 'ты еси', *er ist* 'он есть'. Только первые два лица ед. ч. наст. вр. содержат глагольный корень *bi-*, родственный русскому *бы-* (напр. «быть», «был»), а 3-е лицо ед. ч. и все лица мн. ч. образованы от корня **es-*, от которого в русском языке образовано все спряжение данного глагола в наст. вр., корень же *бы-* в русском языке применен в прошедшем времени и неопр. форме. Эта на первый взгляд особенность немецкого языка — выделение 1-го и 2-го л. ед. ч. (т. е. лиц, разговаривающих между собою) — объясняется вопросо-ответною формою разговора, обуславливающею согласованное применение одинакового по корню глагола. *Ganz glänzend* — 'вполне сияющий', *glänzend* — причастие наст. вр. с признаком *-end*, которому имеются соответствия в романских языках, ср. ит. *lucente*, франц. *brillant*.

4. *ich gehe auf* — предлог *auf* принадлежит к тем предлогам, которые отделяются от глагола, занимая в таком случае последнее место в предложении, как здесь; но в придаточных предложениях такого отделения не бывает, напр. *ich komme zu dir ehe die Sonne aufgeht* 'я приду к тебе прежде, чем солнце взойдет' (в том и другом случае такие, могущие отделяться, предлоги принимают на себя главное ударение в глаголе); эта характерная черта немецкого глагола не встречается в романских языках. Дифтонг в предлоге *auf* возник в новом периоде верхненемецкого языка из [ū] (ср.- и вхн.-нем. *ūf*). В выражении *im Osten* 'на востоке' словечко *im* представляет продукт слияния предлога *in* 'в', 'на' с определенным артиклем м. р. в форме дат. падежа *dem*; аналогичное явление (слияние предлога с определенным артиклем) имеется и в романских языках (ср. франц. *au*, ит. *al*, *dalla*, *col*). Причина слияния (иногда с частичным пропуском звуков) и тут и там одна и та же — безударное присоединение к существительному и понизившаяся знаменательность определенного артикля, получившегося из указательного местоимения. Существительное *Osten* (также *Ost*) м. р. 'восток' принадлежит к древним названиям стран света.

5. *und wenn* 'и когда' — союз *wenn* 'когда' стоит в родстве с вопрос. местоимением *wer* 'кто?', подобно аналогич-

ному соотношению в русском языке: когда || кого (кто?)¹. Глагол *aufgehen* здесь принадлежит придаточному предложению, и в соответствии с этим предлог (*auf*) не отделен от своего глагола, которым заканчивается придаточное предложение; а так как оно предшествует главному, то в последнем глагол-сказуемое поставлен перед подлежащим. Здесь мы видим, какую большую роль играет порядок слов в немецком синтаксисе и насколько он ограничен в своей свободе, особенно сравнительно с русским; можно бы сопоставить это различие с различием в ударении слов, закрепленном по месту в немецком и сравнительно свободном в русском языке.

6. *wird es Tag* 'становится день', 'светает' — спряжение данного глагола в ед. ч. наст. вр.: *ich werde, du wirst, er wird*; первоначальное значение глагола обнаруживается из родственных языков, напр. лат. *vertere* 'поворачивать', *verti* 'поворачиваться', русск. 'вертеть', т. е. движение значения было: 'поворачиваться' > 'изменяться' > 'становиться'; таким образом, значение нашего глагола как бы противопоставляется значению постоянства бытия (*sein* 'быть' || *werden* 'становиться', 'стать'); *wird es* — безличное выражение, состоящее из глагола в 3-м л. ед. ч. (*wird*) и указательного местоимения ср. р. (*es*). В существительном *Tag* 'день' конечный согласный в орфографии передан через *g* по аналогии орфографии прочих падежей, напр. род. пад. ед. ч. *Tages*, где внутренний согласный [*g*] перед гласным сохраняется, изменяясь в [*k*] лишь в им. пад. ед. ч. в положении на конце слова (в старом языке и писалось фонетически *tac*).

7. *ich gucke... hinein* 'я смотрю внутрь'; наречие *hinein*, могущее в качестве отделяемого предлога присоединяться к глаголу, состоит из двух частиц — указательной *hin* 'туда' (|| *her* 'сюда') и предлога *ein* = *in* 'в'. Притяжательное местоимение *dein* 'твой' в старом языке (ср.-вхн. и др.-вхн.) звучало *dīn*, изменение [*i*] в дифтонг [*ei*] > [*ai*] принадлежит уже новому периоду. Существитель-

¹ Вопросительное наречие 'когда?' в немецком передается однокоренным с *wenn* словом, отличающимся от него лишь гласным, именно *wann*.

ное Fenster — слово, заимствованное из лат. fenestra 'окно'; такой путь заимствования подтверждается общностью начального [f] в обоих языках (если бы здесь не было заимствования, то немецкому начальному [f] в латинском отвечало бы [p], напр., нем. Vater¹ 'отец' < лат. pater). Самое слово заимствовано вместе с заимствуемым предметом, относящимся к культуре построения жилища, и таким образом дает указание на соответствующее культурное влияние Рима на Германию (подобным образом нем. die Mauer 'стена' через др.-вхн. mûra восходит к лат. mûrus м. р., причем изменение рода могло произойти под влиянием немецкого названия стены — нем. die Wand); то же лат. слово fenestra перешло и в романские языки.

8. mit — предлог с дат. падежом в значении 'с кем-либо', 'с чем-либо', а кроме того, такое сочетание может соответствовать нашему творит. падежу орудия, как в данном случае². Форма дат. пад. ед. ч. meinem (м. и ср. р.) 'моему', относящаяся к существительному ср. р. Auge, разлагается на основу *mein-* и окончание *-em*; род. пад. ед. ч. mein-es, но им. пад. ед. ч. представляет одну основу (*mein*). Далее следуют два прилагательных; всякое прилагательное в положении после местоимения прилагательного типа (здесь *mein-em*), а также в положении после артикля, имеет в косвенных падежах ед. числа и во всем мн. числе однообразное окончание *-en* (*klar-en, golden-en*) и только при отсутствии предшествующего артикля или местоимения прилагательное принимает такие же окончания, как местоимения прилагательного типа, но если само местоимение не имеет окончания, напр. *mein* им. пад. ед. ч. м. и ср. р., то следующее далее прилагательное принимает соответствующее прилагательное окончание этого падежа, напр. *mein gut-er Freund* 'мой добрый друг', *mein gut-es Kind* 'мое доброе дитя'.

9. klar 'светлый' — слово заимствовано в XII в. из лат. clarus; golden 'золотой' — прилагательное от существительного das Gold 'золото' (немецкое и русское

¹ Нем. орфографическое *v* произносится как [f].

² Ср. передачу русского творительного падежа также в романских языках.

слово родственны между собою); das Auge 'глаз', — конечное *e* [ə] получилось еще в ср.-вхн. из др.-вхн. [a].

10. *dir* 'тебе' (от *du* 'ты') в согласии с формой первого лица *mir* 'мне'; одинаковость формы у этих двух лиц, в отличие от 3-го лица, может объясняться их взаимною связью между собою при разговоре (ср. выше пункт 3). Существительное *Zeit* 'время' в старом языке содержало на месте дифтонга [ei] долгое [ī] (*zīt*), т. е. подобно уже имевшемуся выше примеру *dein* (пункт 7); *es ist* — обычное безличное выражение в немецком языке (в буквальном переводе 'это есть'), вполне эквивалентного которому нет в русском языке, уже не употребляющем в живой речи формы наст. вр. 'есть', 'есмь' и пр.; *aufzustehen* (неопр. форма) 'вставать': глагол *stehen* 'стоять' в соединении с префиксом *auf*, причем между ними, т. е. непосредственно перед неопр. формой, стоит словечко *zu*, показывающее на отношение неопр. формы к слову *Zeit* в качестве дополнения; префикс (*auf*) при неопр. форме от глагола не отделяется.

11. *steh auf* 'вставай' — префикс в повел. наклонении (подобно наст. времени *ich stehe auf*, а также имперфекту *ich stand auf*) отделен от простого глагола. *Faulpelz* 'лентяй' — сложение из прилагательного *faul* 'ленивый' и *Pelz* 'шуба'; отличие немецких сложений от русских в том, что в русских сложениях обычно первое слагаемое заканчивается гласным *o* или *e* (напр., скороход, пешеход), являющимся отголоском так называемого тематического гласного, утратившегося в немецком.

12. *scheinen* 'светить', 'сиять' (др.-вхн. *scīnāp*, ср.-вхн. *schīnen*) — дифтонг [ei] в корне получился из [ī] уже в новом языке (см. пункт 2). Отрицание *nicht* (стоит после глагольного сказуемого *scheine*) восходит через опрощение и сокращение к старому (ср.-вхн. и др.-вхн.) выражению *ni-wiht*, состоящему из отрицания *ni* и существительного *wiht* 'существо', 'вещь', и таким образом по первоначальному значению может быть сопоставлено с французскими отрицаниями *ne... personne*, *ne... rien* (напр., *je ne vois personne* 'я никого не вижу'; *je ne vois rien* 'я ничего не вижу').

13. Союзом *damit* 'чтобы' начинается придаточное предложение, глагол-сказуемое которого (*bleibst*), согласно требующемуся порядку слов, стоит в самом конце этого предложения. В словосочетании *im Bette* предлог *im* получился при неударности из *in + dem*, т. е. из слияния предлога (*in*) и определенного артикля в дат. пад. ср. р. *dem* (см. пункт 4). В глаголе *bleibst* 'ты остаешься' — 2-е л. ед. ч. наст. вр. — имеем пропуск послеударного [e] (вместо **bleibest*), как и в 3-м л. ед. ч. *bleibt*, в отличие от 1-го л. ед. ч. *bleibe*, где неударное *e* [ə] заканчивает слово (ср. пункт 2); в неопр. форме *bleiben* в конечном закрытом слоге происходит также редукция неударного *e* [ə], сохраняющегося, однако, в орфографии, с тою особенностью, что последующее [n] становится слогообразующим, и таким образом слово сохраняет свой тип в два слога, в отличие от ставших односложными *bleibt*, *bleibst*. Глагол *bleiben* для чутья говорящих является простым глаголом, тогда как по происхождению это глагол сложный с префиксом, как видно из старого языка: др.-вхн. *blīban* > ср.-вхн. *belīben*, откуда новое *bleiben* (с потерей предударного [i]); глагольный префикс *bi* родствен с предлогом *bei* 'у', 'при', а корневой слог *lib-* родствен с русск. *лип-* (напр., *липнуть*)¹; изменения значения: 'прилипнуть' и 'остаться в том же положении' — ассоциация временной смежности или последовательности моментов действия; пример «полного» опрощения, где префикс уже совершенно не чувствуется.

14. *du aufstehst* 'ты встаешь'; так как сложный с префиксом глагол-сказуемое принадлежит придаточному предложению, то префикс (*auf*) здесь не отделяется от глагола, который вместе с неотделенным префиксом занимает место в конце предложения. Буква *h* (*stehst*) не обозначает особого звука, а служит лишь показателем долготы предшествующего гласного. Ударение в глаголах, в которых префикс может отделяться, необходимо падает на префикс, а на глаголе остается лишь второстепенное ударение (*aúfstèhst*, *aúfzustèhen* — пункт 10, *aúfgèhe* — пункт 5), равным образом и в том случае, когда пре-

¹ Сравнительная фонетика объясняет особенность немецкого согласного [b] сравнительно с русским.

фикс отделен (напр., stèh aúf — пункт 11, ich gèhe aúf — пункт 4)¹. Глагол arbeiten ‘работать’ — производный от существительного Arbeit ‘работа’ (русское и немецкое слово от одного и того же корня).

15. liest ‘читаешь’ от lesen ‘читать’ (германские языки имеют неодинаковые слова для обозначения искусства чтения; это может свидетельствовать о том, что искусство чтения было усвоено отдельными племенами германцев независимо друг от друга). Глагол herúmgehst — сложный: наречие herum ‘вокруг’, ‘около’ и gehst (от gehen ‘ходить’), причем наречие herum, отделяющееся в главном предложении (напр., du gehst herum ‘ты прохаживаешься’), здесь — в придаточном предложении — не отделено от своего глагола (ср. выше пункты 4, 5, 10, 11, 14).

¹ Синтаксическая особенность русского перевода заключается в различии времени в глаголе: прошедшее время русского глагола зависит от присутствия *-бы* (по происхождению прош. время глагола ‘быть’) в составе союза ‘чтобы’.

ГОЛЛАНДСКИЙ ЯЗЫК: ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТЕКСТ С КОММЕНТАРИЕМ

Звуковая система

Ударные гласные. Ударение в голландском следует общему германскому типу, т. е. оно корневое в простых словах; присоединяющиеся же некоторые префиксы перетягивают на себя ударение, в словах сложных ударение падает на определяющий член, напр. *géven* (нем. *geben*) 'давать' — простое слово, *áanvang* (нем. *Anfang*) 'начало' — слово с префиксом, *stíefmoeder* (нем. *Stiefmutter*) 'мачеха' — сложное слово.

1. Как и в немецком, ударные гласные в голландском языке бывают долгие и краткие, причем в открытых слогах являются всегда долгими, а в закрытых слогах встречаются как те, так и другие; при этом краткость гласного связана с более широким его произношением, а долготы — наоборот — с более узким. Различие по временному моменту между долгими и краткими гласными в голландском меньше, чем в немецком (голландские долгие гласные не доходят до длительности немецких, только перед [r] достигая полной долготы), но различие тех же гласных по оттенкам широкому и узкому выступает заметнее. В прилагаемой таблице голландских ударных гласных я привожу иллюстрирующие голландские слова в орфографической передаче, чтобы ознакомить наглядно читателя с соотношением голландской графики гласных с их произношением, к чему присоединяю в скобках еще соответствующие немецкие слова; замечу, что начертания *eu* (= [ö]) и *u* (= [ü]) в таком звуковом значении обязаны в голландском влиянию французской графики, а начертание *ie* (= [ī]),

соответствующее немецкому обозначению, послужило в голландском аналогией к начертанию *oe* для передачи гласного [ū] (через присоединение к букве *o*, обозначающей гласный [u], дополнительного начертания *e*).

Звуки	Долгие гласные			Звуки	Краткие гласные		
	Голл.	Нем.	Перевод		Голл.	Нем.	Перевод
[a:]	vader jaar	Vater Jahr	‘отец’ ‘год’	[a]	kat	Katze	‘кошка’
[e:]	geven been	geben Bein	‘давать’ ‘нога’	[ɛ]	geld	Geld	‘деньги’
[i:]	liegen hier	lügen hier	‘лгать’ ‘здесь’	[i—i ^ə]	ik	ich	‘я’
[o:]	logen hooren	Lüge hören	‘ложь’ ‘слышать’	[ɔ]	kost	Kost	‘пища’
[u:]	roos koe koek	Rose Kuh Kuchen	‘роза’ ‘корова’ ‘пирожное’	[u ^o]	zon	Sonne	‘солнце’
[ø:]	keuken neus	Küche Nase	‘кухня’ ‘нос’				
[u:]	vurig vuur	feuerig Feuer	‘огненный’ ‘огонь’	[y ^o]	dun	dünn	‘тонкий’

Примечание. В моих фонетических записях буквами русского алфавита различие расширенного и суженного произношения гласных кратких и долгих [i] и [o] имеется в виде: [i] = [i^ə] (напр., *is* ‘есть’, нем. *ist*) || [i] (напр., *niets* ‘ничто’, ‘ничего’, нем. *nichts*), [o] (напр., *wien* ‘кому’, нем. *wem*); ø = [o^a] (напр., *of* ‘или’) || [ø] = [ø] (напр., *over* ‘через’, ‘за’, нем. *über*), где точка под буквою служила для обозначения суженности.

2. Кроме простых гласных (в том числе «смешанных» [ø] и [ü]), в голландском широко представлены суживающиеся дифтонги на [i] и [u] с силовой вершиною на первом, более широком, компоненте, напр., [ɛi] (орф. *ei* и *ij*) — *ei* (нем. *Ei*) ‘яйцо’, *wijd* (нем. *weit*) ‘широкий’,

[ɔi] (орф. *ou* и *au*)¹ — *koud* (нем. *kalt*) ‘холодный’, *pauze* (нем. *Pause*) ‘пауза’, [üö] (орф. *ui*) — *huis* (нем. *Haus*) ‘дом’; при этом первый компонент может быть долгим (и, следовательно, суженным), напр., *hooi* (нем. *Heu*) ‘сено’; кроме того, необходимо указать, что долгие гласные средние ([e:], [o:]), [ö:] и иногда узкие ([i], [u]) в открытом слоге, если произносятся по условию фразы удлинено, легко получают дифтонгообразный характер, напр. *zee* (нем. *See*) ‘море’, *zoo* (нем. *so*) ‘так’, *hoe* (англ. *how*) ‘как’ и т. п.

Безударные гласные при своем ослаблении удерживают качественное различие и не смешиваются, особенно при книжном влиянии, в одном каком-либо индифферентном гласном. Типичный индифферентный гласный [ə], обычно отвечающий орфографическому неударному *e* (иногда *i*, *u*), в моих материалах представлен варьирующим в своем оттенке, особенно в положении после ударения, и у меня обозначен фонетически в виде: [ɛ̃] — *even* ‘ровный’ (нем. *eben*), [e°] — *schouder* ‘плечо’ (нем. *Schulter*), *ongemak* ‘беспокойство’ (нем. *Ungemach*), даже [o] — *wereld* ‘мир’ (нем. *Welt*); отмечу еще фонетическую передачу у меня через [ɛ̃] послеударного орфографического краткого *i* в закрытом слоге, т. е. широкого, напр., *oogenblik* = [ɔ̃хэн-блэк] ‘мгновение’ (нем. *Augenblick*). Такое разнообразие нюансов получается в послеударной части слова вследствие краткости и слабости гласного при влиянии соседних согласных ([e°] часто перед [r]), и это положение наиболее часто в голландском, благодаря корневому типу ударения в простых словах, а также частому на начальном слоге предложных и сложных слов с окончаниями *-el*, *-en*, *-er*. Предударное положение [ə] встречается нередко в предложениях и артикле, где, по моим материалам, гласный отмечен часто несколько лабиализованным, напр., *te* = [te°] ‘к’ (нем. *zu*), *ter* = [te°p] ‘к’ (нем. *zur*), *de* = [dè] (артикле, нем. *der*). Пример *geslapen* ‘уснувший’ (нем. *geschlafen*) содержит предударное и заударное [ə]. При сильном ослаблении могут получиться слогаобразующие плавные или носовые, или близкие к ним.

¹ В южной Голландии произносится [au] вместо [ɔi].

Согласные. 1. По действию гортани — в отличие от немецкого — отчетливое различие звонких и глухих смычных согласных.

2. В сфере артикуляций губных — кроме губно-зубного фрикативного [v], напр. [vor]=орф. voor 'перед' (нем. vor) имеется губно-губной фрикативный [w], напр. [wɔrgm]=орф. worm 'червь' (нем. Wurm).

3. Переднеязычные смычные согласные [t], [d], носовой [n] и плавный [l] являются в голландском языке слегка более альвеолярными, по сравнению с немецкими, и менее напряженными¹. Плавный [l] с средней мягкостью, по моим материалам, несколько варьирует по степени мягкости в конце слова, в зависимости от степени палатальности предшествующего гласного, в пределах от полумягкого ([l']) до полутвердого ([ɫ]) вроде английского полутвердого [l], напр., [zɪl']=орф. ziel 'душа' (нем. Seele) || [бал'] = bal 'мяч' (нем. Ball)². Дрожжащий [r] встречается, кроме нормальной передней артикуляции, еще и с задней вариацией, особенно в городах, напр. [мэт во^рдэн] = орф. met woorden 'со словами' (нем. mit Worten). Характерным является отсутствие шипящих спирантов ([ʃ] и [ʒ])³ и аффрикат как шипящих, так и свистящих (нем. [ʃ] — орф. sch — в голландском отвечает произношение [sx] = орф. sch).

4. Заднеязычные представлены глухими смычным [k] и спирантом [x] (орф. g), который внутри слова между гласными и после плавных [l] и [r] является слегка

¹ По замечанию К. Dijkstra, смычные [p], [t], [k] диалектно (в произношении голландских евреев) являются аспирированными. В моих материалах с таким произношением отмечен согласный [t], напр., [t'e'p] = орф. ter 'к' (нем. zur), [барт'] = baart 'рождает', 'причиняет' (нем. gebärt), [дут°] = doet 'делает' (ср. нем. tut), где [Т] выражает альвеолярность, и как сосуществующее произношение — указывается шепелеватое s, напр. [вас^ш] = орф. was 'был' (нем. war), [с^шхауде'p] = schouder 'плечо' (нем. Schulter), [плātс^ш] = plaats 'место' (нем. Platz).

² Меньшая мягкость отмечена мною также после краткого гласного в конечном послеударном слоге, напр., hemel 'небо', где [l] не было даже помечено мягким.

³ Впрочем, часто орфографическое sj произносится как [ʃ], напр., muisje = [моуʃэ] 'мышонок' (нем. Mäuschen).

озвонченным, напр. [xans] (орф. gans) 'гусь' (нем. Gans) || dragen 'носить' (нем. tragen); орфографическое обозначение *sch* произносится, как [sx], напр., *schip* = [sxip] 'корабль' (нем. Schiff). Носовой [ŋ] перед [k] становится, как и в немецком, заднеязычным, напр., *bank* = нем. Bank 'скамья', 'банк'. Смычный звонкий [g] как самостоятельный звук не встречается, а только как комбинаторный заместитель [k] через уподобление к следующим [b] или [d], напр., орф. *ik ben* = [ig-bɛn] 'я есмь'.

5. Согласные перед гласными переднего ряда произносятся не смягченно.

6. Звонкие согласные [b] и [d] в конце слова становятся глухими, но произносятся с меньшей энергией по сравнению с [p] и [t].

В общем система согласных голландского языка представляется в следующем виде:

По месту образования	Губные	p	b	f v w	m
	Переднеязычные	t	d	s z	n l r
	Среднеязычные			j	
	Заднеязычные	k	(g)	x	ŋ ρ
	Гортанные	(ʼ)		h	

Текст

De zon zegt: «Mijn naam is zon; ik ben
 [də zɔn zɛxt mɛin nam is zɔn ik bɛn
 Солнце говорит: «Мое имя (есть) солнце; я (есть)»

zeer helder; ik kom in het oosten op,
 zɛr hɛldər ik kɔm in ə ɔstɛn ɔp
 очень светел; я всхожу на востоке,

en als ik opkom, is het dag; ik kijk in
 ɛn als ik ɔpkɔm is ət dɑx ik kɛik in
 и когда я всхожу, бывает день; я заглядываю

bij uw raam met mijn helder gouden
 bɛi ju rɑm mɛt mɛin hɛldər ɡɔudɛn
 в твое окно моим блестящим золотым

oog en vertel u, wanneer het tijd is
 ɔɔg ɛn vɛrtɛl u, wɑnnɛr hɛt tɛit is
 глазом и сообщаю тебе, когда время (есть),

om op te staan, en ik zeg: luiard,
 ɔm ɔp tɛ stɑn ɛn ik zɛx lœyɑrt
 чтобы тебе встать; и я говорю: ленивец,

sta op; ik schijn niet voor jou, om in
 stɑ ɔp ik sxɛin nit vor ju ɔm in
 вставай; я не свечу для тебя, чтобы в

bed te liggen en te slapen, maar ik schijn
 bɛd tɛ hiɣɛn ɛn tɛ slɑpɛn mɑr ik sxɛin
 постели лежать и спать, но я свечу

voor jou, om op te staan en te werken
 vor ju ɔm ɔp tɛ stɑn ɛn tɛ vɛrkɛn
 для тебя, чтобы встать и работать,

en te lezen en rond te loopen».
 ɛn tɛ lɛzɛn ɛn rɔnt tɛ loɔpɛn]
 и читать, и гулять».

Комментарий

1. de zop 'солнце'. В голландском языке, подобно немецкому, существительные имеют три рода и допускают перед собою два артикля: о п р е д е л е н н ы й артикль de для м. и ж. р. (им. пад. ед. ч.), а в ср. р. het от другого корня, н е о п р е д е л е н н ы й eep (м. р.), eene (ж.), een (ср.); напр., de vader (нем. der Vater), de moeder (die Mutter), het kind (das Kind); een vader, eene moeder, een kind. Начальное [*s] в голландском, как и в немецком, перед гласными озвончилось, получив здесь, в отличие от немецкого, в орфографии фонетическое обозначение через букву z (русск. [з]): zop=нем. Sonne, причем в голландском слове, по сравнению с немецким, видим утрату конечного неударного слога. Слово zegt (нем. sagt) 'говорит' при неопр. форме zeggen (нем. sagen); удвоение согласных между гласными внутри слова в голландской орфографии служит указанием на краткость предшествующего гласного; в первом слове голл. g произносится как [x], а во втором как [g].

2. mijn 'мой' (произн. [meɪn]) — м. р., ж. р. mijne, ср. р. mijn, ср. нем. mein, meine, mein. Существительное naam м. р. 'имя' соответствует нем. Name тоже м. р., но отсутствует конечный неударный гласный; is (вместо ist)=нем. ist 'есть' от глагола zijn (произн. [zeɪn]) 'быть'=нем. sein; 1-е л. ед. ч. от другого корня: ik ben (произн. [ik bɛn])=нем. ich bin; прошедшее (Präteritum) — опять от другого корня; was 'был', waren 'были' (нем. war, waren). В англ.: is 'есть', to be 'быть', I am 'я есмь', was 'был', were 'были'.

3. Наречие zeer (нем. sehr) 'очень' по первоначальному значению отвечает русскому наречию «больно», которое в обыденном и народном языке получило и значение «очень». Прилагательное helder 'ясный', 'незаглушенный' (о звуке), 'ясный', 'блестящий' (о свете) соответствует немецкому hell с теми же значениями, причем в др.-вхн. и ср.-вхн. значение «блестящий» еще отсутствовало; здесь имеем случай перенесения названия по «ассоциации сходства» с ощущения слухового на ощущение световое; подобным образом у художников встречается применение тепловых терминов

«теплый» и «холодный» к красочным световым ощущениям и т. п. (нахождение сходств между ощущениями разного источника с соответствующим переносом названия).

4. *ik kom*. . . *or* — личные местоимения в голландском: 1-е л. ед. ч. *ik*, 1-е л. мн. ч. *wij* (произн. [wei]); 2-е л. ед. ч. *du* вышло из употребления, заменившись формой 2-го л. мн. ч. *gij*; 3-е л. ед. ч. *hij* (м.), *zij* (ж.), *het* или 't (ср.), 3-е л. мн. ч. *zij*. Глагольная форма 1-го л. ед. ч. наст. вр. *kom* (с утерянным конечным безударным [e]) соответствует немецкой *komme*, при неопр. форме *komen* 'приходить' = нем. *kommen*. Здесь глагол сложен с префиксом *or*=нем. *auf*: *orkomen* 'всходить' (нем. *aufkommen*), причем префикс в спряжении отделяется и помещается в конце предложения (ср. комментарий к нем. тексту пункт 4). Выражение *in het oosten* 'на востоке': *het* — опред. артикль ср. рода, *het oosten* или *oost* (в нем. м. р. — *der Osten* или *Ost*).

5. *en* 'и'=англ. *and* (см. англ. пункт 7), нем. *und*; *als* 'когда'=нем. *als*. В глагольной форме *orkom* нет отделения предлога в сложном глаголе, так как здесь глагол находится в придаточном предложении, отделение же предлога бывает лишь в независимом предложении. Главное предложение здесь стоит после придаточного и в зависимости от этого начинается глаголом *is* 'есть', 'бывает', образующим с местоимением ср. р. *het*, следующим здесь за глаголом, безличное выражение. Существительное *dag* м. р. 'день' соответствует нем. *Tag* того же рода, англ. *day* (агс. *dæg*); это германское название дня ставится в связь с литовским *dāgas* 'горение', 'жатва' (прус. 'лето'), так что название части суток и соответствующей светлой и теплой части года получилось от одного и того же глагольного корня (лит. *degù* 'горю').

6. *ik kijk in* 'я заглядываю', 'всматриваюсь' (при неопр. форме *inkijken*) — глагол сложный с отделяемым предлогом *in*, который сосредоточивает на себе главное ударение в глаголе в обоих случаях: *inkijken* || *ik kijk in*, вполне аналогично с немецким, причем должно ясно выступить первичное (местное или временное) значение пред-

ложной частицы¹. Глагол *kijken*, видимо, родствен немецкому *gucken* (см. комментарий к нем. тексту, пункт 7). Предлог *bij* (произн. [beɪ]) соответствует нем. *bei*) и, как и все другие предлоги в голландском, соединяется с вин. пад., который при этом становится как бы общим падежом, — одно из проявлений видоизменения языка в сторону аналитизма; *uw raam* ‘ваше окно’ (2-е л. ед. ч. прит. местоимения вышло из употребления, сменившись 2-м л. мн. ч., как и в английском). Слову *raam* м. р. ‘окно’ отвечает нем. *der Rahmen* ‘рама’, ‘рамка’, в значении же «окна» употребляется слово от другого корня — *das Fenster* (в голл. *raam* и нем. *Rahmen* видим разницу в обозначении долготы гласного: в голландском через повторение буквы гласного, а в немецком — буквою *h* после буквы гласного; ср. выше голл. *zeer* || нем. *sehr*).

7. Предлог *met* ‘с’ = нем. *mit*; здесь при существительном для обозначения орудия, посредством которого совершается действие; в русском языке, более богатом падежными формами, в этом случае применяется особый падеж — творительный, тогда как в германских и романских языках это сложное представление расчленяется на два — предмета и применения его (в смысле орудия), соответственно чему передается двумя словами — названием предмета (существительным) и предлогом (изменение языка в направлении аналитизма). Слово *gouden* ‘золотой’ = нем. *golden* произведено от существительного *goud* ср. р. = нем. *Gold* того же рода; в голландском слове звук [l] в сочетании *ld* сменился близким к нему гласным [u], что встречается и в других языках (напр. французском, сербском, украинском и белорусском), а также как индивидуальная погрешность, напр. такое произношение встречается и в русском языке: [вошкэ] вместо «ложка». Слово *oog* ср. р. ‘глаз’ родственно с нем. *Auge* того же рода; в голландском дифтонг [au] изменился в [ō], т. е. в гласный, средний между компонентами дифтонга.

¹ Пример из немецкого: *übersetzen* ‘переправлять, перевозить через что’ || *ich setze über*; но *übersetzen* ‘переводить с одного языка на другой язык’ || *ich übersetze* (в этом случае уже опрощение).

8. Глагол *vertellen* 'рассказывать' соответствует нем. *erzählen* при различии префиксов (в голл. *ver*, в нем. *er*); простой глагол *tellen* имеет значение 'считать', как и нем. *zählen*, причем начальный согласный в немецком — *z* [ts] представляет собою продукт дальнейшего изменения по отношению к голл. [t] ([*t] изменилось в верхненемецком в аффрикату *z* = [ts]); английский глагол *to tell* имеет значение 'рассказывать'. Вообще начальные переднеязычные смычные согласные в верхненемецком испытали передвижение, отличающее его от других германских языков, в том числе и от нижненемецкого с голландским и английским. Местоименная форма дат. пад. мн. ч. *u* (произн. [ü]) 'вам' — вместо ед. ч. (в старом языке употреблялось и ед. ч.: *dij* 'тебе').

9. *wanneer* 'когда' || *wen* соответствуют немецким *wann*, *wenn*. Безличное выражение *het tijd is* в смысле 'пора', 'время' состоит из личного местоимения 3-го л. ед. ч. ср. р. *het* и глагола *is* 'есть' (ср. выше пункт 5, а также соответствующие выражения в комментарии к немецкому тексту, пункт 10 и к английскому, пункт 8). Существительное *tijd* м. р. 'время' = нем. *Zeit* ж. р., англ. *time* (|| *time*). Союз *om* 'чтобы' = нем. *um* служит для выражения цели и сочетается с неопр. формой, имеющей при себе еще целевую частицу *te* = нем. *zu*; так как глагол здесь сложный с отделяющимся префиксом (*opstaan* 'вставать' = нем. *aufstehen*), то эта частица помещена между префиксом и глаголом: *op te staan* = нем. *aufzustehen*.

10. Спряжение глагола *zeggen* 'говорить' в наст. вр.: 1-е л. ед. ч. *ik zeg* (нем. *ich sage*), 2-е л. ед. ч. замещается 2-м л. мн. ч., 3-е л. ед. ч. *hij zegt* (*er sagt*); 1-е л. мн. ч. *wij zeggen* (*wir sagen*), 2-е л. *gij zegt* (*ihr sagt*), 3-е л. мн. ч. *zij zeggen* (*sie sagen*; в немецком еще и для 2-го л. мн. ч. в вежливом разговоре); здесь видим близкое сходство спряжения в голландском и немецком; 2-е л. повел. наклонения *staa op* (с отделенным префиксом) 'вставай' = нем. *steh auf*. Относительно *luiaard* ср. англ. *sluggard*.

11. *ik schijn* 'я свечу' = нем. *ich scheine*; в голландском *sch* в начале слова произносится как [sx], а в конце и внутри — как [s] (напр., *mensch* 'человек', *menschen* 'люди'); неопр. форма *schijnen* (также 1-е и 3-е л. мн. ч.;

3-е л. ед. и 2-е л. мн. ч. *schijnt*; *de zon schijnt* 'солнце светит' = нем. *die Sonne scheint*). Отрицание *niet* (нем. *nicht*) стоит после глагольной формы, т. е. как и в немецком. Предлог *voor* соответствует по значению нем. *vor* и *für*. Местоименная разговорная форма *jou* равносильна литературной *u* (вин. и дат. пад.) 'вам', 'вас', 'тебе', 'тебя'. Существительное *bed* (ср. р.) 'постель' = нем. *Bett* (ср. р.); *liggen* 'лежать' = нем. *liegen, slapen* ⇌ нем. *schlafen*; *te* = нем. *zu*.

12. Союз *maar* 'но' соответствует наречиям: нем. *mehr* 'более', англ. *more*, представляющим первоначальное значение, перешедшее в голландский в значении союза 'но'. Глаголы *werken* 'работать', *lezen* 'читать' и *loopen* 'двигаться', 'ходить' соответствуют нем. *werken, lesen* и *laufen*; наречие *rond* при глаголах означает 'кругом', 'туда и сюда' (заимствовано из французского — от *rond* 'круглый').

ДАТСКИЙ ЯЗЫК: ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТЕКСТ С КОММЕНТАРИЕМ

Звуковая система

Ударные гласные. Ударение в датском, как и в других германских языках, — корневое и, очевидно, старого происхождения (отступления имеются лишь в иностранных словах, напр. officér ‘офицер’, и вызваны подражанием иностранному произношению).

1. Кроме обычных пяти гласных, т. е. [a], [e] (орф. *e* и *æ*), [i], [o] (орф. *aa* и *o*)¹, [u], датский язык имеет еще губные палатальные — [ø] (орф. *ø*) и [y] (орф. *y*) и суживающиеся дифтонги [ai], [ei], [au] и др.

2. Простые гласные могут быть долгими и краткими, часто — подобно немецкому языку — в связи с открытостью и закрытостью слога, напр. Fader ‘отец’ (нем. Vater) || dansk ‘датский’, но долгота гласного возможна, подобно английскому, и в закрытом слоге, замыкающемся звонким спирантом, напр. Lyd ‘звук’ (нем. Laut), где фрикативный в датской орфографии передается тем же начертанием, как и звонкий смычный согласный. Одновременно гласные различаются и по качественному оттенку — расширенному или же суженному: при расширенной разновидности гласного артикуляция языка совершается несколько далее от передних зубов (глубже) по сравнению с суженной, напр. переднее [a] в словах dansk ‘датский’, Dag ‘день’ (нем. Tag), Gade ‘улица’ напоминает собою гласный [a] в русском слове [с’ат’] (‘сядь’).

¹ Вместо *aa* в новой орфографии пользуются, по примеру шведской, начертанием *d*.

3. В дифтонгах первый компонент всегда краток в отличие от голландского, где он может быть и долгим. К дифтонгам или дифтонгическим сочетаниям относятся также произношение орфографических групп *av* и *ov*, произносимых как [au], напр. *Lov* 'позволение', *sove*¹ 'спать', и группы *eg*, произносимой как [ei], напр. *Steg* 'жаркое'.

4. Частое, весьма характерное явление в датском — перерыв или короткая остановка звучания (через смычку голосовой щели) при произношении гласных, обозначаемая мною апострофом, напр. *Hund* 'собака' (произн. [hu'p]) || *hun* 'она' (произн. [hun], без приостановки звучания), и этот момент, как видим, настолько существен, что иногда отличает созвучные слова разного значения².

Безударные гласные. Наиболее обычное положение безударных гласных в датском, как вообще в германских языках, послеударное — в слогах внутри и на конце слова, причем характерным является оттенок е для орфографического *e*, напр. *smukkeste Udsigt* 'прекрасный вид'; безударные гласные, преимущественно узкие, в конце слова при подходящих условиях способны к приглушению, а [э] — к исчезновению, напр. *have* 'иметь' сокращается в произношении в *ha*. Здесь же упомянем, что в прежней орфографии *e*, писавшееся после *aa* ([o]) и *u*, не произносилось, напр., *troe* 'верить', *syе* 'шить'; в новой орфографии оно здесь опускается: *tro*, *sy*.

Согласные. 1. В сфере работы гортани в датском, по сравнению с немецким, видим более ясное отличие звонких и глухих взрывных согласных (т. е. [b] || [p], [d] || [t], [g] || [k]), хотя и не столь отчетливое, как в русском языке³.

2. При этом по способу артикуляции звонкие *e* смычные являются вполне смычными

¹ Мною фонетически записано в виде [сăу].

² Это явление экспериментально изучал с помощью одновременной записи амбушюром и гортанной капсулой *Rousselot*, см. его «Principes de phonétique expérimentale», 1901—1908, т. II, стр. 872—879 (пункт 4): «stöd» danois.

³ Так слово *gaar* 'иду' мною транскрибировано в виде [г'ор].

только в начале слов, а внутри слов, в положении между гласными и в конце слов после гласных, будучи неударными, произносятся как фрикативные, напр. Gade 'улица' (нем. Gasse) звучит как [gaðe], Bøge 'бук', как [bóʝe], также в конце слов — god 'добрый' (нем. gut), Dag 'день' (нем. Tag), причем, удерживая звонкость, легко ослабляются до нуля, напр., Fader [fader] > [faer] > [far], или выражение god Dag (нем. guten Tag) слышится как [gó da], но в положении перед глухим смычным [t] сохраняется смычным, ассимилируясь к нему по действию гортани, напр. tabe 'терять' || tabt (произн. [tapt]) 'потерянный'.

3. Глухие смычные произносятся в датском с весьма заметной аспирацией (придыханием): [p^c], [t^c], [k^c], которая менее заметна в немецком и в слабой степени в английском. Впрочем, в положении после [s] аспирация отсутствует. Таким образом, если мы указали выше на достаточно ясное отличие произношения звонких и глухих смычных согласных в датском, то оно не таково, как в русском языке, где это различие наиболее ясно и отчетливо; ср. в датском отмеченное [ɣ^k] || [k^c], тогда как в русском вполне чистые [ɣ-] || [k-].

4. Звонкий заднеязычный [ɣ] (орф. g) под влиянием предшествующих гласных переднего ряда смягчается в [j] (прогрессивная ассимиляция), напр. jeg (произн. [ja^ej]), [jäj]) 'я', sig [saj] 'себя', Steg и др., между тем как непалатальное [ɣ] после губного гласного сменилось на [ʉ], напр. Vogp (произн. [ваун]) 'вагон'.

5. Характерно отсутствие в датском шипящего фрикативного [ʃ] и свистящих и шипящих аффрикат; немецкий шипящий фрикативный [ʃ] (орф. sch) и свистящая аффриката [ts] (орф. z) представляют собою позднейшее специально немецкое явление; в датском им соответствуют [sk] и [t], напр. дат. Skib 'корабль' ≠ нем. Schiff, дат. Tal 'число' ≠ нем. Zahl. В этом отношении датский ближе стоит к голландскому, где соответствующие слова являются в виде schip (sch=[sx]), tal. Точно так же, в отличие от немецкого языка, [s] перед [p], [t] и [k] сохраняется, не переходя в [ʃ]; в начале слов перед гласным и внутри между

гласными [s] не озвончается, разве лишь под влиянием ассимиляции, напр. Udsigt (произн. uðzekt) 'вид' = нем. Aussicht.

6. Нормальный переднеязычный дрожащий [r] обычно сменяется на задний [ʀ], напр., Ro (произн. [ʀo]) 'спокойствие' ≠ нем. Ruhe, причем после глухих смычных приглушается.

7. Мы уже имели случаи, где датская орфография представляет не-фонетические написания (Tro, jeg, Vogn); прибавим еще: орф. *nd* = [nn], *ld* = [ll] (уподобление [d] к предшествующим [n] и [l]), напр. Guld 'золото' (нем. Gold), Kvinde 'женщина'; орф. *hj* = [j] и *hv* = [v] напр., Hjerte 'сердце' (нем. Herz), hvad 'что?' (нем. was); орф. *gj* перед гласным переднего ряда произносится как несколько палатализованный [g], напр., gjøre (произн. [gørə]) 'делать', во всех же других положениях [j] произносится, напр. gjort 'сделанный'; *lv* = [l] в конце слов, напр., tolv (произн. [tol]) 'двенадцать' (нем. zwölf); и некоторые другие.

В заключение дадим табелярный обзор датских согласных:

По месту образования	Губные	p b	f v	m
	Переднеязычные	t d	s ð	n l r
	Среднеязычные		j	
	Заднеязычные	k g	γ	ŋ ρ
	Гортанные	'(stød)		

Текст

Solen siger: «Jeg hedder Sol, jeg er meget
 [so'ln si:p jai heðp so'l jai p maiəð
 Солнце говорит: «Я зовусь солнцем, я (есмы) очень

klar; jeg staa op i Øst og naar jeg
 kla'p jai sdəp əb i öst ə nəp jai
 ясен; я встаю на востоке и когда я

staa op, er det Dag; jeg ser ind ad
 sdəp əb ep de da' jai sep en' a
 встаю, бывает день; я смотрю в

dit Vindue med mit klare gyldne Øje
 dit vendu með mit kla:pə gyl'nə əjə
 твое окно моим ясным золотым глазом

og siger til dig, naar d'et er Tid
 ə si:p thel dai nəp de ep thi'ð
 и говорю тебе, когда наступает время

at staa op, og jeg siger: Syvsover!
 ə sdə əp ə jai si:p syusəp
 вставать, и я говорю: леннвец!

staa op! jeg skinner icke for at du
 sdə əp jai sgen'p əgə , fəp ə du
 вставай! я свечу не для того, чтобы тебе

skal ligge i Sengen og sove, men jeg
 sga legə i sen'n ə səsə mən jai
 лежать в постели и спать, но я

skinner for at du skal staa op og arbeide
 sgen'p fəp ə du sga sdə əb ə arbaidə
 сияю, чтобы тебе вставать и работать,

og læse og gaa omkring».
 ə læsə ə gə əmkpəŋ']
 и читать, и гулять».

Комментарий

1. Solen 'солнце'; конечное *en* представляет определенный артикль (Sol-en), общий для м. и ж. р. имен, обозначающих не лица, а *-et* для среднего (к существительным, оканчивающимся на гласный, прибавляются только *-n* и *-t*); определенный артикль ставится после существительного. Те же самые слоги *en*, *et* в качестве неопределенного артикля предшествуют существительному. Кроме того, в датском имеется определенный артикль *den* общего рода и *det* среднего, ставящийся перед существительным. Датскому Sol 'солнце' соответствует с иным суффиксальным оформлением нем. Sonne (др.-вхн. sunna, ср.-вхн. sunne), англ. sun (произн. [sʌn], но орфографическое обозначение гласного традиционное, ср. агс. sunne). Долгий корневой гласный [ō] в слове Solen произносится с перерывом голоса, характерным для датского, а послеударный гласный [e] в конечном закрытом слоге, становясь минимальным, может в пределе исчезнуть. Глагол *at sige* 'говорить' (неопр. форма глагола с частицей *at*) — имперфект *sagde* — прич. *sagt* (нем. sagen — sagte — gesagt); согласный [g] в положении после передних гласных [e], [i] смягчается в направлении к [j]: *sige* [sie]; настоящее время, по основе сходное с неопр. формой, имеет лишь два окончания: одно (*-er*) для всех лиц ед. числа и другое (*-e*, без конечного *r*, совпадающее с неопр. формой) для всех лиц мн. числа, так что показателями диалогических лиц служат соответствующие личные местоимения в роли подлежащего, а в 3-м лице — местоименное или же именное подлежащее (в действительности в разговоре глагольная форма ед. числа употребляется и для мн. числа; датский язык среди современных скандинавских наиболее подвинулся вперед по пути перехода к аналитизму, а еще более по сравнению с немецким). Форма [si:r] получилась из указанной выше [sier] через уподобление неударного [e] к непосредственно предшествующему ударному [i]. Конечное *-r* не первично, а получилось из *-z* (из [*s]) во 2-м л. ед. ч.) и отсюда распространилось на 1-е и 3-е л. ед. ч.; начало этого звукоизменения восходит к древнейшему периоду.

2. Местоимение *jeg* 'я' (нем. ich) произн. [jai], где конечное *i* ([j]) получилось из [g] в положении после

гласного [e], расширившегося до степени [a] в составе возникшего нового дифтонга; [j] развилось на почве экскурсии гласного [e], начинавшего это местоимение. Глагол *hedder* (неопр. форма *hedde* 'называться') — общая форма для всех трех лиц ед. ч. наст. вр.; двойное *d* в орфографическом обозначении служит признаком краткого произношения предшествующего гласного; самое *d* имеет фрикативное произношение [ð]; при корневом ударении в словах, свойственном всем современным германским языкам, типичный индифферентный гласный для послеударной части слова в датском [ə]=[e°] (орф. *e*), т. е. с легким лабиальным оттенком, и может ослабляться до исчезновения, как здесь. Глагол *hedde* 'называться' находится в родстве с нем. *heißen* (ср.-вхн. *heizen*, др.-вхн. *heizzan*), в котором межгласный фрикативный [s] (орф. *ß*) развивался из [t].

3. *er* — 1-е, 2-е, 3-е л. ед. ч., *ere* — 1-е, 2-е, 3-е л. мн. ч. наст. вр. от глагола *være* 'быть, бывать', причем форма ед. ч. служит в разговоре и для мн. ч.; конечное *-r* не первично, а произошло из [*z] < [*s], и, таким образом, по корню глагол родствен в русском формам «ес-мь», «ес-ть» и пр.; относительно пропуска начального гласного в *er* в сочетании с *jeg* [jai ɕ] ср. в комментарии к английскому тексту пункты 3 и 8. Наречие *meget* (произн. [maieð]) 'очень', собственно 'много'; *klar* 'ясный' перешло из латинского.

4. *jeg står* (или *staar*) 'я стою', *jeg står op* 'я встаю' (с отделяемым префиксом *op*, ставящимся за глаголом); в прежней орфографии писалось еще *staaer* с непроизносимым *e* (форма для всего ед. ч., а *staae* или позже *staa* или *stå* — для мн. ч. и неопр. формы); произношение [sdɔɕ] вместо [stɔɕ] стоит в связи с положением *st* между гласными (естественно, что и [s] затронуто озвончением). Префикс *op* 'воз-', 'вз-' из более древнего *up* соответствует современному нем. *auf* (др.- и ср.-вхн. *ûf*), где [au] представляет дифтонгизацию из [u], совершившуюся в новом периоде верхненемецкого языка; произношение [əb], т. е. с звонким согласным, стоит в связи с положением *p* после гласного при последующем гласном (подобное озвончение касается и других общегерманских глухих смычных согласных, т. е. [t] и [k]). Выражение *i Øst* 'на востоке' соот-

ветствует нем. *im Osten* (см. комментарий к немецкому тексту пункт 4), англ. *in the east* (см. комментарий к английскому тексту пункт 6), голл. *in het oosten* (см. комментарий к голландскому тексту пункт 4); в датском языке в склонении существительных есть только две падежных формы: именительный и родительный, прочие падежные отношения выражаются с помощью предлогов, причем существительное берется в общей форме, совпадающей с формой им. падежа; напр., здесь — местный падеж на вопрос «где?» с предлогом *i* (=нем., англ., голл. *in*) перед существительным в общем его виде.

5. Союз *og* 'и' родствен нем. *auch* 'также', 'и'; временной союз *naar* (*når*) соответствует по значению нем. *wann* 'когда'; *jeg staar op*, — несмотря на придаточное предложение, префикс *op* остается отделенным от глагола и стоит за ним, в отличие от немецкого и голландского (ср. пункт 5 в нем. и пункт 4 в голл.); *er* 'есть', 'бывает', 'становится' — см. выше, пункт 3. Перед существительным *Dag* 'день' поставлен определенный артикль *det* (или *den* для общего рода) с оттенком «общеизвестный», что бывает чаще, когда существительное определено прилагательным, соответственно чему и самый артикль называют в грамматиках часто «прилагательным» артиклем в отличие от «существительного» определенного артикля *en*, *et*, ставящегося после существительного (см. пункт 1). Союз *og* и артикль *det* имеют ослабление до нуля конечных согласных, а существительное *Dag* произносится еще и с обрывом голоса в конце гласного. Относительно этимологии слова *Dag* см. в комментарии к голландскому тексту пункт 5.

6. *jeg ser* (*seer*) 'я вижу', 'смотрю', но форма *ser* применяется и для других лиц ед. ч.; *vi se* 'мы видим', 'смотрим' (та же глагольная форма и при других лицах мн. ч.); неопр. форма *se* 'видеть' при нем. *sehen*; *ind* — отделяемое префиксальное наречие, стоящее за своим глаголом; соответствует нем. *ein*: *indse* 'заглядывать' = нем. *einsehen*. Стоящий далее предлог *ad* 'в' относится к сочетанию *dit Vindue* 'твое окно'. Притяжательное местоимение *din* 'твой', 'твоя' — одинаково для существительных м. и ж. рода и *dit* — для ср. р.; в немецком языке мужской и женский род не совпадают; *dein* — м. р., *deine* — ж. р., а

в среднем роде форма одинакова с мужским — *dein*; подобным образом для первого лица датское *min* (нем. *mein, meine*) || *mit* (нем. *mein*) и для третьего лица *sin* (нем. *sein, seine*) || *sit* (нем. *sein*). Существительное *Vindue* 'окно' ср. р. с «неммым» конечным *e* (относительно названия см. комментарий к английскому тексту пункт 9).

7. Предлог *med* 'с', родственный нем. *mit*, выражает собственно то, что сочетающееся с ним существительное служит орудием, откуда затем переход к значению нашего творит. падежа: *med* *Øje* 'глазом'. Существительное *Øje* (ср. р.) соответствует немецкому *Auge* (тоже ср. р.); начальному немецкому дифтонгу [au] в датском ожидалось бы соответствие [o] (ср. нем. *auch* и дат. *og*), но в данном существительном имеется еще палатализация гласного, а [g] после палатального гласного (гласного переднего ряда) смягчается и в конечном результате переходит в [j]. Прилагательные *klar* 'светлый' и *gylden* 'золотой', относящиеся к существительному *Øje*, принимают после определенного артикля (а здесь после равносильного притяжательного местоимения) на конце окончание *-e*; при этом в слове *gylden* с присоединением окончания *-e* теряется внутреннее безударное [e], *ld* = [ll] (ассимиляция), и самое [l] произносится с обрывом голоса.

8. *til dig* 'тебе' (собств. 'к тебе') — дат. падеж от местоимения *du* 'ты'; *dig* служит формой дат. и вин. пад., причем для различения служат предлоги; если в личных местоимениях дательный (винительный) отличается от именительного падежа, то в существительных всякое различие формы этих падежей совершенно утратилось (сохранилось лишь окончание *-s, -es* для род. падежа).

9. *naar det er Tid* — сочетание *det er* (дословно *das ist*) соответствует немецкому безличному *es ist*. Слово *Tid* соответствует нем. *Zeit*; в немецком начальное *z* — позднейшее изменение, специально верхненемецкое, по отношению к начальному *t* прочих германских языков (ср. соответствия или корреспонденты для того же слова — англ. *tide*, голл. *tijd*, швед. *tid* и пр.)¹. Предлог *at* стоит

¹ Ср. еще: нем. *Zahl* 'число' ≠ дат. *Tal, Zahn* 'зуб' ≠ дат. *Tand, Zunge* 'язык' = *Tunge* и т. д.

при неопр. форме подобно тому, как в английском *to*, в голландском *te*, в немецком *zu*.

10. *Syvsover* собств. 'семь спящих', 'соня', от слов *syv* 'семь' и *sove* 'спать' (по названию дня *Syvsoverdag* 'день семи спящих'). Относительно *staa* *ör* ср. голл. *staa* *or*, нем. *steh auf*, англ. *get up*.

11. *jeg skinner* 'я свечу', 'сияю'; неопр. форма *skinne* ≠ швед. *skina*, голл. *schijnen*, англ. *to shine*, нем. *scheinen*; *ikke* — отрицание 'не'. Союз и предлог *for* (голл. *voor*, англ. *for*, нем. *vor* и *für*), в качестве союза 'чтобы', напр. *for at se* 'чтобы видеть' (нем. *um zu sehen*), и как предлог 'перед', 'для', напр., *han staar for Dören* 'он стоит перед дверью' (нем. *er steht vor der Tür*), *det passer sig ikke for mig* 'это не приличествует для меня' (нем. *es ziemt sich nicht für mich*). Глагол *ligge* 'лежать' ≠ нем. *liegen*, голл. *liggen*, англ. *to lie*. Предлог *i* 'в' ≠ нем., голл., англ. *in*, швед. *i*. Существительное *Seng* 'постель', 'кровать' с присоединенным в конце определенным артиклем *-en*; *ng* произносится как заднеязычное [ŋ], гласный *e* определенного артикля в конечном безударном слоге опущен и [n], заканчивающее слово, присоединяется к предшествующему [ŋ] с перерывом голоса. Глагол *sove* 'спать' представляет особенности скандинавской ветви, в других германских языках соответствующий по значению глагол образован от другого корня (англ. *to sleep*, голл. *slapen*, нем. *schlafen*).

12. *jeg skinner* 'я сияю' произн. [sgen'p], где наблюдается тенденция в датском языке к озвончению смычных глухих в положении между гласными, ср. [sdɔŋ] (пункт 4), а звонкие взрывные, сохраняя звонкость, переходят в фрикативные; *arbeide* 'работать' ≠ нем. *arbeiten*; в датском междугласные (интервокальные) звонкие взрывные проявляют тенденцию переходить в фрикативное произношение [d] > [ð]; *le:se* 'читать' ≠ нем. *lesen* (в скандинавской ветви междугласное [s], в отличие от немецкого, не озвончается), ударное [e] в начальном (ударном) корневом слоге имеет долготу, но она не первична, а сформировалась на германской почве в связи с открытостью слога, тогда как закрытость слога благоприятствовала укорочению гласных; при этом краткость гласных связана с большею открытостью; *gaa omkring* 'гулять' ('ходить кругом', 'туда и сюда').

ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК: ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТЕКСТ С КОММЕНТАРИЕМ

Звуковая система

Ударные гласные. 1. Шведский язык, при ударении обычно корневым¹, различает самостоятельную долготу и краткость ударяемых гласных, причем в общем преобладает тенденция, нередкая в германских языках, связывать долготу гласных с открытостью слога, особенно в словах неодносложных; в словах же односложных и закрытый слог может быть долгим, напр., blod (произн. [бл'ūd]) 'кровь', но blott (произн. [бл'ōт]) 'только', 'просто', mūs (произн. [мӯс]) 'мышь' и т. п.

2. Шведский язык (как и норвежский) выделяется среди германских языков наличием музыкального ударения наряду с динамическим. Существуют два музыкальных «акцента»: «акцент 1» — простой или нисходящий (музыкальный тон понижается от начала слова к концу) — и «акцент 2» — составной или нисходяще-восходящий (музыкальный тон сначала несколько понижается на главном ударяемом слоге, а затем быстро и значительно повышается). «Акцент 1» имеют слова односложные — также и в том случае, когда с присоединением пост-позитивного определенного члена -en, -et они делаются двусложными, напр. hus 'дом', huset 'дом (тот)', — формы наст. времени с окончанием -er ('bryter 'ломаю, -аешь, -ает'), двусложные степени сравнения ('större 'большой'),

¹ В иностранных словах ударение может приходиться и на конце, напр. nation [нач'ун] 'нация', lection [лэкш'ун] 'лекция'.

слова, начинающиеся с безударных приставок (för-följa 'преследовать') и некоторые другие (особенно слова заимствованные). «Акцент 2» характерен для двусложных и многосложных слов (за исключением категорий слов, указанных выше): \dagar 'дни' мн. ч., 'dag 'день', \bryta 'ломать', 'följa 'следовать' и т. п. В словах с «акцентом 2» слоги, следующие за главным ударяемым, вместе с повышением музыкального тона имеют побочное динамическое (силовое) ударение, которое настолько заметно, что иногда могло бы быть принято за главное, напр., orätt [ýrét] 'неправый' ≠ нем. unecht, ära [Эра] 'честь', причем гласные [e] и [o] под побочным ударением слышатся узкими, а [u] с ослабленной губностью напоминает русское [ъ] ([ы]), напр., djävul (произн. [ʲe:vyɫ]) 'дьявол' ≠ нем. Teufel.

3. Средние гласные [e] и [o] в долгих слогах имеют суженное и отчасти дифтонгообразно-суживающееся произношение, а в кратких расширенное (на месте ожидаемого произношения суженного [o] орфографическое *o* выражает узкий гласный [u]¹; так, например, ek (произн. [ek]) 'дуб' ≠ нем. Eiche, verk [verk] 'работа' нем. Werk, ord (произн. [ýrd]) 'слово' ≠ нем. Wort, ollon (произн. [éllòp]) 'жолудь'.

4. Отсутствие настоящих дифтонгов: такие сочетания, как *oj*, могут рассматриваться как сочетание гласного [o] с согласным [j]; можно говорить лишь о встречающемся дифтонгообразно-суживающемся произношении долгих средних и узких гласных, напр. в nyhet 'новость' ≠ нем. Neuigkeit.

Безударные гласные. Среди безударных гласных наиболее частыми и типичными являются [a] и [e], имеющие более узкое произношение по сравнению с ударными, напр., eder (произн. [Э¹дэр] 'вам').

¹ С другой стороны, орфографическое *u* в долгих слогах имеет палатализованное произношение, напр. mus 'мышь', но в кратких — обычное произношение. Таким образом, при чтении шведских текстов нужно иметь в виду определенные случаи палатализованности [u] (именно при долготе) и произношение *o* как [u] (тоже в долгих слогах).

Согласные. Отметим:

1. Сохранение звонкости конечными смычными согласными; эту черту мы видели в датском, но там она соединена с переходом звонких смычных в фрикативные; звонкость конечных согласных удерживается также в английском.

2. Удлиненное произношение согласных после кратких гласных. Сходное явление находим в сербском языке, где, кроме того, имеется еще другое сходство — двуслого-вой тип ударения, так что возникает вопрос, нет ли связи между этими двумя явлениями. Влияние краткости ударного гласного сказывается на произношении следующего дрожащего [r], который произносится в таком положении с дрожанием, подобно начальному [r], напр., gård 'огороженное место', rik 'богатый' ≠ нем. reich, но после долгого гласного обыкновенно без дрожания.

3. Смягчение согласных под влиянием непосредственно следующих за ними гласных переднего ряда и согласного [j], причем заднеязычные смягчаются как под влиянием [j], так и гласных переднего ряда, тогда как переднеязычные лишь под влиянием [j]. Примеры:

а) орф. <i>tj</i> : tjäna	(произн. [чэ́нà]) 'служить'.
» <i>dj</i> : djur	(произн. [jур]) 'зверь', 'животное' ≠ нем. Tier.
» <i>lj</i> : ljud	[ju:d] 'звук' ≠ нем. Laut ¹ .
» <i>stj</i> : stjärna	['шэ́рна] 'звезда'
» <i>sj</i> : sjuk	[шү́к] 'больной'
б) » <i>kVⁱ</i> : kyssa	[чү́сса, 'т'ү́сса] (= серб. ĩ) 'целовать', нем. küssen
» <i>gVⁱ</i> : giva	['jiva] 'давать' ≠ нем. geben
» <i>gj</i> : gjord	[jyрд] 'пояс' ≠ нем. Gürtel
» <i>skVⁱ</i> : skicka	['ши́кка] 'посылать' ≠ нем. schicken
» <i>skj</i> : skjuta	['шү́та] 'стрелять' ≠ нем. schießen

¹ Ср. чередование во франц.: l' (в южной Франции) || j (в северной Франции), напр. в слове *briller* (произн. [bril'è || (brijè)].

Из приведенных примеров видим, что [t] и [k] смягчаются в шведском языке в шипящую аффрикату [tʃ] ([ч]), но при предшествующем [s] смягчаются в шипящий фрикативный [ʃ] ([ш])¹, как и *sj*; соответствующие [d] и [g] при смягчении дают не шипящий согласный, но [j]. Нельзя не отметить, что смягчение в шипящие широко развито в славянских языках (особенно в русском), и в иных можно найти ряд параллелей к шведскому. Так, напр., в словенском [tj] дало [tʃ], но [dj] дало не шипящий звук, а [j] (напр. *sveča* 'свеча' || *meja* 'межа'); в русском [tj] и [kVⁱ] или [kj] дали [tʃ] ([ч]), но при предшествующем [s] дали [шш] (ср. московское произношение (пуш'ш'у) = орф. 'пущу' при 'пустить', [иш'ш'у] = 'ищу' при 'искать').

4. Согласный [r] встречаясь перед переднеязычными согласными, произносится с заворотом кончика языка к альвеолам (так наз. апикальное r), и следующий за ним переднеязычный удерживает это же положение, напр. *ord* (произн. [урд]) 'слово' ≠ нем. *Wort*.

В общем система согласных шведского языка представляется в следующем виде:

По месту образования	Губные	p b	f v	m
	Переднеязычные	t d tʃ	s ʃ	n l r, ʀ
	Среднеязычные		j	
	Заднеязычные	k g		ŋ
	Гортанные	h		

¹ То же, как мы видели, в заимствованных словах, напр. *nation* = [нач'ун]; после [k] является [ʃ] ([ш]), напр., *lection* = [лэкш'ун].

Текст

Solen	säger:	«Jag	heter	sol,	jag	är
[su:lən	sejər	ja	he:tər	su:l	ja:	er
Солнце	говорит:	«Я	называюсь	солнцем,	я	(есмь)

mycket	klar;	jag	går	upp	i	öster,
mykkə	kla:r	ja	gɔ:r	əp	i	östər
очень	светел;	я	всхожу		на	востоке,

och	när	jag	går	upp,	är	det	dag,
ɔ	när	ja	gɔ:r	əp	ε	de	da:g
и	когда	я	всхожу,		бывает	день,	

jag	tittar	in	i	ditt	fönster	med	mitt
ja	tit:ar	in	i	dit	fönstər	mε	mit
я	заглядываю	в		твое	окно		своим

klara	gyllna	öga	och	jag	säger	dig,	när	det
kla:ra	jylna	ö:ga	ɔ	ja	sejər	dɛi,	när	dε
светлым	золотым	глазом,	и	я	говорю	тебе,	когда	(это)

är	tid	att	stiga	upp,	och	jag	säger;	stig	upp,
ε	ti:d	at	sti:ga	əp	ɔ	ja	sejər	sti:g	əp
(есть)	время,	чтобы	вставать,		и	я	говорю:	вставай,	

sjuovare!	jag	skiner	inte	för	att	du	skall	ligga	
ʃysɔ:varə	ja:	ʃi:nər	intə	för	at	dy:	ska	ligga	
лентяй!	я	свечу	не	для	того,	чтобы	ты	мог	лежать

i	sängen	och	sova,	utan	jag	skiner	för	att
i	sejən	ɔ	sɔ:va	ytan	ja	ʃi:nər	för	at
в	постели	и	спать,	но	я	свечу,		чтобы

du	skall	stiga	upp	och	arbeta	och	läsa
dy	ska	sti:ga	əp	ɔ	arbe:ta	ɔ	le:sa
ты	мог		встать	и	работать,	и	читать,

och	röra	på	dig».
ɔ	rö:ra	pɔ	dɛi]
и	прогуливаться».		

Комментарий¹

1. *solep* 'солнце' = *sol*+*ep*, где *ep* присоединен в качестве определенного артикля; в тексте ударные [o] и [e] в открытых слогах являются долгими, соответственно строю германских языков, причем в шведском они выступают с ясно суженным произношением (в закрытых слогах являются краткими и более широкими); таковы [o] и [e] в начальных корневых слогах слов *solen* 'солнце' и *heter* 'называюсь'. Сравнивая шведский текст с наиболее ему родственным датским, можно усмотреть, что датский в ряде случаев представляет дальнейшее видоизменение по сравнению с шведским, напр., швед. *säger* 'говорит' ≠ дат. *siger* ([ä]≠[i]) при неопр. форме швед. *säga*≠дат. *sige*; швед. *heter* 'называюсь'≠дат. *hedder* (озвончение [t] между гласными с переходом в фрикативный), наряду с теми или другими сходствами (напр., [g]>[j] в *säger* 'говорит') и различиями (напр., швед. *jag* 'я' в произношении [ja] при дат. *jeg* в произношении [jai]), а также в отношении антропофонического строения слова: в шведском — двуслоговость ударения, чего нет в датском, напр., швед. [hétər] (с главным ударением на начальном слоге и слабым второстепенным на последующем конечном) 'называюсь'≠дат. [hiðr] (ослабление гласного до нуля в безударном конечном слоге).

2. Сравнение швед. *mysket* 'очень' с дат. *meget* указывает на озвончение в датском междугласного [k], как на дальнейшее видоизменение по сравнению с шведским. Выражение *jag går upp* 'я всхожу' отличается от дат. *jeg står opp* 'я встаю' тем, что в основание взят другой глагол: *gå* 'идти'. Слову *öster* в датском отвечает Øst и Øster.

3. Глагол *titta* 'заглядывать' здесь стоит с отдельным префиксом *in*, принимающим на себя ударение в слове; стоящий далее предлог *i* 'в' относится к следующему сочетанию слов *ditt fönster* 'твое окно'.

4. Глагол *stiga* 'ступать', 'шагать' в связи с отделяемым префиксом *upp* получает значение 'подниматься' и

¹ Ввиду значительной близости шведского текста к датскому, я ограничусь несколькими примечаниями, предоставляя самому читателю сопоставление шведского текста с датским.

находится в родстве с нем. steigen (др.-вхн. stigan, ср.-вхн. stīgen) 'подниматься', англ. to sty (арс. stīgan), голл. stijgen, дат. stige. В швед. stiga гласный [i] продолжает сохранять старую долготу в связи с открытостью слога. Несмотря на придаточное предложение, отделяемый префикс стоит за глаголом, как в датском и английском, но не в немецком и голландском.

5. Отрицание inte = icke также ставится после глагольной формы. Частица för att — 'чтобы'.

6. Союз utan 'но', 'а'; göra på sig 'двигаться', 'гулять'.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК ФОНЕТИКИ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вокализм

Из первоначальных гласных [*ě], [*ö], [*ǣ] гласные [*ō] и [*ǣ] в германской языковой области дали одинаковый рефлекс в виде [a] (это явление распространяется и на дифтонги: [*oi] и [*ai] дали [ai], [*ou] и [*au] дали [au]). Подобным образом из долгих гласных [*ē], [*ō], [*ā] гласные [*ō] и [*ǣ] смешались в германском в одном гласном [ō]. Приведем примеры¹:

- [*ě] (лат. *ferre* 'нести'): нем. *gebären* (с префиксом *ge-*) 'рождать'², англ. *to bear*, голл. *baren*, дат. *bære*, швед. *bära*.
- [*ö] (лат. *hortus* 'сад'): нем. *Garten* 'сад', англ. *yard* 'двор' (арс. *geard*, с перегласовкою по аналогии к мн. числу, ср. нем. мн. ч. *Gärten*), голл. *gaard* 'сад', дат. *Gjærde* 'забор', 'ограда', швед. *gård* 'огороженное место', 'усадьба'.
- [*ǣ] (лат. *sal* 'соль'): нем. *Salz*, англ. *salt*, голл. *zout* (конечное *-ut* из *-lt*), дат. и швед. *salt*.
- [*ei] (греч. *στειχέειν* 'ступать', 'идти'): нем. *steigen* 'всходить', англ. *to sty* (арс. *stigan*) (вышло из употребления, заменившись глаголом француз-

¹ В начале каждого ряда будем выставлять соответствующее слово латинского или греческого языка, где древнейшие фонемы в ряде случаев испытали меньшие изменения.

² Переход от значения «нести» к значению «рождать» можно видеть в русском языке в глаголе «носить»; ср. «овца принесла ягненка», «нести» — о птицах.

ского происхождения to mount, франц. monter), голл. stijgen, дат. stige, швед. stiga¹.

[*oi] (греч. Ϝοιδα 'знает'): нем. er weiß 'он знает', англ. he wot, голл. hij weet, дат. han vød, швед. han vet².

(лат. ūnus 'один' из греч. $\delta\upsilon\omicron\varsigma$): нем. ein, англ. one, голл. een, дат. en, швед. en; рефлексy вполне согласуются с предшествующим примером.

[*eu]: нем. tief 'глубокий', англ. deep (*ee* = [i]), голл. diep (*ie* = [i]), дат. dyр (*y* = [y]), швед. djup (произн. [jup])³.

[*ou]: нем. taub 'глухой', англ. deaf (*ea* = [э]), голл. doof, дат. и швед. döv.

[*au] (лат. auris 'ухо'): нем. Ohr 'ухо' (*h* обозначает долготу предшествующего гласного; в положении перед переднеязычным согласным рефлекс не

¹ Дифтонг [*ei] в германской ветви рано изменился в [i] через уподобление первого компонента второму по степени сужения; уже в новом немецком это [i] дифтонгизировалось в [ei] (др.-вхн. stigan, ср.-вхн. stigen); в англ. sty произн. [stai] — дифтонгизация [i] позднего происхождения, независимая от немецкого; голл. ij произносится [ei] — поздняя дифтонгизация. Таким образом, в языках зап.-германской ветви — поздняя дифтонгизация [i], языки же скандинавские сохранили [i] без дифтонгизации.

² Дифтонг [*oi] изменился на германской почве в [ai] (смешавшись таким образом с [*ai]), откуда в немецком через уподобление в дифтонге первого компонента [a] второму [i] получился дифтонг [ei] (др.- и ср.-вхн. weiz > н.-вхн. weiß), в новом языке совпавший с [ei] из [i]. В англо-норманском германский дифтонг [ai] двойкою происхождения дал монофтонг [o] (из агс. [ā]), а в языках голландском, датском и шведском перешел в монофтонг [ē], т. е. в гласный промежуточный или средний, через взаимное уподобление обоих компонентов дифтонга.

³ В первоначальном дифтонге [*eu] первый компонент [ë] в германской ветви изменился в [i] ([*ëu] > [iu]), соответственно с чем данному слову в готском отвечает diups, др.-вхн. tiof, ср.-вхн. tief, перешедшее и в новый язык с орфографическим *ie* = [i], а начальное [t] представляет специально верхненемецкое приглушение начального звонкого [d], сохраняющегося в прочих германских языках. Таким образом, губность дифтонга, удерживавшаяся еще в древневерхненемецком ([io]) и англо-саксонском [(eo]), в современном немецком и английском уже утеряна, но сохраняется еще в языках скандинавских.

в виде [au], но [ō]), англ. ear (произн. [iə(r)]), голл. oer, дат. Ære, швед. öra. Отметим в скандинавских языках перегласовку получившегося простого губного гласного, промежуточного между компонентами дифтонга.

Простые долгие и краткие [i] и [u], обычно получившиеся через ослабление дифтонгов [*ei] и [*eu] (иногда, быть может, имеют и самостоятельное происхождение), обычно сохранялись в древнегерманских языках. Приведу примеры:

[*i] (лат. piscis 'рыба'): нем. Fisch, англ. fish, голл. visch (произн. vis, т. е. с утратою конечного [x]), дат., швед. fisk.

[*ū] (лат. jugum 'ярмо'): нем. Joch, англ. yoke, голл. juk, дат. Aak (произн. [ok]), швед. ok. Видим расширение [*ū], а в северной ветви еще и утрату начального [j].

[*ī]: нем. Schwein 'свинья' (др.-вхн. и ср.-вхн. swin, первоначально уменьшительное с суф. -īn к сущ. sau), англ. swine (произн. [swain]); агс. swīn, голл. zwijn (произн. [zwein]), дат. и швед. svin¹.

[*ū]: нем. Haus (др.-вхн. и ср.-вхн. hūs), англ. house, (агс. hūs), голл. huis (голл. ui произн., как нем. eu, т. е. [öü] или [öi], дат. и швед. hus. Дифтонгизация [*ū], как и [*ī], произошла в языках зап.-германской ветви уже в новом периоде.

Перейдем теперь к обзору некоторых явлений вокализма в истории германских языков, видоизменивших и усложнивших первоначальное состояние, причем будем придерживаться хронологической последовательности.

1. Градация гласных (нем. Ablaut, франц. alternation, аrophonie). Как уже указывалось, гласные [*ē] и [*ō] чередовались между собою в одной и той же

¹ Переход уменьшительного значения в обыкновенное — нередкое явление в жизни языков; приведенные существительные, обозначавшие первоначально молодое животное, принадлежат в германских языках к среднему роду.

морфеме; морфема с [*ё] считается первым полным, а морфема с [*ö] — вторым полным видом; кроме того имелся еще краткий или редуцированный вид с ослаблением предударного [*ё], доходившим до исчезновения как предельной стадии ослабления. Таким образом, сформировались чередования, могущие быть представленными в следующем виде в положении перед согласным (оставляю в стороне градацию в области первичных долгих гласных):

1-й полный вид	ё	ei	eu	em	en	er	el
2-й полный вид	ö	oi	ou	om	on	or	ol
Сокращенный	o	i	u	m̄	n̄	r̄	l̄

В германских языках отражение этих чередований находим в так называемом «сильном» спряжении, имеющем вариации корневого вокализма соответственно определенной грамматической категории — наст. время (также и неопр. форма), имперфект и причастие прошедшего времени, хотя в ряде случаев произошло частичное униформирование, так что вместо трех видов получилось два. Для примера возьмем случай с корневой фонемой [*en] в корне *bendh* — ‘связывать’: нем. *binden* (1-й вид), *band* (2-й вид), *gebunden* (краткий вид); англ. *to bind* — *bound* (вместо арг. *bond*, по аналогии к прич.) — *bound*; голл. *binden* — *bond* — *gebonden*, дат. *binde* — *bandt* — *bunden*; швед. *binda* — *band* (мн. ч. *bundo*) — *bunden*. На этом вопросе подробнее остановимся в морфологии.

2. Перегласовка корневого гласного под влиянием [i] или [j] следующего слога («Umlaut», «*métaphonie*», *inflexion*) представляет собою явление уже значительно более позднее, специально германское и уже при новом или корневом ударении, начавшееся в IV веке н. эры в низовьях Рейна и отсюда двигавшееся дальше, отражающееся в современных германских языках со значительным различием по степени или интенсивности. Сюда относятся в немецком многочисленные случаи чередования гласного заднего ряда с гласным переднего ряда в разных граммати-

ческих формах, напр. в ряде существительных между ед. и мн. числом; ср. нем. Gast 'гость' ед. ч. || Gäste мн. ч. (др.-вхн. gast || gesti, ср.-вхн. gast || geste), Fuß 'нога' || Füße, Gans 'гусь' || Gänse и т. д.; англ. goose 'гусь' ед. ч. || geese мн. ч., foot 'нога' || feet мн. ч. и т. п.; голл. stad 'город' || steden мн. ч., но вообще голландский как бы остался в стороне от этого процесса или униформировал; в датском и шведском это явление значительно ограничено: дат. Gaas 'гусь' || Gæs мн. ч., Stad 'город' || Staeder, Fader 'отец' || Foedre, Dotter 'дочь' || Døtre, Nat 'ночь' || Noetter; швед. stad || städer, fader || fäder, dotter || döttrar, natt || nätter (в голландском эти существительные без палатализации во мн. ч., ср.: vader || vaderen, nacht || nachten, dochter || dochters, Gans || Ganzen).

3. Еще позднее начався в вокализме процесс уже чисто верхненемецкий — д и ф т о н г и з а ц и я ударных [ī], [ū], [ü] > [ei], [ou (au)], [eu], о чем говорилось выше. Этот процесс обнаруживается на юго-востоке в габсбургско-придунайских областях — с XIII века в нижней Австрии¹ и в XIV веке охватывает уже всю Австрию, в XV веке подвигается далее, и новые дифтонги являются в Силезии, Саксонии и в первой половине XVI века — на нижнем Майне и среднем Рейне; Германия, таким образом, распалась на две половины: нижненемецкий север и юго-запад, или немецкая Швейцария, остались при старых долгих гласных [ī], [ū], [ū] (mīn, dīn, Hūs, Mūs, Lūte, hūte), а остальная Германия перешла к новому дифтонгическому типу (mein, dein, Haus, Maus, Leute, heute); за распространением этого явления можно следить по памятникам². Здесь мы встречаемся с весьма важным фактом распространения фонетического процесса в связи с географической смежностью, причем эта смежность вызвала одновременно аналогичное явление в чешском языке, где также ударные [ī] и [ū] изменились в [ei] и [ou] (ср. народное чеш. zejma, гоуџка) в связи с перенятием типа ударения на начальном слоге в словах. С другой стороны, процесс дифтонгизации

¹ Исследования последних лет определяют начало этого процесса даже раньше — с XII века. (Прим. ред.).

² Ср. Kluge, «Von Luther bis Lessing», стр. 22—25.

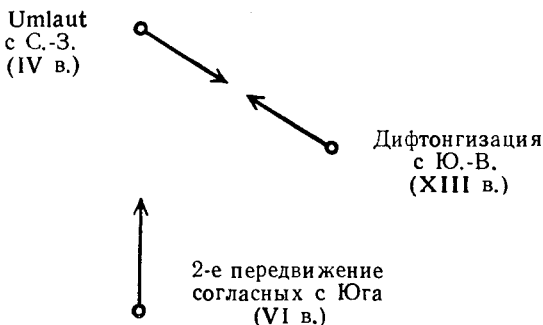
совершался в английском языке, но особо от верхнемецкого, с которым наблюдаются лишь случайные совпадения в отдельных словах. Самый процесс дифтонгизации ударных [i] и [ū] (немецкий, чешский, английский) можно понять таким образом, что долгий гласный как бы распался на два кратких разносильных и разнотонных компонента (перелом долгого гласного), что и вызывало соответствующее изменение одной половины гласного; в данном случае нужно принять больший напор в первой половине долгого гласного ([i̯i], [ū̯ū]), а затем первый элемент долгого гласного расширяется или — другими словами — долгий гласный расширяется в своей первой части. Быть может, это направление в изменении [i] и [ū] находится в некоторой связи с развившимся в германских языках новым типом ударения на начальном корневом слоге слова. Расширение в германских языках можно сопоставить с развитием в русском -ей из -ий, -ой из -ый.

4. Говоря о вокализме, нужно затронуть еще вопрос об ударении и безударных гласных. Первоначально германская языковая ветвь имела общеиндоевропейское свободное ударение, которое могло приходиться на разных местах от начала слова; к этому периоду свободного ударения в германской ветви относится «первое» передвижение согласных (закон Г р и м м а и Р а с к а), общее для всех германских языков. В дальнейшем произошло возникновение нового типа ударения, свойственного всем современным германским языкам, на начальном корневом слоге. В этом переходе от свободного ударения к ударению закрепленному проф. Meillet¹ видит отражение языковой подпочвы, языка народности, завоеванной германцами, усвоившей язык победителей и внесшей в него свой тип ударения (так же объясняет проф. Meillet причину своеобразного «передвижения»

¹ См. Meillet, «Caractères généraux des langues germaniques», стр. 19—20, 74. Аналогичное воззрение высказывает проф. Д. В. Б у б р и х, который ссылаясь на консонантизм, ударение и словарь, допускает, что «прагерманская речь есть индоевропейская речь, привитая народности, пользовавшейся речью финноугорского происхождения» (см. изд. Ак. Наук «Финноугорский сборник», 1928, его статью «Финноугорское языкознание в СССР», в сноске 2, стр. 126—127).

согласных). Уже при новом корневом ударении происходило «второе» передвижение согласных, «Umlaut» и дифтонгизация [ī], [ū], [ü]. Новый тип ударения, закрепленный за корнем слова, как постоянным местом, влиял на ослабление и сокращение гласных в концевой части слов, что способствовало падению окончаний и развитию так называемого анализизма, особенно в английском (об этом будет идти речь в морфологии).

Указывавшееся нами по отношению к немецкому языку последовательное распространение ряда звуковых явлений с различных исходных пунктов, создавшее в языке сложную диалектальную комбинацию их с различиями по интенсивности, может быть представлено в следующей схеме с указанием первоначальной хронологической даты:

Консонантизм

Чтобы получить более ясное представление об особенностях консонантизма современных германских языков, необходимо проследить за их развитием, сопоставляя последнее с данными других индоевропейских языков. Эти данные позволяют установить наличие древней системы согласных, представленной полнее всего в древнеиндийском языке (санскрите)¹, богатой смычно-взрывными разных мест

¹ В некоторых современных популяризирующих лингвистических статьях не-лингвистов встречаются неосновательные выпады против

артикуляции и бедной фрикативными (только [s], [v] и [j]). Древняя система смычно-взрывных согласных представляется в следующем виде:

		Глухие (<i>tenuēs</i>)	Звонкие (<i>mediae</i>)	Звонкие придых. (<i>mediae aspiratae</i>)
По различию места артикуляции	Губные	p	b	bb
	Переднеязычные .	t	d	dh
	Заднеязычные не- глубокие	k	g	gh
	Заднеязычные глу- бокие (лабиали- зованные) . . .	k ^w	g ^w	g ^{wh} ¹

В истории германских языков эта система смычных согласных испытала сильные изменения, получившие у немецких ученых наименование «Lautverschiebung» (передвижение, перебой согласных звуков) и варьирующие в зависимости от положения в слове (начало, середина, конец) и некоторых других условий. При своем рассмотрении мы будем брать примеры из современных германских языков — сначала для звонких (*mediae*) в последовательном ряде артикуляционных мест, затем для глухих (*tenuēs*) и, наконец, для звонких придыхательных (*mediae aspiratae*) и при том в начале слов, так как это положение является

допущения индоевропейского праязыка, иногда даже отождествляемого и смешиваемого с первоначальным праязыком всех языковых групп. Индоевропейский праязык воссоздается по строгому методу путем сравнения языков соответствующей группы, подобно тому, как это делается по отношению к языкам других групп (семитским, тюркским и пр.).

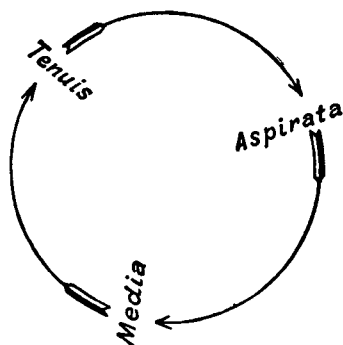
¹ В зависимости от лабиализации, соответствующая заднеязычная артикуляция имеет более глубокое положение.

более свободным от влияния других моментов. Самые изменения, первоначально указанные знаменитым датским лингвистом Р а с к о м еще в 1818 г., а в 1822 г. немецким лингвистом Яковом Г р и м м о м, состоят в следующем:

1) первоначальные звонкие смычные согласные (*mediae*), сохранив смычный характер артикуляции, утратили сонорность или звучание гортани (голосовой тон) и таким образом перешли в глухие (*tenuis*): [**b*] > [*p*], [**d*] > [*t*], [**g*] > [*k*];

2) первоначальные глухие смычные (*fenuis*) удержали незвучное состояние гортани, но смычную артикуляцию изменили в фрикативное сужение: [*p*] > [*f*], [*t*] > [*θ*], [*k*] > [*h*];

3) звонкие придыхательные (*mediae aspiratae*) утратили аспирацию и преобразовались в простые звонкие смычные (*mediae*): [**bh*] > [*b*], [**dh*] > [*d*], [**gh*] > [*g*]¹. Эти перемены для наглядности иллюстрируются иногда графически следующим передвижением по кругу:

¹ Кроме звонких придыхательных в индоевропейском языке предполагается существование еще и глухих придыхательных ([*ph*], [*th*], [*kh*], [*kʰh*]), но я их опускаю в виду их сравнительной редкости, причем в германских языках рефлексy их не отличаются от рефлексов простых смычных глухих согласных.

Приведем примеры этих передвижений, выставляя в самом начале родственное латинское слово для показа исходной фонемы.

- I) [*b] (для положения в начале слова нет достоверных примеров);
- [*d] (лат. *dentem* 'зуб' вин. пад. ед. ч.): англ. *tooth*, голл., швед., дат. *tand*; нем. *Zahn* ([t] > [z], как дальнейшее, второе, передвижение)¹;
- [*g] (лат. *genu* 'колени'): нем. *Knie*, англ. *knee*, голл. *knē*, швед. *knä*, дат. *Knæ*;
- [*g^{wh}] (лат. *vivus* 'живой', где начальное [v] из [gv]): нем. *quesk*, англ. *quick*, голл. *kwiek*, швед. *kvick*, дат. *qvik*.
- II) [*p] (лат. *pedem* 'ногу' вин. пад. ед. ч.): нем. *Fuß*, англ. *foot*, голл. *voet* ([v] < [f]), швед. *fot*, дат. *Fod*.
- [*t] (лат. *tres* 'три'): англ. *three* (произн. [θri:]), нем. *drei*, голл. *drie* (*ie* = [i]), швед., дат. *tre*.
- [*k] (лат. *centum*, где *c*=[k], 'сто'): нем. *hundert*, англ. *hundred*, голл. *honderd*, швед. *hundra*, дат. *hundrede*.
- [*k^w] (лат. *quod* 'что'): нем. *was* ([w] из [hw]), англ. *what*, голл. *wat*, швед. *vad*, дат. *hvad* (*hv*=*v*).

Примечание. При предшествующем фрикативном [s] первоначальные tenuis ([*p], [*t], [*k]) удержались от перехода во фрикативные благодаря тому, что произношение [s] с глухими

¹ В области согласных с переднеязычной артикуляцией (наиболее подвижная часть языка) немецкий (под которым понимаем верхненемецкий) пошел дальше по сравнению с другими германскими языками, почему это дальнейшее изменение, уже специально верхненемецкое, называют «вторым» передвижением согласных, в отличие от общего всем германским языкам или «первого».

смычными легче, чем с соответствующими глухими фрикативными, но само [s] в этом случае перешло в немецком в шипящий. Примеры:

[*sp] (лат. *spuere* 'плевать'): нем. *speien*, англ. *to spew*, голл. *spuwen*, швед. *spotta*, дат. *spytte*.

[*st] (лат. *stare* 'стоять'): нем. *stehen*, англ. *to stand*, голл. *staan*, швед. *stå*, дат. *stå*.

[*sk]: нем. *scheinen* 'сиять', 'казаться', англ. *to shine*, голл. *schijnen*, швед. *skina*, дат. *skinne*¹.

III) [*bh] (санскр. *bhurja*² род березы): нем. *Birke*, англ. *birch*, голл. *berk*, швед. *björk*, дат. *Birk*.

[*dh]: нем. *Tier* 'зверь', англ. *deer* (произн. [diə]) 'олень', голл. *deer*, швед. *djur* (*d* не произн.), дат. *Dyr*³.

[*gh]: (лат. *anser* из *hanser*): нем. *Gans*, англ. *goose*, голл. *gans*, швед. *gås*, дат. *Gass*⁴.

От положения согласных в начале слова перейдем к положению внутри слова между гласными, причем будем иметь в виду первоначальные tenues, т. е. [*p], [*t], [*k], так как только в этой категории встречаем отступление, состоящее в том, что в данном положении (внутри слова между гласными) первоначальные глухие смычные частью отражаются аналогично начальным, а частью в виде звонких. Основание для такого различия рефлексов было указано датским лингвистом Вернером (так называемый закон Вернера), а именно: первоначальные tenues отражаются внутри слова между гласными аналогично с начальными лишь в том случае, когда слог, непосредственно предшествующий или начальный, имел на себе древ-

¹ В северной ветви германских языков [sk] продолжает свою устойчивость, но в немецком и английском изменилось в [ʃ], обозначаемое в англ. орфографии через *sh*, в нем. *sch*.

² Для выявления исходной фонемы [*bh] берем слово из санскрита, где звонкие придыхательные ясно сохранились.

³ Немецкое [t] (*Tier*) представляет дальнейшее, или «второе», передвижение по отношению к [d] других германских языков. Соответствующее слово отсутствует в санскрите; аналогичные рефлексы имеем, например, для санскритского корня *dhā-* 'клась', 'делать': нем. *t(h)un*, англ. *to do*, голл. *doen*.

⁴ Надежных примеров для [g^wh] не имеется.

нее (индоевропейское) ударение, в случае же отсутствия на нем древнего ударения глухие германские фрикативные изменились в звонкие [f], [θ], [x] > [β], [ð], [ɣ]¹. Эта двойственность отражения коснулась и рефлексов первоначальных звонких придыхательных (*mediae aspiratae*) внутри слова между гласными в виде глухих или же звонких фрикативных, в зависимости от места древнего ударения в слове, так что все последующие изменения этой категории согласных в данном положении совершались совместно с рефлексами первоначальных глухих смычных (*tenues*)², но эта двойственность отсутствует при предшествующих носовых, когда получают одинаково [mb], [nd], [ng] без какого-либо отношения к месту древнего ударения; кроме того, группы [*sp], [*st], [*sk], устойчивые в начале слова, сохраняют устойчивость и внутри слова между гласными, ускользая, таким образом, от действия закона Вернера. Закон Вернера опирается на большой ряд примеров, но мы ограничимся одним-двумя примерами:

[*k] (лат. *dūco* из **deuco* 'веду'): нем. *ziehe* 'тащу', 3-е л. ед. ч. Imperf. *zog* (др.-вхн. *zoh*, с утратой конечного гласного) || 3-е л. мн. ч. Imperf. *zogen* (др.-вхн. *zugun*).

Как видим, древне-верхненемецкий представляет в имперфекте («прошедшее минувшее») разницу в рефлексе первоначального [*k] в ед. и мн. числе: в ед. числе, где древнее ударение было на начальном слоге, рефлекс имеется в виде глухого спиранта [h], а во мн. числе, где древнее ударение приходилось на дальнейший слог, [*k] отражается в виде звонкого согласного [g]³; но в современном языке это различие действием аналогии устранилось, и в обоих числах утвердилось [g], разница же в рефлексе

¹ Во всех современных германских языках ударение закрепилось за начальным слогом корня, очевидно, еще до выделения отдельных германских языков, следовательно передвижение согласных, общее в германском языковом мире, или «первое» (по закону Гримма), происходило в предшествующие эпохи, примыкавшие к состоянию ударения свободного по месту в слове, а не связанного (первоначальное ударение определяется на основании санскрита и отчасти древнегреческого).

² См. Непугу, цит. соч., стр. 107 (§ 53).

³ Указываемая разница в месте древнего ударения находит подтверждение в санскрите.

проявляется между наст. временем ([h]) и имперфектом ([g])¹. При предшествующем носовом согласном рефлекс первоначальных глухих смычно-взрывных (*tenues*) дает во всех случаях звонкий взрывной (*media*), что могло содействовать появлению однообразия и в случаях не после носовых. Примеры однообразия после носовых: нем. *singe* 'пою' — *sang, sangen* (прич. прош. *gesungen*), *finde* 'нахожу' — *fand, fanden* (*gefunden*) и т. п.²

Примечание. Швейцарский лингвист Ф. де Соссюр в формулировку закона Вернера внес поправку, а именно, что в общегерманском (как и в латинском) глухой фрикативный в положении между гласными проявлял тенденцию к озвончению, помешать которому могло лишь стоящее на предшествующем гласном ударение, так что ударение играет роль не производящей причины, а препятствия³. Мне кажется, что и эта формулировка не является безупречной. Дело в том, что в послеударном слоге гласный имел тенденцию к ослаблению и даже (после глухого согласного) к приглушению, а в связи с этим, естественно, сочетающийся с ним глухой фрикативный сохраняется глухим; но когда этот внутренний гласный имеет на себе ударение, то сочетающийся с ним междугласный фрикативный, естественно, мог озвончиться и озвончился; таким образом, вопрос сводится к антропофоническому строению слова в общегерманском, к различию в слове по силе и сонорности во внутреннем слоге гласного в положении заударном и под ударением, что и обусловило различие в отражении междугласного глухого фрикативного в том и другом случае. Сказанное о двух положениях глухого фрикативного или спиранта можно представить в следующей формуле: **V = Vocalis, S = Spirans** (фрикативный), **at = atona** (глухой), **ton = tonans** (звонкий), **imm = immutabile** (не изменяется), вертикальная черта обозначает деление на слоги:

I		II
v̇	Satv	v
	↓	↓
	imm	Ston

Здесь же нужно отметить, что закон Вернера охватывает и первичный фрикативный [s], который между гласными озвончился, а во втором положении, т. е. в слоге под ударением, изменился в [r], ср. нем. *kiese* 'избираю' || *kor, koren* (имперф.), *gekoren* (прич.). Попутно возникает

¹ Ср. Henry, цит. соч., стр. 111 (§ 55), Meillet, «*Caractères généraux*», стр. 50—51.

² Примеры из других германских языков будут даны в морфологии.

³ См. «Курс общей лингвистики», перев. под ред. Р. О. Шор, стр. 138.

вопрос, как объяснить, что в современном немецком, в отличие от прочих германских языков, начальное [s] перед гласным произносится как [z], т. е. озвончилось, напр. Sonne 'солнце', sehen 'видеть' и т. д. Я вижу в этом озвончении в немецком языке новое проявление той же тенденции, которая лежит в основе общегерманского закона Вернера, но в эпоху уже нового, корневого, типа ударения на начальном слоге в немецком. При этом в именах и глаголах начальное [s], принадлежавшее теперь всегда ударному слогу, могло иметь перед собою артикль, гесп. личное местоимение, оканчивавшееся гласным или вообще сонорным звуком и энклитически примыкавшее в одном случае к имени, а в другом к глаголу, и таким образом начальное [s] оказывалось между гласными и в то же время принадлежащим ударному слогу, почему и испытало озвончение; ср. die Sonne 'солнце', sie sehen 'они видят' и т. д.¹

Из приведенных ранее примеров для передвижения согласных можно было усмотреть отступления по отношению к рефлексам (отражениям) первоначальных смычных переднеязычных, представляемые верхненемецкою группою, напр. [*d]: англ. tooth ≠ нем. Zahn; [*t]: англ. three ≠ нем. drei; [*dh]: англ. deer ≠ нем. Tier. С английскими рефlekсами однородны рефlekсы и прочих германских языков, в том числе нижненемецких, откуда следует, что верхненемецкие рефlekсы представляют уже дальнейшую фазу, именуемую «вторым» передвижением согласных. Эти новые изменения зафиксированы уже в древнейших верхненемецких памятниках, затрагивая и слова, заимствованные из латинского, как, например, др.-вхн. tisc 'стол', 'блюдо' (соврем. Tisch 'стол') из лат. discus 'блюдо', при англ. dish 'блюдо', голл. disch 'стол', дат. и швед. disk 'прилавок'. Это специально верхненемецкое или так называемое «второе» передвижение смычных согласных категории переднеязычных началось в VI веке в лангобардской верхней (северной) Италии и отсюда перебралось через Альпы в немецкую область. Распространяясь по ней, оно не затронуло диалекты нижней, или северной, Германии («нижненемецкие»), по отношению к которым представляет таким образом разграничительную линию.

¹ Ср. Meillet, «Caractères généraux», стр. 53—54.

ИЗ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Имя существительное

В существительных имеются грамматические категории рода, числа и падежа, которые в ходе развития германских языков, как и остальных родственных, идут на убыль: три грамматических рода уменьшаются до двух (в скандинавской ветви) и даже до полной потери (в английском); двойственное число утратилось, и осталось только единственное и множественное число (уменьшение конкретизации и индивидуализации) как в имени, так и в глаголе¹, и здесь достигнут предельный минимум; падежная флексия окончаний тоже убывает, доходя до полной утраты (в английском). Эта последняя потеря возмещается, однако, через развитие препозиционной флексии, тогда как убыль в первых двух грамматических категориях уже не компенсируется.

Как и в романских языках, в германских языках при существительных сформировался «член» (артикл) в двух видах — определенный и неопределенный артикл, с отличием при этом между западно-германскою группою и северо-германскою (или скандинавскою). В западно-герман-

¹ В истории индоевропейских языков этот процесс охватил почти все языки и притом уже в историческое время и, следовательно, самостоятельно в каждой ветви, а это свидетельствует о естественности и необходимости процесса. Общность процесса в имени — как подлежащем — и глаголе — как сказуемом — вызывается необходимостью согласованности сказуемого с подлежащим: не может сказуемое ставиться в двойственном числе при утрате соответствующей формы в подлежащем. Из всех индоевропейских языков двойственное число удерживается еще в части славянских (из других языковых групп оно известно в семитских и хамитских языках).

ской группе имеем: в немецком языке им. пад. ед. ч. *der* (м.), *die* (ж.), *das* (ср.) — определенный артикль, получившийся (через понижение знаменательности) из указательного местоимения, и *ein*, *eine*, *ein* — артикль неопределенный, источником которого послужило (через понижение знаменательности) числительное «один»; в голландском им. пад. ед. ч. *de* (м. и ж.), *het* (ср.) — определенный артикль, и *een* (м. и ср.), *eene* (ж.) — неопределенный; в английском без различия рода *the* — определенный артикль, а *a* и *an* — неопределенный. Во всех приведенных случаях артикль предшествует существительному. Северные языки — датский и шведский — отличаются как по виду артикля, так и по месту его. В датском определенный и неопределенный артикль по своему виду совпадают — *en* (м. и ж.), *et* (ср.), но различаются по положению (месту) относительно существительного; так, например, существительные *Mand* ‘человек’, ‘муж’, *Barn* ‘дитя’ с определенным артиклем будут *Manden*, *Barnet*, а с неопределенным — *en Mand*, *et Barn*¹, причем если существительное оканчивается гласным [e], то определенный артикль теряет свой гласный, ср. для слова *Kone* ‘женщина’, ‘жена’ — *Konen* (с опред. артиклем || *en Kone* (неопр.)). Кроме того, в датском имеется еще другой определенный артикль при более частном определении существительного *den* (м., ж.), *det* (ср.), ставящийся впереди и применяющийся в тех случаях, когда существительное определено еще прилагательным, напр., *den lyse*² *Dag* ‘ясный день’. Аналогичное положение вещей представляет шведский язык, напр. *dag* ‘день’ — *dagen* (опред.) || *en dag* (неопр.), *barn* ‘дитя’ — *barnet* (опред.) || *ett barn* (неопр.); *den flitiga flickan* ‘прилежная девушка’ (в шведском поставленный перед прилагательным определенный артикль употребляется одновременно с постпозиционным), *det goda barnet* ‘доброе дитя’. Неопределенный артикль не имеет множественного числа в германских

¹ Из славянских языков болгарский, а из романских румынский, развили постпозитивный артикль, объясняемый иноязычным влиянием; возможно аналогичное объяснение и по отношению к постпозитивности артикля в скандинавских языках влиянием финноугорской языковой группы (ср. также северно-русские народные говоры).

² Прилагательное *lys* с присоединенным еще окончанием *e* после артикля *den*.

языках, так что существительное употребляется тогда во множественном числе одно, без артикля.

Переходим к обзору с к л о н е н и я в германских языках. Древний флексийный тип склонения в них сильно редуцировался на пути видоизменения в тип аналитический или препозиционный. Наиболее стойкими в этом отношении являются языки немецкий и голландский, с которых и начнем свое рассмотрение, перейдя затем к другим.

Немецкий язык. В нем, как и в языке-предке, склонение мужского и среднего рода представляет значительную одинаковость; кроме того, в немецком склонение мужского и среднего рода в единственном числе имеет больше флексийных отличий по падежам сравнительно со склонением женского рода. В нем в общем находим четыре падежа, отличающиеся частью морфологически (по форме самого слова), частью синтаксически (по смыслу предложения и, кроме того, через присоединяющийся артикль, представляющий некоторые отличия в своих падежных формах от именных и тем помогающий определению падежа). Например, от существительного Tag (м. р.) 'день' форма Tage может представлять дат. пад. ед. ч. и им., вин., род. пад. мн. ч., но при артикле совпадение почти устранено: дат. пад. ед. ч. dem Tage, род. пад. мн. ч. der Tage, им. и вин. пад. мн. ч. die Tage (здесь различие синтаксическое). Такому же различению содействует прилагательное при употреблении существительного без артикля: дат. пад. ед. ч. gutem Tage, род. пад. мн. ч. guter Tage, им. и вин. пад. мн. ч. gute Tage; но при нали ии артикля прилагательное почти совершенно униформируется по форме (напр., род. пад. ед. ч. des guten Tages, дат. пад. ед. ч. dem guten Tage, им. пад. мн. ч. die guten Tage и т. д.) лишь в им. пад. ед. ч. оканчиваясь на *-e*, а в остальных падежах на *-en* после согласных и *-n* после гласных и притом для всех родов¹, и тогда главная различительная роль для падежей опять принадлежит артиклю. Для передачи всех остальных падежных оттенков значения в немецком служат п р е д л о г и

¹ Такое склонение прилагательных называется в грамматиках «слабым» и к нему принадлежат также существительные м. р., оканчивающиеся на *-e*, напр., Knabe 'мальчик', Hase 'заяц' и некоторые другие.

и предложные наречия, сочетающиеся соответственным образом с формой вин., дат. и род. падежей.

Таким образом, в немецком языке удержалось различие троякого грамматического рода, но сократилась область падежных окончаний при расширении применения предлогов и предложных частиц, в чем можно видеть начальные шаги перехода к аналитизму в склонении. Мы остановимся теперь на грамматической категории *числа* — на типах перехода от формы им. пад. ед. ч. к соответствующей форме мн. числа, напр.: *der Tag* 'день' || *die Tage* 'дни', *die Frau* 'жена' || *die Frauen* 'жены', *das Kind* 'дитя' || *die Kinder* 'дети'.

Окончание им. пад. мн. ч. *-e* в таких случаях, как *Tage* 'дни', развилось фонетически: ср. гот. *dag-ōs*, в немецком же окончание *-ōs* сократилось, дав др.-вхн. *-ā*, а затем через стадию *-ā* перешло в *-e* еще в средне-верхне-немецком.

Окончания им. пад. мн. ч. *-er* и *-en* представляют полное своеобразие по своему происхождению, как продукт особого «морфологического переразложения», связанного с переходом старых суффиксальных элементов в функцию признака множественного числа. Слог *-er-* того же происхождения, как *gen-er-is* в латинском (род. пад. ед. ч. 'рода') от существительного *gen-us* (из **gen-os*) ср. р.; причем как в латинском, так и в немецком [г] произошло из [s] в положении между гласными; но в происшедших из латинского романских языках суффиксальная морфема *-er-* сплотилась с корневой морфемой в одно целое через опрощение (ср. ит. *genere*, франц. *genre*), тогда как в немецком эта морфема перешла в функцию признака для множественного числа сначала в существительных того же типа, напр., *Kalb* 'теленки' || *Kälber* (при др.-вхн. *kalb* || *kelbir*, из **yalb-az* || *yalb-iz-ō*)¹, а потом путем аналогии переходил и в другие типы. Подобным образом и окончание мн. числа *-en* первоначально было суффиксальным элементом (ср. лат. *homo* 'человек' || *hom-in-es* 'люди'), а затем

¹ Интересен дат. пад. мн. ч. нем. *Kälber-n*, где видим суф. мн. ч. *-er-* и к нему присоединен признак падежа *-n*, т. е. получился состав формы, вполне аналогичный с тюркским; подобным образом дат. пад. мн. ч. *Tag-e-n* 'дням'.

изменилось в признак множественного числа с переходом путем аналогии и в другие типы.

Распределение окончаний мн. ч. *-e*, *-er*, *-en* по типам существительных в немецком усложнено еще тем, что корневой гласный не-переднего ряда в одних именах удерживается и во мн. числе, тогда как в других во мн. числе имеем перегласовку (так наз. Umlaut — «перезвук»), так что в этом случае признаком мн. числа является не только окончание, но и перемена корневого гласного. Перегласовка здесь имеет чисто фонетическое происхождение, когда следующий за корнем слог содержал гласный [i] ([i] Umlaut или обыкновенно просто Umlaut), напр. Gast 'гость' || Gäste 'гости' (др.-вхн. gast || gesti, ср.-вхн. gast || geste, но гот. gasts || gasteis, где орф. *ei* = [i]); однако затем фонетическая по происхождению перемена (распространение палатальной артикуляции на предшествующий гласный) получает морфологическое значение, как составная часть морфологического признака мн. числа.

В германских языках происходило еще ранее морфологическое переразложение в гласных склонениях (а также и в спряжении), подобно другим индоевропейским языкам, путем перехода так наз. «тематических» гласных от основы к окончанию, — процесс, впервые установленный проф. И. А. Бодуэном де Куртене и формулированный им как «сокращение основ в пользу окончаний». Об этом процессе в германских языках позволяют судить их древнейшие памятники, где еще застаем рефлексы тематических гласных; ср., например, им. пад. ед. ч. рунич. dagak (< *ōz) 'день', вин. пад. мн. ч. готский dagans (< *ōns) и др. Фонетические перемены конца слов в германском коснулись и тематических гласных, благоприятствуя сокращению гласных основ; но и в эпоху незатронутости тематических гласных фонетическими процессами эти гласные в морфологическом отношении более сплавивались с окончаниями, нежели с корневым слогом, так как одно и то же окончание в речи повторялось чаще, чем тот или другой корневой комплекс¹.

¹ Что касается происхождения самих «тематических» гласных, то уже давно высказывалось мнение, что они некогда были самостоятельными словами, с оговоркою при этом, что самый процесс развития остается не разъясненным. Со своей стороны замечу, что воз-

Голландский язык, при значительном сходстве с верхненемецким в области склонения существительных, представляет и некоторые особенности (помимо чисто фонетических). Подобно немецкому, в существительных м. и ср. рода в ед. числе выделяется род. пад. с окончанием *-es* или *-s*, при одинаковости остальных, а в ж. роде через все ед. число проходит одна и та же форма; во мн. числе во всех родах отличается один дат. падеж с окончанием *-en*.

Мн. число существительных, в отличие от немецкого, имеет признак *-s*, хотя наряду с ним также *-en*, а в старом языке в словах ср. рода окончание *-er*, которое затем распространилось через прибавку *-s* или *-en*, напр. *kind* 'дитя' — *kinders* или *kinderen*.

Кроме приведенного типа склонения слов м. и ср. рода, которому следует большинство существительных и которое называется «сильным», в голландском — подобно немецкому — имеется небольшая группа существительных «слабого» склонения с окончанием *-en* в род. пад. ед. ч. и во всем мн. числе, напр. *mensch* (м. р.) 'человек' — *menschen*, *hart* (ср. р.) 'сердце' (нем. *Herz*) — *harten*. Прилагательные при наличии определенного артикля, как и в немецком, склоняются по «слабому» склонению, причем в разговорном языке конечное *-n* в безударном окончании *-en* пропадает.

Необходимо еще указать на образование род. и дат. падежей обоих чисел по романскому типу, но с помощью германских предлогов *van* (нем. *von*) для родительного и *aan* для дательного, напр. от слова *vader* 'отец' (нем. *Vater*):

можно и иное понимание, именно: в общем, с тематическими гласными (соединительными морфемами) не связано определенного оттенка значения, но такие гласные входят в состав первичных односложных местоименных корней прилагательного типа, заканчивая эти корни, и от них уже могли перейти на имя при сочетании с последним (род конгруэнции); в таком случае так наз. «тематические» гласные никогда не были не только самостоятельными словами, но не имели и особого первично-суффиксального значения; во всяком случае, указываемую возможность нельзя игнорировать. Но при том и другом предположении требует объяснения наличность тематических [ɛ] || [ɔ] как в имени, так и в глаголе, быть может как древнейший слой эпохи имени-глагола.

По немецкому типу:

По романскому типу:

Ед. ч.	Им.	de vader	de vader
	Род.	des vaders	van den vader
	Дат.	den vader	aan den vader
	Вин.	den vader	den vader
Мн. ч.	Им.	de vaders	de vaders
	Род.	de vaders	van de vaders
	Дат.	den vaderen	aan de vaders
	Вин.	de vaders	de vaders

Распространение романского типа шло из германской части Бельгии с равноправием там обоих языков — французского и фламандского; этот тип применяется в голландском с предшествующим артиклем или другим определительным словом, напр. *het spel van het kind* 'игра ребенка', *de smaak van goeden wijn* 'вкус хорошего вина'.

Что касается распределения существительных по родам, то таковое в общем стоит в полном согласии с немецким, только категория слов среднего рода в голландском больше, чем в немецком, напр. голл. *het stof* ≠ нем. *der Staub* 'пыль', голл. *het krijt* ≠ нем. *die Kreide* 'мел' и т. п.

Английский язык представляет в склонении существительных максимум упрощения — утрата грамматического рода¹ в связи с утратой конечной флексии, заменившейся препозиционной, так что при склонении к существительному однообразного вида присоединяются спереди предлоги *of* (≠ нем. *ab*) для род. падежа и *to* (≠ нем. *zu*) для дательного². Между тем англо-саксонский еще удер-

¹ Различие, однако, существует в местоимении 3-го л.: *he* 'он' — для лиц м. р., *she* 'она' — для лиц ж. р., названия же неодушевленных предметов составляют особую категорию ср. рода с особой для них указательной местоименной формой *it*. Таким образом, родовое формальное различие в существительных уже стерлось, но некоторые формальные различия продолжают проявляться в категории местоимений указательных, а также вопросительных и относительных.

² Северно-германские языки пользуются для образования соответствующих падежей предлогами: в датском предлог *af* — для родительного — и *til* — для дательного; в шведском, сохраняющем окончание *-s* для род. пад., используется предлог *åt* для дательного; ср. выше склонение романского типа в голландском.

живал старую концевую флексию с различием для ед. и мн. числа. Множественное число существительных образуется постоянным признаком *-s* [s, z], хотя последний в англосаксонском удерживался лишь меньшинством существительных, большинство же по фонетическим причинам (безударность) утрачивало его. Восстановление данного окончания в английском произошло под влиянием французского языка, получившего с XII века широкое распространение в Англии, причем признак *-s* мн. числа французских существительных стал общим и в природных английских существительных; отступления представляют такие пережитки, как *foot* 'нога' с мн. ч. *feet* или *ox* 'бык' с мн. ч. *oxen*, *child* 'дитя' — *child-r-en* и некоторые другие.

Из старых англо-саксонских падежных окончаний в английском в качестве пережитка сохранилось окончание род. падежа *-s* (так наз. родительный англо-саксонский) для обозначения принадлежности в названиях одушевленных предметов, обычно в личных именах, напр. *my father's house* 'дом моего отца', *my children's house* 'дом моих детей', причем такой родительный предшествует названию обладаемого предмета (в орфографии окончание *-s* отделяется апострофом от своего имени в отличие от такого же окончания *-s* в им. пад. мн. ч.), тогда как при передаче с помощью предлога *of* родительный следует за названием определяемого предмета, напр. *the streets of the town* 'улицы города'.

Датский язык. Склонение существительных в этом языке представляется значительно упрощенным по сравнению с немецким: два грамматических рода, два окончания для множественного числа и единственное окончание для родительного падежа. О грамматическом роде мы уже говорили в самом начале при рассмотрении артикля, — что в датском два рода: «о б щ и й» для мужского и женского в названиях предметов одушевленных и частью неодушевленных (напр. *Fader* 'отец', *Kone* 'женщина', *Dag* 'день') и средний — в названиях предметов неодушевленных (напр. *Hus* 'дом', *Ord* 'слово' и т. д., но и *Barn* 'дитя'). Для мн. числа служат признаки *-e* и

*-er*¹, без перегласовки и с перегласовкой (Umlaut), напр., Dag — Dage, Fader — Foedre, Kone — Koner, Hand 'рука' — Hænder и т. д.² При склонении существительное сохраняет свой вид — свою общую форму, применяющуюся в смысле падежей именительного (как подлежащее) и винительного (как прямое дополнение), в дательном (косвенное дополнение) с предшествующим предлогом *til*, а с помощью других предлогов и предложных частиц служащую для выражения всевозможных падежных оттенков; только один родительный падеж сохранил свое окончание *-es/-s*, распространившееся на все существительные независимо от того, взято ли существительное без артикля или же с артиклем, и притом в обоих родах и обоих числах. Для примера укажем вариации формы род. падежа для слова Kone:

Род. пад. ед. ч. Kone-s	(без артикля)
» » » » en Kone-s	(с неопр. артиклем)
» » » » Kone-n-s	(с опред. артиклем)
Род. пад. мн. ч. Kone-g-s	(без артикля)
» » » » Kone-g-ne-s	(с опред. артиклем) ³

Шведский язык. В нем склонение существительных аналогично датскому: при различии формы единственного и множественного числа, из падежей особое окончание имеется только в родительном: *-s*, применяющееся как для единственного, так и для множественного числа, причем во мн. числе оно следует непосредственно за признаком мн. числа, а при определенном артикле уже за этим последним; так, например, от слова *blomma* 'цветок':

¹ Звукосочетание *-en*, присоединяющееся к концу существительных, является определенным артиклем м. и ж. рода, сменяясь во мн. числе на *-ne*.

² Почти все существительные на *-e* оканчиваются во мн. числе на *-er*, причем гласный [e] окончания опускается, как это имеет место и в опред. артикле *-en*.

³ В этой форме *r* — признак мн. числа существительного, за ним следует определенный артикль в форме мн. числа и, наконец, окончание падежа *-s*. Неопределенный артикль не имеет множественного числа, и существительное ставится без артикля.

<i>Безчл. форма</i>	<i>Неопр. форма</i>	<i>Опред. форма</i>
	Ед. ч.	
Им. blomma	en blomma	blomma-n
Род. blomma-s	en blomma-s	blomma-n-s
	Мн. ч.	
Им. blomm-or	—	blomm-or-na
Род. blomm-or-s	—	blomm-or-na-s ¹

Другие падежные значения передаются с помощью соответствующих предлогов и предложных наречий, напр., для дат. падежа служит предлог *åt* 'к', для передачи русских предложных сочетаний с творит. падежом предлоги *av* 'с', *over* 'над' и пр.

Как видим, шведский язык, подобно датскому, представляет стадию, ушедшую более вперед (сравнительно с немецким) по пути аналитизма.

Говоря об именах существительных и отчасти прилагательных в германских языках, мы остановимся еще на одной весьма характерной черте в словообразовании и этих частей речи, именно на случаях древних словосложений, второй член которых, имевший первоначально полное собственное значение, перешел в суффиксальный тип. Этим путем зародился в германском языковом мире ряд суффиксов для существительных (напр. нем. *-heit*, *-tum*, *-schaft* и некоторые другие) и прилагательных (напр. нем. *-bar*, *-lich*, *-sam* и некоторые другие). Так, например, суф. *-heit*, служащий для производства существительных от прилагательных и не встречающийся в современном языке в качестве самостоятельного слова, известен как самостоятельное слово в древне-верхненемецком (также еще в средне-верхненемецком) и англо-саксонском со значением «качество, способ»; вполне понятно, что слово с таким значением часто применялось для образования словосло-

¹ Заслуживает внимания, что порядок следования придаточных морфем, как и в датском, вполне аналогичен тюркскому; ср. в татарском притяжательном склонении: им. пад. мн. ч. *bala-lar-ь* 'его дети' (*-lar* признак мн. ч., *ь* притяжательная частица, аналогичная определенному артиклю); род. пад. мн. ч. *bala-lar-ь-нъң* (*нъң* — окончание род. пад. мн. ч.); ср. выше с нем. дат. пад. мн. ч. *Kind-er-n*.

жений, фиксирующих опредмеченное качество чего-либо. Суф. *-lich* для производства прилагательных от существительных восходит к более древнему *lika* 'тело', так что первоначальное значение словосложения было «имеющий тело или образ чего-либо», т. е. сложение пассивного типа. Я не буду останавливаться на анализе всех таких суффиксов, отсылая читателя к книге Н е п г у и «Этимологическому словарю» Kluge, а приведу лишь несколько примеров из современных германских языков для а) существительных и б) прилагательных.

а) Суф. *-heit* и *-tum*: нем. *weise* 'мудрый' ↪ *Weisheit* 'мудрость' ≠ голл. *wijs* ↪ *wijsheid*; англ. *wise* ↪ *wisdom* ≠ шв. *vis* ↪ *visdom*.

Нем. *frei* 'свободный' ↪ *Freiheit* 'свобода'; англ. *free* ↪ *freedom*; дат. *fri* ↪ *Frihed* ≠ шв. *fri* ↪ *frihet*.

б) Суф. *-lich*: нем. *Glück* 'счастье' ↪ *glücklich* 'счастливый' ≠ голл. *geluk* ↪ *gelukkig* ≠ англ. *luck* ↪ *lucky* (из голл.) ≠ шв. *lycka* ↪ *lycklig* ≠ дат. *Lykke* ↪ *lykkelig* (слово считается перешедшим из немецкого в XIV веке).

Суф. *-bar*: нем. *Frucht* 'плод' (из лат. *fructus*) ↪ *fruchtbar* 'плодородный', 'плодоносный' ≠ голл. *vrucht* ↪ *vruchtbaar* ≠ англ. *fruit* ↪ *fruitful* (второй член сложения иной) ≠ шв. *frukt* ↪ *fruktbar* ≠ дат. *Frukt* ↪ *fruktbar*.

Суффиксы, получавшиеся (через понижение знаменательности) из полнозначных слов в сложениях, могли в отдельных языках расширять свою семантическую сторону и употребительность, равно как — наоборот — уменьшаться в применении и теряться. Так, суф. *-bar* ('-носный') в немецком в ряде случаев расширил свое первоначальное значение и видоизменил его, напр., *achtbar* 'достойный уважения', *furchtbar* 'страшный' и т. п.¹, что вполне по-

¹ Указываемый нами процесс понижения знаменательности вторых членов сложений с переходом в формальный элемент имеет задатки во всех индоевропейских языках (напр. греч. *εὐδής, φόρος*, лат. *-fer*, герм. *-bar*, арм. *-vor*, русск. *-видный* и т. п.); но лишь в германских языках он развился в такой широкой мере, в чем можно видеть как бы восполнение относительно слабого развития первичных суффиксов в германских языках, бросающегося в глаза при сравнении с русским языком, где первичные суффиксы значительно умножаются через наращение предшествующими морфологическими элементами; к тому же германские языки характеризуются сильной

нятно, так как словообразование тесно связано с социальной и культурно-бытовой жизнью народа, причем обычность того или другого нового явления может вызвать в речи говорящего коллектива также и развитие новых суффиксальных средств для ставших частыми или обычными семантических групп¹.

Понижение знаменательности первоначально-полнозначных слов, как вторых членов сложений, до роли суффиксов происходит благодаря тому, что сложения, при различии первого члена, имевшего основное материальное значение в сложении, содержали во второй части часто применявшийся, как бы постоянный, член сложения, который поэтому легко стал получать формальное значение и постепенно понизился в своей знаменательности до степени суффикса и вышел из употребления в качестве самостоятельного слова. Таким образом, процесс понижения знаменательности полнозначных слов до степени суффикса — процесс, базирующийся на семантическом моменте, — связан с неодинаковою повторяемостью в речи первого и второго члена в рассматриваемых словосложениях в связи с реальной обстановкою. Самые словосложения, как содержащие в себе момент словосочетания, находятся в некотором соотношении с членами предложения, так как организуются именно при высказывании предложений. Разница с членами предложения та, что слова, переходившие в суффиксы, имели синтаксический оттенок по отношению к главному члену сложения, тогда как члены предложения, благодаря своим флексийным элементам, получают соответствующий оттенок независимо от того, какие слова являются в роли данного члена предложения.

тенденцией к типу словосложений, который в современном языке расширяется на более и более сложные комбинации, тогда как в русском языке наблюдается расширение суффиксальное через наращение (советская эпоха внесла в язык особый новый тип технических словосложений — из сокращенных составных частей, — напр., Наркомпрос и т. п., дающий большую экономию времени, работы и писчего материала).

¹ Ср. для примера франц. суф. *-erie* в словах *lait-erie*, *chapell-erie*, *houlang-erie* и т. п., служащий для обозначения места, где приготавливается или продается тот или другой продукт, указываемый в производящем существительном, — весьма частная, но ставшая обычною в бытовой жизни коллектива семантическая группа.

Глагол

В глаголе, как и в имени существительном, в германских языках, подобно романским и другим индоевропейским, видим постепенное развитие аналитизма, состоящего в утрате конечной флексии с заменой в именах предлогами, а в глаголах — личными местоимениями и так наз. описательным спряжением, причем процесс разв­ертывался неравномерно на почве отдельных ветвей.

Утрачиванию конечной флексии способствовали:

а) переход от первоначально подвижного ударения к постоянному корневому на начальном слоге корневых слов, а затем к ударению на начальном слоге слов, сложенных с предлогом¹;

б) то, что конечный слог обычно содержал формальный элемент, значение которого нередко само собою выступает (независимо от его звукового выражения) из смысла фразы, а потому и в речи в этих случаях формальный слог может не иметь достаточной экспрессии, особенно если он еще и безударный²; здесь даже возможно усмотреть и первый толчок к развитию безударности конечных слогов.

В дальнейшем рассмотрении глагола в германских языках мы ограничимся, как и в романском отделе, настоящим временем, «имперфектом» и описательными формами, имея в виду лишь изъявительное наклонение, и начнем с немецкого языка, который представляет и здесь, по сравнению с другими германскими языками, ббльшую сохранность конечной флексии, но уже при обилии «описательных» (аналитических) форм.

¹ Подобного и иного рода преобразования ударения наблюдаются и в других индоевропейских языках, — вопрос, требующий специального исследования.

² Укажу на одну параллель в письме: при быстром писании начерно слова не дописываются там, где через это смысл все же остается ясным; но там, где это может вызвать неясность, соответствующие слова выписываются полностью (параллелизм между говорением и писанием). И вообще, в повседневном обыденном разговоре проявляются на каждом шагу экономия в выражениях и опущения; например, обращаясь к пишущему письмо, спрашивают: «Вы кому?» или просто — «Кому?» (т. е. пишете), и т. п.

Немецкий язык. В нем концевая флексия еще достаточно представлена: в ед. числе различаются по окончанию все три лица, но во мн. числе совпадают между собою 1-е и 3-е лица, а 2-е л. мн. ч. отчасти с 3-м л. ед. ч. (в вежливой форме 3-е л. мн. ч. применяется в обращении и ко 2-му л. ед. ч.), напр., *ich sage* 'я говорю', *du sagst*, *er sagt*, *wir sagen*, *ihr sagt*, *sie sagen*. При этом выделяются глаголы, именуемые в грамматике «сильными» и имеющие перегласовку (чередование) корневых гласных [a] и [o] и изменение [e] в [i], в отличие от прочих глаголов, не имеющих такого видоизменения и именуемых «слабыми», напр., *ich schlage* 'ударяю' || *du schlägst*, *ich stoße* 'толкаю' || *du stößest*, *ich spreche* 'говорю' || *du sprichst*, но *ich sage* || *du sagst*, *ich lobe* 'хваляю' || *du lobst*, *ich lebe* 'живу' || *du lebst*. Как и в склонении (напр. *Gast* || *Gäste*), перегласовка и здесь произошла под влиянием *i* следующего слога еще в древне-верхненемецком (ср. др.-вхн. 2-е л. ед. ч. *sprichis*, 3-е л. ед. ч. *sprichit*).

Голландский язык. Для ознакомления представлю пример голландского спряжения наст. времени параллельно с немецким от глаголов *hören* (нем.) 'слышать', 'слушать' ≠ *hooren* (голл.):

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>ich höre</i> ≠ <i>ik hoor</i>	<i>wir hören</i> ≠ <i>wij hooren</i>
2-е л. <i>du hörst</i> ≠ <i>gij hoort</i>	<i>ihr hört</i> ≠ <i>gij hoort</i>
3-е л. <i>er hört</i> ≠ <i>hij hoort</i>	<i>sie hören</i> ≠ <i>zij hooren</i>

Из примера видим близкое сходство спряжения настоящего времени в обоих языках, особенности же в голландском: фонетические — отсутствие перегласовки корневого гласного и утрата в 1-м л. ед. ч. конечного [e], морфолого-семантические — вытеснение формы 2-го л. ед. ч. соответствующею формою мн. числа, совпавшею в обоих языках с формою 3-го л. ед. ч.; совпадение в обоих языках произошло также между 1-м и 3-м л. мн. ч., после того как в 1-м л. мн. ч. конечное [ш] сменилось на [п], а в 3-м л. мн. ч. в окончании *-ent* утратилось конечное [t]. Кроме того, требует объяснения в немецком конечное [t] в окон-

чании 2-го лица ед. ч. наст. вр. *-st* на месте прежнего *-s* (напр., др. -вхн. *nim-i-s* 'ты берешь'), сходствующего с латинским *-s* (напр. *laud-a-s* 'ты хвалишь' и т. п.). Это новое [t] перешло сюда из 2-го л. ед. ч. древнего результативного перфекта так наз. «сильного» спряжения, рассматриваемого ниже, где это [t] отражало древнее окончание **-tha* и теперь присоединилось к основному окончанию *-s*¹. Аналогичным путем получилось окончание *-st* во 2-м л. ед. ч. наст. вр. также в английском.

Английский язык упростил спряжение настоящего времени до такой степени, что все лица имеют одну и ту же форму, одинаковую с неопр. формой, за исключением формы 3-го л. ед. ч., оканчивающейся на *-s*², так что различие между диалогическими лицами опирается исключительно на личное местоимение, играющее роль начальной (предшествующей) флексии (2-е л. ед. ч. замещается соответствующею формою мн. ч., удерживаясь со своим окончанием *-st* или *-est* лишь в поэзии и церковном языке). Так, от глагола *to love* 'любить':

Ед. ч. 1.	I love	2. thou lovest	3. he loves
Мн. ч.	we love	you love	they love

¹ Еще в древне-германском этот древний результативный перфект (т. е. прошедшее с результатом в настоящем), имевший свою систему окончаний, в том числе *-t* во 2-м л. ед. ч., стал смешиваться с древним аористом (прошедшим в прошлом) и получил аористическое значение, т. е. перешел в значение так наз. «имперфекта» по терминологии немецкой грамматики (что — как скажем в своем месте — вызвало восстановление категории результативного перфекта путем сложного образования с вспомогательным глаголом). Однако, некоторые глаголы «сильного» спряжения, со значением в этом времени особенно близким к настоящему времени, остались в стороне от этой перемены значения в древнем перфекте; таковы в др.-вхн. *weis-t* 'ты знаешь', *darf-t* 'ты имеешь надобность', 'тебе нужно', *mah-t* 'ты можешь' и некоторые другие. От этих глаголов, так наз. прошедше-настоящих (*praeterito-praesentia*), *-t* распространилось на 2-е л. ед. ч. наст. вр., присоединившись к его собственному признаку *-s*, откуда и получилось *-st*.

² Это [s] ([z]) в 3-м л. ед. ч. объясняется как акустическая замена прежнего межзубного фрикативного *-th* (при возможном содействии присутствия *-s* в окончании 2-го л. ед. ч.), еще существующего в церковном языке и поэзии и фонетически соответствующего нем. *-t* в 3-м л. ед. ч. того же времени.

Шведский и датский язык (пример от глагола швед. *älska* 'любить' ≠ дат. *elske*):

Ед. ч.		Мн. ч.	
1. jag älskar	≠ jeg elsker ¹	vi älska	≠ vi elske
2. du älskar	≠ du elsker	ni älsken	≠ i elske
3. han ² älskar	≠ han elsker	de älska	≠ de elske

Помимо легких фонетических различий (замена конечного [a] через [e] в датском) и различия в окончании 2-го л. мн. ч., где шведский удерживает окончание *-en*, наблюдается в остальном полная одинаковость спряжения, представляющегося весьма упрощенным — с различием в форме ед. и мн. ч. и с переднею местоименною флексией.

Прошедшее повествовательное историческое (имперфект)

В виду того, что в имперфекте «слабое» спряжение, в отличие от «сильного», является однообразным по сохранению того же корневого гласного, какой имеется в настоящем времени и неопределенной форме, мы и начнем с него.

а) Немецкий и голландский:

Ед. ч.		Мн. ч.	
ich hörte	≠ ik hoorde	wir hörten	≠ wij hoorden
du hörtest	≠ gij goordet	ihr hörtet	≠ gij hoordet
er hörte	≠ hij hoorde	sie hörten	≠ zij hoorden

б) Английский:

Ед. ч.	Мн. ч.
I loved	we loved
thou lovedst	you loved
he loved	they loved

¹ Признак [-r] заместил собою [*-z] из [*-s] во 2-м л. ед. ч., откуда распространился на 3-е л. ед. ч., а затем и на 1-е л. ед. ч.; такое же [-r] из [*-s] известно и в склонении, напр., рунич. им. пад. ед. ч. *dagak* 'день'.

² В 3-м л. ед. ч. местоимение выступает с различием по роду: швед. *han* (м.), *hon* (ж.), *det* (ср.) || дат. *han* (м.), *hun* (ж.), *det* (ср.). как вообще в германских языках (то же и в романских).

в) Шведский и датский:

Ед. ч.

Мн. ч.

jag älskade ≠ jeg elskede	vi älskade ≠ vi elskede
du älskade ≠ du elskede	ni älskaden ≠ i elskede
han älskade ≠ han elskede	de älskade ≠ de elskede

Здесь мы видим еще большую упрощенность спряжения по сравнению с настоящим временем, так как единственное число по форме глагола не отличается от множественного, и только шведский язык представляет удержание окончания *-en* во 2-м л. мн. ч.

В отличие от «слабого» имперфекта, «сильный» отражает древнее чередование вокализма в корне, уже указывавшееся в фонетике, и не имеет иного признака времени, напр. в нем. *ich schlage* || *ich schlug* (имперф.), *ich stoße* || *ich stieß*, *ich spreche* || *ich sprach*; при этом множественное число имперфекта имело редуцированный вокализм, как и причастие прош. страд., но это различие в германских языках, особенно в имперфекте мн. числа, уже значительно стерлось, хотя в неодинаковой степени и не одним и тем же путем. Причастие прош. страд. в сильном спряжении оканчивается на *-en* при редуцированном, корневом вокализме, тогда как слабые глаголы, оканчивающиеся в имперфекте в нем. на *-te* (*-ete* после согласных [d], [t] и некоторых групп согласных), в причастии прош. страд. оканчиваются на *-t* (*-et*).

Таким образом, в сильном спряжении имеется чередование (градация) корневых гласных между временами настоящим, имперфектом и причастием прош. страд., наблюдаемое во всех германских языках, хотя с теми или иными частными особенностями. Перейдем к примерам.

1) *ёС (наст.) || *ǣС (имперф.) || *ēС (прич.)¹

нем. <i>ich gebe</i> 'даю'		<i>ich gab</i>		<i>gegeben</i>
голл. <i>ik geef</i>		<i>ik gaf</i>		<i>gegeven</i>
англ. <i>I give</i>		<i>I gave</i>		<i>given</i>

¹ Слабая ступень в германском языке в данном чередовании не доходит до предела или нуля, так что причастие страд. оказывается по корневому вокализму одинаковым с наст. временем и неопр. формой.

дат.	jeg giver		jeg gav		given
швед.	jag giver (произн. [jivər])		jag gav		given

нем.	ich liege 'лежу'		ich lag		gelegen ¹
голл.	ik lig		ik lag		gelegen
англ.	I lie		I lay		lain
дат.	jeg ligger		jeg laa		ligget
швед.	jag ligger		jag låg		

2) *ei || *oi || *i

нем.	treibe		trieb		getrieben
голл.	drijf		dreef		gedreven
англ.	drive		drove		driven
дат.	driver		drev		dreven
швед.	driver		drev		driven

3) *eu || *ou || *u

нем.	gieße 'лью' ²		goß		gegossen
голл.	giet		goot		gegotten
дат.	gyder		gød		gydt
швед.	gjuter		göt		gjuten
нем.	ziehe 'тяну' ³		zog		gezogen
голл.	tieg		toog		getogen

4) *ǝLC || *ǝLC || *eLC или *LC

нем.	helfe 'помогаю'		half		geholfen
голл.	help		hielp		geholpen
англ.	help		helped, holp		helped ⁴ , holpen
дат.	hjælper		hjalp		hjulpen
швед.	hjälper		halp		hulpen

¹ Особенность вокализма в наст. времени с гласным [i] вызвана тем, что здесь суфф. не *-e-, но *-je-, причем это корневое [i] в немецком в открытом слоге удлинилось (орф. *ie*).

² Греч. χέω из χέωω. Сравнение в немецком *gieße* и ранее приведенного *liege* показывает возможность получения одинакового звука из разных источников (конвергенция).

³ Лат. *dūco* (из *deuco*).

⁴ Устаревшее *holp* сменилось на *helped*, — пример перехода глагола из сильного спряжения в слабое, как более однородное и простое, хотя причастие удержалось в старом виде.

5) *ѣNC	*ǫNC	* eNC или *NC
нем. finde 'нахожу'	fand	gefunden
англ. find	found	found
дат. finder	fandt	funden
швед. finner	fann	funnen

Рассматривая вышеприведенные примеры, мы видим, как путем аналогии в ходе времени происходит выравнивание различий по корневому гласному в сильном спряжении. Например, в немецком языке установилось однообразие гласного в обоих числах имперфекта путем морфологической ассимиляции (аналогии) по корневому гласному множественного числа к единственному, напр. *ich half* || *wir halfen*, в то время как шведский язык еще удерживает старое различие, именно во мн. числе имперфекта (как и в причастии) сохранил редуцированную ступень корневого вокализма — *jag halp* || *vi hulpo*. При согласованности в образовании имперфекта между датским и шведским языками сказывается, однако, то различие, что шведский удерживает древнее чередование по вокализму между ед. и мн. числом имперфекта (некогда вызванное различием места ударения в ед. и мн. числе) там, где датский язык путем аналогии уже стер это различие, ср. в датском *jeg fandt* 'я нашел' || *vi fandt* 'мы нашли', а в шведском *jag fann* || *vi funno*. Кроме того, устранение градации гласных, своеобразной по отдельным глаголам, устраняется еще, как указывалось, путем перехода глагола из сильного спряжения в слабое, — в английском. *I holp* 'я помог' сменилось на *I helped* в соответствии с наст. вр. *I help* и неопр. формой *to help*. «Аналогия» — фактор уодноображения морфологических систем в языке, стирание неодинаковостей, вызванных действием фонетических факторов.

Составные или описательные глагольные формы

Здесь мы переходим в область морфолого-синтаксическую. Как в существительном переход к аналитизму идет через развитие префиксального типа склонения, так в глаголе — через развитие описательных (перифрастических) форм при посредстве вспомогательных глаголов. Последние частью общие по отдельным германским

языкам, частью особые, а кроме того, есть еще вновь формирующиеся по требованию прогрессирующего хода мысли, так наз. полувспомогательные. Основные вспомогательные глаголы в действительном залоге изъявительного наклонения служат прежде всего для образования прошедшего результативного или перфекта¹ и будущего времени. Так, основными вспомогательными глаголами в немецком языке служат *haben* 'иметь' (при глаголах действительных или переходных), *sein* 'быть' (при глаголах средних или непереходных) и для будущего времени *werden* 'становиться' (при тех и других глаголах). По отношению к прош. времени историческому, как уже говорилось, в немецком служат флексийные формы «имперфекта», напр., *ich schrieb* (сильное спряжение) 'я писал', а соответствующее прошедшее результативное представлено сочетаниями *ich habe geschrieben*, *ich habe gemacht*, где вспомогательный глагол *haben* взят в форме наст. времени, а главный глагол — в форме причастия прош. страд., что легко понять из выражений с такими глагольными образованиями. Так, например, выражение *ich habe den Brief geschrieben* по первоначальному дословному смыслу значит 'я имею письмо написанным', где настоящее время 'имею' указывает на продолжение результата действия и в момент речи; но письмо могло писаться кем-либо другим, а я его только имею: значение, что письмо, которое имею написанным, мною и писано, обуславливалось системой —

ich schrieb || *ich habe geschrieben*;

употребление той и другой формы рядом вызывало и смысловое соответствие (в том и другом случае подлежащее 'я' является действующим лицом); но кроме того и форма *geschrieben* утратила в выражении страдательный смысл и получила смысл активный в сочетании с *habe*, эквивалентный к *ich schrieb*; первоначально же, как видно из готского и древне-верхненемецкого, причастие прош. страд.

¹ Так как древний результативный перфект принял в германской ветви значение «прошедшего повествовательного» (имперфекта), то он был восстановлен для значения результативности через сложную форму. Аналогичный процесс имел место также и в романских языках.

согласовалось с вин. падежом объекта в роде, числе и падеже (значит — перемена в новом языке в сторону упрощения¹). Вместе с тем, первоначальная предикативность причастия прош. страд. по отношению к прямому дополнению в современном языке отражается в положении причастия за прямым дополнением и отделённо от вспомогательного глагола: *ich habe den Brief geschrieben*, и это соотношение по месту удерживается и в придаточном предложении: *...weil ich den Brief geschrieben habe* 'потому что я написал письмо'. Здесь имеем синтаксическое «опрощение» сложной глагольной формы и синтаксическое переразложение, в силу которого вин. падеж относится уже не к *habe*, а ко всему соединению *habe geschrieben* и ближайшим образом к причастию. На приведенном примере видим, какую видную роль в немецком синтаксисе играет порядок слов в предложении, особенно по сравнению с русским языком с его значительной свободой в этом отношении. В то же время, немецкое определенное словорасположение в предложении имеет необходимое внутреннее обоснование: так, если простое предложение начинается дополнительным или обстоятельственным словом, то подлежащее уже не предшествует глаголу-сказуемому, а следует за ним, ср. напр. *ich ersehe aus Ihrer Schrift, daß...* 'я узнаю из вашего сочинения, что...' || *aus Ihrer Schrift ersehe ich, daß...*; перемена порядка на обратный (во втором случае) зависит от того, что дополнительный член в предложении относится к сказуемому, а не к подлежащему, а потому за таким дополнительным членом, начинающим предложение, следует связанный с ним глагол-сказуемое и уже затем подлежащее.

В глаголах с средним значением, или непереходных, для образования сложного результивного прошедшего в немецком языке применяется вспомогательный глагол *sein* 'быть' (с настоящим временем *ich bin* и пр.) с причастием прош. вр., напр., *ich fuhr* (прошедшее повествовательное или имперфект) 'я поехал' || *ich bin gefahren* (прош. результивное).

¹ В современном французском языке еще и теперь такое положение вещей сохраняется в таких придаточных предложениях с *que*, с подразумеваемым из предшествующего прямым дополнением, как: *le livre que j'ai écrit est envoyé* || *la lettre que j'ai écrite est envoyée*.

Для образования будущего времени в глаголах как действительного, так и среднего залога служит глагол *werden* (*ich werde* и пр.) 'становиться', 'стать', с неопр. формой главного глагола, напр. *ich werde geben* 'я дам', *ich werde fahren* 'я поеду', собственно — 'я буду (или) стану давать', 'я буду ехать' и т. п., причем из самых выражений обнаруживается и необходимость применения в этом случае при глаголе *werden* не причастия прош. страд., а неопределенной формы. Соединение же глагола *werden* с причастием прош. страд. служит для образования форм страдательного залога.

Приведем теперь примеры указанных сложных форм из германских языков:

Перфект: нем. *ich habe gehört* 'я слышал' \neq голл. *ik heb gehoord*¹; англ. *I have loved* 'я полюбил'; швед. *jag har älskat* 'я полюбил' \neq дат. *jeg har elsket*².

Будущее время: нем. *ich werde hören* 'я услышу' \neq голл. *ik zal hooren*; англ. *I shall love* 'я буду любить' (в других лицах вспомогательным глаголом служит *will*; по первоначальному смыслу *shall* выражает долженствование, а *will* — желание, но в данном сочетании с неопр. формой главного глагола они служат для передачи просто буд. времени); швед. *jag skall älska* 'я буду любить' \neq дат. *jeg skal (vil)elske*.

Страдательный залог (наст. врем.): нем. *ich werde geliebt* 'меня любят' \neq голл. *ik word bemind*; англ. *I am loved* 'я любим'; швед. *jag älskas* 'я любим' или описательно — *jag bliver älskad* \neq дат. *jeg elskes* или *jeg bliver elsket*³.

¹ Еще пример: нем. *ich habe geschrieben* 'я написал' \neq голл. *ik heb geschreven* (от глагола нем. *schreiben* 'писать' \neq голл. *schrijven*; имперф. нем. *ich schrieb* \neq голл. *ik schreef*).

² При этом форма причастия в шведском и датском не всегда соответствует немецкой, ср. нем. *ich habe gesehen* \neq дат. *jeg har set* 'я видел'.

³ В страдательном залоге в шведском и датском конечное -г действительного залога сменяется на -s, и, кроме того, применяются сложные формы с глаголом *bliva* (швед.), *blive* (дат.) 'становиться', 'стать'.

В основе описательных глагольных форм в германских языках, как и в романских, лежит разложение глагольного значения на общее (вспомогательный глагол) и специальное (основной глагол), причем флексийный центр переходит на переднюю часть, состоящую из местоимения и вспомогательного глагола, а специальный глагол служит для указания самого действия. В связи с этим можно отметить в английском фонетические сокращения в передней или вспомогательной части сложного образования, именно во вспомогательном глаголе, представляющем собою формальный элемент¹, напр. I have got 'у меня есть' = [aivgɒt], you have washed 'вы умылись' = [ju v wɒʃt] и т. д. Здесь имеем параллелизм к передней флексии в имени, ср. в нем. zum 'к' вместо zu dem и т. п., или в романских языках — франц. du вместо de le, au вместо à le, и пр., а эта аналогичность передней флексии глагола и имени указывает на однородность хода языковой мысли при развитии аналитизма в том и другом случае — в глаголе и имени.

В заключение мы остановимся еще на одном характерном явлении германских языков, состоящем в отделении префикса в сложных глаголах. Хотя такие случаи известны из ведийского, древнегреческого (Гомера) и древнелатинского, но только в германской языковой области это явление развилось в систему. Возьмем примеры из немецкого языка (примеры отделения префикса от своего глагола в других германских языках см. выше — в соответствующих комментированных текстах): сложный глагол *unterziehen* 'надевать' (под что-либо, под низ) образует настоящее время в виде *ich ziehe unter*, имперфект — *ich zog unter*, причастие прош. страд. — *untergezogen*. При этом отделяемый префикс неизменно имеет на себе главное ударение, а самый глагол — только второстепенное. Момент полной ударности является существенным для отделяемого префикса, который таким путем

¹ Во французском формальный элемент глагола в некоторых случаях (напр. в будущем времени) стоит позади основного глагола, напр. *je donnerai* 'я дам', в связи с особенностью латинского языка, часто помещающего глагол-сказуемое в конце предложения; но и здесь вспомогательный глагол испытал во французском сильное звуковое изменение: франц. *ai* = лат. *habeo*.

сосредоточивает на себе главное внимание в слове и через это получает возможность быть особо поставленным. В самом деле, в том же глаголе, но с новым измененным значением «подвергать кого-нибудь чему-нибудь (напр., штрафу, аресту)» главное ударение падает уже на глагол, а не на префикс, так что префикс не получает своей выпуклости и особой знаменательности, а в связи с этим в данном случае не происходит и отделения префикса от своего глагола в настоящем времени и имперфекте: *ich unterziehe*, *ich unterzög*. Отметим разницу и в сложной форме перфекта между обоими глаголами: *ich habe úntergezögen* 'я надел под низ' || *ich habe unterzögen* 'я подверг (чему-либо)'; в первом случае в глаголе в форме причастия за префиксом следует частица *ge-*, а во втором случае эта частица отсутствует. Очевидно, в первом случае простой глагол ко времени сочетания с префиксом уже успел как бы срастись с *ge-* в форме причастия, благодаря чему это *ge-* присутствует в данной форме и при сложении глагола с отделяемым префиксом *unter-*; во втором же случае позднейшее значение глагола *unterziehen* не распределяется между глаголом и префиксом, сложный глагол мыслится в своей целостности, и в нем нет внутреннего слога *ge* в форме причастия.

Аналогии с рассмотренным случаем встречаем в ряде глаголов, напр. *übersetzen* 'переправлять через' || *übersetzen* 'переводить с одного языка на другой'; в первом случае имеем формы — *ich setze über* (наст. вр.), *ich sètzte über* (имперф.), *ich habe übergesetzt* (перф.), а во втором случае — *ich übersetze*, *ich übersètzte*, *ich habe übersetzt*¹.

В общем, в первом случае, — именно в сложном глаголе с главным ударением на префиксе, — обе морфемы еще сохраняют порознь свою индивидуальность, а во втором случае уже произошло «опрощение» в связи с переходом к новому значению. Особенность первого случая заключается еще в том, что между глаголом и отделяемым префиксом получают место другие члены того же пред-

¹ Однако, такая двойственность не всегда имеет место; так, напр., глагол *vórziehen* 'предпочитать' следует только первому типу образования времен: *ich zièhe vór*, *ich zög vór*, *ich habe vórgезogen*.

ложения, так же как и в случаях «описательных» глагольных форм; ср. *ich ziehe immer das alte Brot vor* 'я всегда предпочитаю черствый хлеб'; *ich habe mehrere Jahre in Kasan gelebt* 'я прожил многие годы в Казани'¹. С таким порядком размещения второстепенных членов предложения между главными, занимающими начало и конец предложения, можно отчасти сопоставить обычный порядок слов латинского предложения с подлежащим в начале и глаголом-сказуемым в конце, между которыми размещаются второстепенные члены, а также с порядком слов в предложении тюркских и финских языков (в расхождении, однако, с языками романскими и славянскими), ср. также «воплощающие» (инкорпорирующие) языки американских индейцев и др. Вообще, тщательный и всесторонний (фонетика, морфология и синтаксис) сравнительный анализ строя человеческих языков (в связи с условиями социально-бытовыми и др.) позволит осветить развитие всего их многообразия на базе однородности развития, каковую принимали Энгельс и Дарвин и на каковую указывает однородность основных процессов во всех языках при всех их различиях по способу выражения, например: переход от частной конкретности к обобщенной, «опрощение» или переход через повторение от генетического значения к целостному реальному², формирование грамматических структур по одним и тем же законам ассоциаций смежности и сходства, установление различия при этом между моментами материальным и формальным, между основными частями речи, и т. д.

¹ Синтаксический порядок слов в предложении немецкого языка разделяется и голландским языком, за исключением случая, когда в предложении имеются два глагола: в голландском управляющий глагол предшествует управляемому, тогда как в немецком — наоборот (голл. *kan aanzien* \neq нем. *ansehen kann* 'могу посмотреть').

² Я считаю этот процесс необходимо совершающимся во всех языках, подобно тому как сложные физические работы необходимо должны через повторение переходить в целостное, бессознательное привычное выполнение, что по отношению к ним может считаться «опрощением».

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	3
<i>Предисловие</i>	5

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Глава первая.</i> Обзор романских языков	11
<i>Глава вторая.</i> Французский язык: звуковая система и текст с комментарием	15
<i>Глава третья.</i> Испанский язык: звуковая система и текст с комментарием	27
<i>Глава четвертая.</i> Итальянский язык: звуковая система и текст с комментарием	37
<i>Глава пятая.</i> Румынский язык: звуковая система и текст с комментарием	50
<i>Глава шестая.</i> Сравнительный очерк фонетики романских языков	62
<i>Глава седьмая.</i> Из морфологии и синтаксиса романских языков	79

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Глава восьмая.</i> Обзор германских языков	91
<i>Глава девятая.</i> Английский язык: звуковая система и текст с комментарием	94
<i>Глава десятая.</i> Немецкий язык: звуковая система и текст с комментарием	105
<i>Глава одиннадцатая.</i> Голландский язык: звуковая система и текст с комментарием	117
<i>Глава двенадцатая.</i> Датский язык: звуковая система и текст с комментарием	128
<i>Глава тринадцатая.</i> Шведский язык: звуковая система и текст с комментарием	138
<i>Глава четырнадцатая.</i> Сравнительный очерк фонетики германских языков	145
<i>Глава пятнадцатая.</i> Из морфологии и синтаксиса германских языков	159